

The poster depicts a post-apocalyptic urban environment. In the foreground, a soldier in a tan combat suit and helmet is crouching, aiming a rifle. Behind him, another soldier in blue tactical gear stands near a brick wall. In the background, a third soldier is visible, and a group of survivors, including a woman and children, are walking through a street filled with smoke and debris. A fire burns on the left side of the frame. The sky is dark, and the silhouettes of city buildings are visible at the top.

ВСЕЛЕННАЯ АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ
НАЧАЛО

Мир «Эпохи мёртвых»

Андрей Круз

Эпоха мёртвых. Начало

«ЭКСМО»

2009

Круз А.

Эпоха мёртвых. Начало / А. Круз — «Эксмо», 2009 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

ISBN 978-5-9922-0379-0

Любопытство и безответственность ученых, злая воля «сильных мира сего», неспособность властей отразить новую, невиданную раньше угрозу – все это привело к коллапсу власти и общества и гибели мира в том виде, в каком мы его знали. И лишь те, кто нашел в себе силы драться за себя и за других, выживают среди хаоса и кошмара, которые принесла с собой пришедшая в наш мир Смерть.

ISBN 978-5-9922-0379-0

© Круз А., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Сестры Дегтяревы	6
Владимир Сергеевич Дегтярев, профессор	11
«Террористы»	14
Сергей Крамцов, аспирант, заместитель Дегтярева	16
Дегтярев Владимир Сергеевич	20
«Террористы»	21
НИИ. Охрана	22
Дегтярев Владимир Сергеевич	25
Председатель Совета директоров компании «Фармкор» Александр	27
Бурко	
Крамцов Сергей, аспирант	31
НИИ. Охрана	37
Дегтярев Владимир Сергеевич	38
Крамцов Сергей, еще аспирант	48
Дегтярев Владимир Сергеевич	51
«Террористы»	53
Пасечник Александр Васильевич, генерал-майор МВД в отставке, начальник СБ компании «Фармкор»	54
Сергей Крамцов, уже не аспирант	56
Бомж Сивый	58
Александр Бурко	59
Дворник	62
Собаки	64
«Скорая»	65
Милиция	66
«Террористы»	68
Сестры	70
Дегтярева Алина Александровна	73
Сергей Крамцов	76
Сергей Крамцов	80
Пасечник	85
Мария Журавлева, мать двоих детей	87
Сергей Крамцов	89
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Андрей Круз

Эпоха мертвых. Начало

Пролог

Этот весенний день ничем не отличался от других. Середина марта, самое начало весны. Разве что весна была необычно теплой, и снег, и без того не слишком обильный, совсем стаял. Еще не зазеленевшие газоны расплылись грязью, лужи растеклись по тротуарам от бордюра до бордюра, вынуждая прохожих искать обходные пути, но весна пришла, она витала в воздухе, и люди, уставшие от мерзкой в последние годы московской зимы, ждали тепла. В общем, весна как весна, – предчувствие лучшего, обновление жизни. Отличался этот день лишь одним: он стал последним в череде неспешного течения себе подобных. Еще никто ничего не знал, еще ехали машины по улицам города, еще спешили люди по своим делам. Еще даже ничего не успело случиться, но все сущее, весь мировой уклад жизни уже начал разгоняться под гору, к тому последнему трамплину, откуда лишь один путь – во тьму.

К Смерти.

Сестры Дегтяревы

19 марта, понедельник, день

Старшую сестру звали Ксенией, ей было девятнадцать. Высокая, темноволосая и темноглазая, она не была похожа ни на мать, ни на отца, зато удивительно напоминала портреты своей прабабки по материнской линии, актрисы театра Станиславского, игравшей почти все главные роли в военные и послевоенные годы, вплоть до своей трагической гибели в авиакатастрофе в 1962 году. Ксения училась в МГУ на факультете журналистики, куда попала почти исключительно благодаря способностям, совсем незначительной помощи своего дяди и редкой красоте, от которой млели и таяли мужчины-экзаменаторы. А невинность в глазах и нежный голос располагали к ней экзаменаторов-женщин, даже обладавших самыми черствыми сердцами.

Училась она на отделении тележурналистики, мечтая в будущем создавать репортажи в защиту животных, природы и еще чего-нибудь, заставляющие рыдать зрителей. Всякое зверье она любила безумно, и эта любовь не раз приводила к самым горьким последствиям. Принесенные кошки съедали птичек и вылавливали рыбок из аквариума. Спасенные собаки конфликтовали с кошками и время от времени устраивали погромы в квартире. Животные затем передавались в хорошие руки, чтобы освободить место следующим спасенным.

Впрочем, в последние месяцы в квартире установилось шаткое равновесие – новый аквариум затруднял коту лов рыбы, а хомячков было решено не покупать больше, чтобы не откармливать эту огромную пушистую черную тварь с мрачными желтыми глазами. Между собакой – помесью кавказской овчарки и еще неизвестно кого – и котом установилось некое перемирие, основанное на незлобивом характере первой и чудовищной наглости и хитрости второго. Короче говоря, коту удалось приспособить окружающую среду к своим взглядам на жизнь.

Сейчас Ксения «агитировала за советскую власть», по выражению своей матери. Речь была адресована сестре младшей, шестнадцатилетней школьнице Ане, которая животных любила, но в журналисты не рвалась, а ее жизненные планы сводились лишь к победе в большинстве кубков «Большого шлема» и дальнейшему заселению своими портретами всех таблоидов мира. Для этого она пять раз в неделю проводила по три часа в теннисной школе в Новой Олимпийской деревне, активно и старательно вбивая желтые мячики в покрытие корта. Кроме того, каждый день немного времени посвящала школьным домашним заданиям и очень много времени – стоянию голышом в ванной перед зеркалом с фотографиями Курниковой и Шараповой на туалетном столике. Каждый раз, признавая, что фигура у нее не хуже, чем у Курниковой, а лицо не хуже, чем у Шараповой, она в целом приходила к выводу, что объединила в себе достоинства обеих и место на первых страницах журналов светской хроники лучше бронировать уже сейчас. Аня, лицом неуволимо напоминавшая как мать, так и отца, была натуральной блондинкой, среднего роста и со спортивной фигуркой.

Сестры пили чай, сидя перед барной стойкой в просторной кухне, сверкающей нержавеющей сталью, что делало ее похожей то ли на морг из американского детективного кино, то ли на командный пост звездолета из старой советской фантастики.

В эту квартиру семья Дегтяревых вселилась всего несколько месяцев назад, переехав из типовой панельной многоэтажки на Мичуринском проспекте. Отец сестер, Владимир Сергеевич, был известным в академических кругах вирусологом и половину своей трудовой карьеры провел в экспедициях, в охоте на особо редкие и особо пакостные виды заразы. Опубликовал Владимир Сергеевич немало статей и монографий, что принесло ему много славы в научных кругах и очень мало денег.

Однако несколько лет назад ему повезло. Группа, которую он возглавлял, вошла в состав смешанной российско-американской команды вирусологов. Американцы получили грант от

какого-то американского же фонда, обретающегося при центре контроля за инфекционными заболеваниями в Атланте. В результате Владимир Сергеевич отправился в экспедицию не куда-нибудь, а сначала в Австралию, а потом на Гаити. Вернулся он оттуда почерневшим от загара и с новой темой для работы, в которую погрузился с головой. И сразу же вслед за этим последовало приглашение возглавить исследовательскую группу в России, работающую по этой программе. Владимир Сергеевич думал недолго, особенно когда ему рассказали о зарплате, бонусах и иных возможностях, которые позволяли поднять уровень жизни семьи на невиданную ранее высоту.

Впрочем, чуть позднее выяснилось, что настоящим местом работы Владимира Сергеевича оказалась небезызвестная компания «Фармкор», принадлежащая не менее небезызвестному Александру Бурко – большому олигарху с наклонностями слона в посудной лавке. Именно он финансировал фонд, даром что тот американский, а сам Бурко на сто процентов наш, посконный, из-под родных осин.

Таким образом, Владимир Сергеевич въехал со своими сотрудниками в двухэтажное здание по Автопроездной улице, которое в былые времена было лабораторным корпусом одного из московских автозаводов. После того как завод пришел в упадок, немалую часть его территории раскупили другие компании, и немалый кусок отхватила некая компания «Химпродукт» – одна из бесчисленных «дочек» «Фармкара».

Место было уединенным. Въезд на него был сложным, через территорию завода, хотя сам двор примыкал к Автопроездной улице, и при желании и небольших усилиях вполне можно было организовать отдельную проходную.

Затем на новой территории появился бывший сотрудник Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, известной еще как ФСИН, некто Оверчук Андрей Васильевич – среднего роста, плотный, с незапоминающимся лицом, но при этом наглый как танк. В настоящее время бывший «кум» Оверчук числился в рядах службы безопасности концерна «Фармкор» и занимал там отнюдь не рядовую должность. Его трудами влачившие жалкое существование дедки – вахтеры сменились на рослых ребят в черной полувоенной форме, с пистолетами и телескопическими дубинками на поясе и с самозарядными дробовиками за плечом. Затем территорию филиала заповилили рабочие, туда потянулись грузовики с оборудованием, и через шесть месяцев бывший лабораторный корпус завода, построенный из серых бетонных блоков, посеревших под дождями, и навевавший уныние своей убогостью, преобразился во вполне современное с виду здание с поляризованными стеклами в окнах и с еще более современной начинкой внутри.

Если сказать проще – такой лаборатории у Владимира Сергеевича до сего момента еще не было. Омрачало его работу там лишь регулярное присутствие Оверчука, которого Владимир Сергеевич не переносил даже на дух, подозревая в нем глубокую душевную мерзость. Впрочем, Оверчук и сам на глаза Дегтяреву не лез, появляясь на территории лаборатории не чаще чем пару раз в неделю и ненадолго, лишь приглядывая за ней вполглаза. У него и других дел хватало. Так что рабочий процесс последние несколько лет шел спокойно.

Еще смущало то, что частная компания взялась за работу с малоизученными вирусами в черте города, не ставя, естественно, об этом никого в известность. Владимир Сергеевич знал, с какими мерами предосторожности работают те же военные биологи – его однокашник Кирилл Гордеев возглавлял такую закрытую военную лабораторию по разработке вакцин. Здесь ничего похожего на их меры безопасности не наблюдалось. Сам Оверчук уверял, что залог безопасности – привлекать как можно меньше внимания. Впрочем, работать с опасными культурами здесь тоже никто не собирался, так что слишком сильно об этом Дегтярев не задумывался. К тому же «Фармкор» единым махом подписал контракт с Владимиром Сергеевичем чуть ли не на пожизненную занятость, положил ему поистине царскую зарплату, а недавно посодействовал с получением льготного, почти беспроцентного кредита на покупку квартиры.

В результате семья Дегтяревых въехала в новенький, если и не элитный, то вполне соответствующий понятию «бизнес-класс», дом неподалеку от метро «Университет», а старая их квартира была довольно удачно продана, обеспечив маму сестер, Алину Александровну, свободными средствами на покупку мебели. Казалось, наступило благоденствие.

Однако та пылкая речь, которую сейчас произносила Ксения перед младшей сестрой, не была хвалой Дегтяреву-отцу за их улучшившуюся жизнь. Ксения открыла, что вирусологи проводят опыты на животных. Не то чтобы она не знала этого раньше, но Владимир Сергеевич больше работал «в поле», и заражали животных его коллеги. Теперь же Владимир Сергеевич стал работать в лаборатории. И однажды вечером старшая дочь задала ему как бы между делом вопрос:

– Па, а вы каких животных используете? Ну в смысле для опытов?

Погруженный в свои мысли Дегтярев, даже не осознав истинного смысла вопроса, машинально ответил, что, естественно, полный набор – от крыс до обезьян. Разговор развития не получил, но Ксения мгновенно заклеила родителя как «живодера» и «вивисектора». К тому же она имела неосторожность поделиться новым знанием со своими друзьями с факультета, по разным причинам разделявшими ее взгляды на проблему защиты прав животных. В результате вокруг Ксении образовался эдакий круг единомышленников, который не давал утихнуть страстям вокруг «живодерства» Владимира Сергеевича.

Ксения даже почти перестала разговаривать с отцом, за исключением тех случаев, когда ей нужны были деньги, в которых мать ее ограничивала. Но Владимир Сергеевич, трудоголик в тяжелой стадии этого уважаемого заболевания, судя по его поведению, этого даже и не заметил, тем самым лишая дочь возможности ответить ему гневной отповедью на вопрос: «Ксенечка, а что случилось?» Теперь в роли папиного адвоката выступала сестра.

– Как ты можешь его оправдывать? Он ставит опыты на животных! Ты это понимаешь? Это все равно как если бы он ставил опыты на Барсике или на Мишке! – Так звали кота и собаку. – Их ты любишь? Ведь любишь? Ты бы отдала их папочке, чтобы он заразил их какой-нибудь чумой и смотрел, что из этого получится?

– Во-первых, отец их сам любит. Барсик вообще у него на подушке спит. Не у тебя, а у него, кстати. Во-вторых, тебе известен какой-нибудь другой способ испытывать лекарства? Насколько я слышала, такого еще не придумали...

– Вот пусть и занимаются сначала изобретением способа, а потом своими диссертациями!

Аня хмыкнула:

– Мне кажется, отец защитил все возможные диссертации уже лет десять назад. Или больше?

– Значит, помогает другим защищать, своим *подельникам*!

– А ты хоть знаешь, чем они занимаются?

– Не знаю и знать не хочу! – отмахнулась Ксения. – Мне достаточно того, что они мучают животных в своей лаборатории.

Аня пожала плечами, как будто говоря: «Что с дураками разговаривать», но все же сказала:

– Насколько я знаю, они занимаются возможностью сохранения организма в длительных космических полетах без замораживания. И вообще выживанием в экстремальных условиях. Типа попал в Антарктиду – замерз. Перевезли тебя в тепло – сам отмерз и дальше пошел. Еще куда-то попал – и опять с тобой ни фига не случилось. Что-то отключилось в организме, а потом включилось, когда надо.

Ксения фыркнула и уставилась на сестру, уперев руки в бока.

– И откуда же ты этого набралась, Курникова? Тренер рассказал?

– Я в записи отца посмотрела, – невозмутимо ответила сестра. – Они у него все на столе лежат. Он статью или книгу пишет о своей работе. Возьми сама и почитай.

– И ты хочешь сказать, что все поняла? У тебя по биологии что в полугодии было? – добавив в голос столько сарказма, сколько получилось, спросила Ксения.

– Я вступление поняла, – пожалала плечами Аня. – Хочешь понять остальное – читай сама, ты – умная, ты – отличница, про защиту животных скоро в телевизор попадешь. Вот иди в таком случае – и читай. Типа журналистское расследование.

– Откуда к тебе это «типа» прицепилось? – съехидничала Ксения. – От твоих дружков-спортсменов дебильных?

– Нет, из книжек, которые выпускники журфака пишут. Кстати, что такое «фак», я знаю. А вот «жур» что значит? – с притворной заинтересованностью спросила Аня.

– Ты до этого пока не доросла.

– Ну не доросла так не доросла, – легко согласилась младшая. – Мне пора.

Аня вышла из кухни, подхватила с пола в прихожей свою теннисную сумку, согнав с нее разомлевшего кота, и вышла в холл. Когда она подошла к двери, зазвонил телефон связи с охраной. Аня проигнорировала звонок, лишь обернулась вглубь квартиры и крикнула:

– Отличница! Остальные защитники прав крыс к тебе пожаловали! – и вышла за дверь.

С «защитниками» она столкнулась, выходя из лифта. «Защитников» было четверо – одна девушка и трое ребят. Девушка Маргарита и двое ребят учились с Ксенией на одном отделении факультета журналистики. Третьим был старший брат Маргариты – Семен. Впрочем, маленький и щедущий Семен в очках в толстой квадратной пластиковой оправе, как у музыканта Моби, совершенно не шедшей к его худому остренькому личику, выглядел намного младше своей сестры. Маргарита была полновата, к тому же неудачно полновата – целлюлитные бедра образовывали «уши», которые она пыталась затолкать в слишком тесные черные брюки. Брюки «уши» не уменьшали, а, наоборот, подчеркивали, к тому же жирноватые Маргаритины бока вываливались из тесного пояса и свисали, как взмохшее тесто из квашни.

Сама Маргарита почему-то считала себя богемной особой, тяготела к «готическому» стилю, поэтому красила волосы в радикально-черный цвет с ярко-красными прядями и носила похоронно-черный мейкап, который, вкупе с длинным носом и черными же глазами навывкате, делал ее образ просто пугающим. На факультет журналистики она попала стараниями своего папы, который вел все финансовые дела одного из центральных каналов телевидения.

Семен уже заканчивал Бауманку и был очень способным программистом. Однако применять свой несомненный талант в мирных целях ему было скучно, и однажды он настолько удачно блеснул способностями, что только благодаря вездесущему папе ему удалось миновать суд и тюрьму – гibraltarский филиал голландского банка жаждал крови и человеческих жертвоприношений.

Двое других ребят были отпрысками потомственных телевизионных семей. Дима, высокий, слегка косящий и рано лысеющий, был внуком известного в советские времена международного комментатора, а Игорь – сыном продюсера музыкального канала. В общем, вся эта компания образовалась из-за того, что Игорь – темноволосый, смазливый и избалованный девичьим вниманием – решил добиться благосклонности Ксении.

В отличие от остальных девушек Игоря Ксения не рухнула без сил перед его напором. Ксения была слишком погружена в себя и слишком себя же любила для этого. Поэтому к ухажерам она относилась несколько пренебрежительно и – пожалуй, можно сказать и так – деспотично. Не всегда даже замечая факт их наличия. В результате Игорь взялся защищать животных и окружающую среду, о судьбе которых никогда в жизни не задумывался, его друг Дима присоединился к ним потому, что он всегда присоединялся к Игорю, Маргарита числила себя подружкой Димы, и все бы осталось на уровне кухонных разговоров, если бы не Семен.

Несмотря на мирную профессию программиста, в душе Семен был пассионарием и готов был посвящать все свое время любой форме политической активности: защите ли прав животных, борьбе за социальную справедливость, истреблению ли животных и борьбе против любой

формы социальной справедливости – лишь бы это пахло заговором и давало ему ощущение собственной исключительности и причастности к чему-нибудь эдакому. Поэтому, после того как Семен вошел в их круг, мысли «защитников» начали принимать довольно конкретное и уже опасное направление.

Вся компания «заговорщиков», пропустив Аню и поздоровавшись с ней, поднялась на лифте на восьмой этаж и вышла в холл. Ксения уже ждала их у открытой двери. Расцеловавшись с ней, то есть дважды чмокая воздух возле щеки, как вдруг стало принято после показа рекламного ролика «спрайта» по телевизору, молодежь зашла в квартиру.

– Чай, кофе кто будет? – спросила Ксения.

Все захотели кофе. Ксения ушла на кухню, и было слышно, как там зажужжала кофемолка. По квартире потянуло ароматом хорошего свежемолотого кофе.

Владимир Сергеевич Дегтярев, профессор

19 марта, понедельник, день

Владимир Сергеевич Дегтярев стоял в лаборатории перед двойной стеной из толстого ударостойкого стекла, обрамленного металлом. С Дегтяревым были еще двое. Один молод, высок, худ, жилист и слегка сутуловат, стрижен почти наголо. Второй, наоборот, немолод, небольшого роста, в очках без оправы. Свои седоватые редеющие волосы он зачесывал назад.

Высокого звали Сергеем Крамцовым, был он аспирантом, а Дегтярев – его научным руководителем. Вторым был американец из института, принадлежащего американской же фармацевтической компании «Ай-Би-Эф», доктор Биллитон. Он приехал поработать с Дегтяревым два месяца назад, и занимались они тем, что сводили воедино результаты, достигнутые в своих странах двумя командами ученых. Он неплохо говорил по-русски, а Дегтярев сносно объяснялся по-английски, так что обходились без переводчиков.

Сейчас они пришли в виварий «на ЧП», и вид у всех троих был весьма озадаченный. За стеклянными стенами в несколько ярусов выстроились стеллажи с большими проволочными клетками. Стеллажи разделялись стенами на отсеки. В некоторых отсеках было пусто, а в некоторых в клетках сидели зеленые мартышки, привезенные из Африки. В первом слева отсеке был разгром и беспорядок. Одна из клеток была открыта, другая еще и сброшена на пол. Дверца ее распахнулась, в самой клетке обезьяны не было, зато пол под решетчатой стенкой залит кровью, и в багровой, быстро густеющей, липкой луже плавали клочки шерсти и еще какие-то куски.

Одна из обезьян, с замазанной запекшейся кровью мордой, сидела на полу неподалеку и равномерно покачивалась взад и вперед, как китайский болванчик. Вторая сидела на перевернутой клетке, но не вся. В смысле сидела она вся, но у нее на одной из рук не было ни единого клочка мяса или шерсти, и кое-как скрепленные друг с другом кости висели плетью. Еще у нее отсутствовала часть лица на черепе, точнее, вся левая его половина, которая была тщательно обгрызена с костей. Обезьяна сидела молча и совершенно неподвижно, и было видно, что подобные жуткие, скорее всего даже смертельные, раны ее совсем не беспокоят, словно и не случилось ничего.

– Так все же что произошло? – спросил Владимир Сергеевич Крамцова.

– Замки на этих клетках плохие, я уже несколько раз говорил, – ответил аспирант. – Открываются самопроизвольно. Рано или поздно все обезьяны разбегутся.

– С замками понятно, их на следующей неделе все заменят, но что именно случилось?

Крамцов кивнул на ряд компьютерных мониторов, стоящих на столе:

– Посмотрите все в записи, а если кратко... В этом отсеке всего две обезьяны, обе были инфицированы. Сидят они уже больше месяца, чувствуют себя прекрасно.

– Это те самые, которые ВИЧ-инфицированные, – повернулся Дегтярев к Биллитону. – Мы пытались вытеснить ВИЧ нашей «Шестеркой».

– И что получается?

– Получается, что мы побеждаем СПИД. И не только СПИД. Все гепатиты, например, даже банальный грипп. Любые вирусные заболевания. Наш вирус не терпит вообще никаких конкурентов, особенно тех, которые вредят носителю. Если удастся довести «Шестерку» до стабильного уровня, то можем ехать в Стокгольм заранее и ждать Нобелевские премии уже там. Ну и господин Бурко станет богаче раз в десять еще. Или в сто. Извини, Сережа, и что дальше?

Крамцов кивнул и продолжил:

– Я услышал шум, вбежал в лабораторию. Одна из обезьян сумела открыть клетку, начала прыгать по отсеку, открыла вторую клетку, а затем повисла на ее открытой двери. Вторая обезьяна тоже начала беситься, и вдвоем они раскатали клетку и уронили ее с полки так, что

клетка убила обезьяну, висящую на дверце. Ее рука застряла в решетке, обезьяна не смогла увернуться, и клетка упала на нее, проломила ей грудную клетку. Если она к вам повернется другим боком, вы увидите, какая у нее рана. Все ребра сломаны, и наверняка проткнуты легкие. Вторая обезьяна испугалась и забилась в дальний угол отсека. Пока я надевал на себя защиту, намереваясь войти внутрь и навести порядок, обезьяна, которую я считал мертвой, вдруг зашевелилась.

Попутно Крамцов отматывал на экране компьютера до нужного места черно-белый ролик, снятый камерой слежения.

– Вот, смотрите с этого места.

На одном из экранов появилось изображение стоящего у стеклянной стены Крамцова в белом комбинезоне, но без шлема, на втором и третьем экранах можно было наблюдать за отсеком изнутри. Действительно, придавленная обезьяна неожиданно зашевелилась, выбралась из-под клетки, села и замерла в неподвижности. У второй мартышки она вызвала любопытство. Та медленно приблизилась к неожиданно воскресшей товарке. Но вплотную не подошла, как будто что-то удерживало ее на расстоянии. Вся ее поза выражала неуверенность. Воскресшая поначалу не реагировала на ее приближение, даже не смотрела в ту сторону. Так прошло около трех минут. Затем воскресшая молча, не издавая никаких звуков и не делая никаких предупредительных и угрожающих жестов, бросилась на вторую, вцепилась в нее, опрокинула на пол. Последовала недолгая возня, затем атакующая прекратила дергаться и растянулась на полу, а воскресшая уселась рядом с ней, схватив за руку.

– Это... это что она делает? – спросил Биллитон.

– Она ее убила и теперь ест, – ответил Крамцов.

– С ума сойти, – словно не веря своим глазам, помотал головой американец. – Почему? В наших материалах никогда не упоминались случаи немотивированной агрессии или каннибализма. А эти мартышки вообще травоядные.

– Наши материалы – это или полевые наблюдения за людьми, или опыты на крысах, – пожал плечами Крамцов. – Может быть, вирус мутировал, а может быть, это воздействие непосредственно на психику обезьяны. А агрессия очень даже мотивированная, как мне кажется – ради пищи. Какой мотив еще нужен? Вот, вот, смотрите! Вот самое главное!

Он постучал ногтем по экрану монитора. Там происходило нечто удивительное. Одна обезьяна продолжала объедать мясо с руки второй, а вторая, мертвая к тому времени, зашевелилась.

– Видите?

Обезьяна-убийца неожиданно бросила свою жертву и отошла в сторону, сев на пол и делая глотательные движения. Вторая обезьяна тоже села и замерла. Затем начала раскачиваться вперед-назад.

– Так они и сидят уже больше часа. Ничего не изменилось. Судя по всему, обе мертвы. Тепловизор показывает, что их тела продолжают остывать, – подвел итог Крамцов.

– И что у нас получается? Вирус работает, но не совсем в том направлении, что мы рассчитывали? – спросил Биллитон.

– Похоже на то, – ответил за аспиранта Дегтярев. – Обе были живы, несмотря на инфекцию. Были абсолютно здоровы с виду, пока одна из них не погибла в результате несчастного случая. И тут мы видим подтверждение австралийских и гаитянских басен – мертвая обезьяна «восстала из гроба», причем классически, чтобы «питаться от живых». Хотя даже у аборигенов агрессия фактами не подтверждалась, только в сказках. Как это получилось?

– Портальное сердце, скорее всего, как мы и предполагали раньше. А вообще надо их поймать. И заглянуть внутрь, – сказал Крамцов.

Биллитон внимательно посмотрел на него:

– Вы понимаете, насколько осторожным следует быть?

– Я понимаю, – кивнул Крамцов. – И я не намерен ловить обезьян в одиночку, привлеку лаборантов, наденем защиту. Кстати, я трижды выпускал усыпляющий газ в этот отсек – никакого эффекта. Похоже, что они совсем не дышат. Я даже проверил его действие в другом отсеке, с неинфицированными обезьянами, но там все сработало. Животные уснули через три минуты. А этим газ безразличен.

– Да, интересно, – вздохнул Биллитон. – Что-то подобное мы предполагали, но совсем не в таком виде и не с таким эффектом. Теперь нам надо будет разобраться, что из этого следует и как это повернуть к вящей пользе человечества. У нас есть еще инфицированные экземпляры?

– Нет, но это несложно сделать, – усмехнулся Крамцов. – Инфицируем. И лучше начнем с крыс, обезьян мало.

«Террористы»

19 марта, понедельник

– Сем, а ты уверен, что твоя бомба никого не убьет? – спросила Маргарита у брата. – Это ведь не базы данных в банках ломать, тебя папашка тогда не спасет.

Семен отрицательно мотнул головой:

– Я все измерил. Шаг бетонных плит в заборе соответствует окнам в стене здания почти стопроцентно. Пятая плита слева – как раз напротив первого окна слева в цокольном этаже. Ночью там никого не остается, окна полуподвальные. Два охранника находятся в главном корпусе, и еще один на проходной.

– А может быть, там в ночную смену кто-то работает? – снова спросила сестра.

Чем ближе к делу, тем меньше ей нравилась вся эта затея. На стадии планирования все выглядело увлекательно, но чем ближе подходило к осуществлению, тем страшнее ей становилось. Семену же было все равно, он видел перед собой лишь очередную цель и шел к ней напролом.

– Я же считал, сколько людей приходит, сколько уходит, – даже чуть возмутился брат. – В окнах цокольного этажа и свет не горит, только дежурная подсветка. Я видеокамеру на палке через забор поднял, все снял. Ошибки быть не может. И Ксения там была, ходила к папе на работу, заглядывала в окно. Сказала, что там какая-то аппаратура и компьютеры. И, похоже, электрощит. Если все это разломать, то они долго восстанавливаться будут. И взорвется бомба даже не в здании, а снаружи. Стекла вылетят, компьютеры поломают, ущерб нанесем, и все. А то, что Ксенька предлагает, – это невозможно, мы даже во двор здания не попадем.

– Зато мы могли бы попытаться выпустить животных, а так мы можем их убить.

Говорилось это в робкой надежде, что весь зловещий план просто обратится в шутку. И все пойдут домой.

– Клетки совсем в другом месте стоят, ты же сама говорила, – слегка возмутился Семен.

– Бомба есть бомба!

– Да что ты несешь? – аж подскочил на стуле брат. – Какая это бомба? Хлопушка, из селитры с соляжкой. Даже осколков не дает. Ничего не может случиться, она скорее тогда забор уронит, чем стену здания повредит.

«Защитники животных» решили перейти к активным действиям. Как всегда бывает в подобных компаниях, одержимых радикальными идеями борьбы за какую-нибудь благородную цель, рано или поздно они делают что-то, о чем потом жалеют или сами, или еще больше жалеет кто-то другой, что бывает гораздо чаще. Каждому хотелось пойти в «борьбе» немного дальше, чем другому, присутствие Семена сыграло роль катализатора, и в конце концов они решились устроить взрыв во дворе НИИ, в котором работал Владимир Сергеевич.

Следует отдать должное «террористам»: они старались изо всех сил избежать жертв, и даже нанесение ущерба представлялось не столь уж важным. Главное – сделать что-нибудь такое, что можно было бы потом обсуждать между собой и что сделало бы их причастными к чему-нибудь тайному. И, в общем, кроме Ксении, всем остальным судьба запертых в НИИ обезьян была «по барабану».

Замысел особой сложностью не отличался. Где-то в дебрях Всемирной паутины Семен выловил рецепт изготовления взрывчатки и детонатора. Купив необходимые ингредиенты, он соорудил из них то, что называется «безоболочечным взрывным устройством», весом около трех килограммов. Проблема была лишь в том, чтобы расположить это устройство напротив намеченных окон цокольного этажа здания и исключить вероятность того, что бомба взорвется в другом месте и кто-то из людей пострадает.

Вполне изящное решение проблемы пришло в голову Семену, когда он в очередной раз проезжал по Автопроездной улице. И Семен изготовил из алюминиевого уголка нечто вроде подвесной горочки с маленьким трамплином. Если ее установить на верх забора, трамплином внутрь, аккуратно положить на нее «полено» бомбы и отпустить, то она должна была упасть на землю и подкатиться прямо к необходимому окну.

Все же НИИ не был военным объектом, да и предполагалось, что исследования, проводившиеся в нем, никаких серьезных проблем повлечь не могут. Ну зачем врагам государства совсем не секретные материалы совсем не секретных исследований, ведущихся на международный грант, которые могут быть полезны в далеком будущем, в космической медицине например. Поэтому охранялось здание преимущественно от воров, которым захотелось бы украсть новые компьютеры, от пьяных, которые не прочь были бы помочиться за его углом, и бомжей, которые с удовольствием ночевали бы в его подвалах, будь у них такая возможность. Три охранника, вооруженных дробовиками и пистолетом, и хорошая система сигнализации, выведенная на пульт вневедомственной охраны, были вполне достаточны для таких целей. Камеры вообще наблюдали лишь внутреннюю территорию, оставляя все пространство за забором в «мертвой зоне». Вполне можно было подойти к нужному месту вдоль забора, закрепить «горку» на стене сверху и уронить на нее заряд.

– Ладно, Сем, покажи бомбу, – попросил Дима.

– Не вопрос, смотри.

Семен нагнулся и резко расстегнул «молнию» на спортивной сумке.

– Это она? – слегка разочарованно спросил Игорь. – Труба какая-то...

– Она самая. А ты что ожидал увидеть?

– Не знаю. – Игорь сделал неопределенный жест. – Бомбу какую-нибудь, наверное на ананас похожую, а это просто сверток.

– Правильно, потому что у такого свертка не будет осколков, – кивнул Семен. – А если будут осколки, то они могут кого-то ранить или убить, например. А форма такая для того, чтобы катилась по трамплинчику.

– А это что? – Маргарита ткнула пальцем на пару длинных пакетов, лежащих в той же сумке.

– Это и есть направляющие.

– Класс! – сказал Дима.

– Да уж, наверное, – подтвердил Семен с гордостью. Послышался звук отпираемого замка во входной двери.

– Тихо, убирайте все, – сказала Ксения. – Анька пришла.

– А что, заложит, что ли? – спросил Семен.

Вообще-то Аня Семену очень нравилась, но она относилась с настолько явной иронией и ехидством к компании «защитников животных», что Семен понимал, что, пока он с ними, вероятность завести отношения с Аней равна нулю. А хотелось бы, даже очень.

– Не заложит, но как-нибудь все испортит. Прячь, говорю! – потребовала ее сестра.

Сергей Крамцов, аспирант, заместитель Дегтярева

19 марта, понедельник

Вид у шефа с Биллитонем был такой, что хоть в цирк не ходи. Могу поручиться, что если бы не маски, то я увидел бы, что стоят они с раскрытыми ртами, как я совсем недавно. У меня вид был попроще, чем у руководства, но это сейчас. До этого я сам выглядел не лучше. Почему? А сами посудите... Мы все втроем стояли у металлического стола, к которому была привязана препарированная обезьяна. Но при этом обезьяна не была мертва, а я никак не пытался поддерживать ее жизнедеятельность. Она просто продолжала шевелиться, распахивала пасть, пытаясь дотянуться зубами до кого-нибудь из нас, и вообще не было похоже, что она собирается помереть.

Стоп, ошибка. Она была абсолютно, на сто процентов, мертва с клинической точки зрения, но это никак не сказалось на ее активности. Несмотря на отсутствие сердцебиения, дыхания и комнатную температуру тела, она была весьма энергична и стала намного агрессивней, чем была при жизни. Вскрытая грудная клетка, растянутая в стороны, опавшее и замершее сердце, и при этом – распахнутые на всю ширину челюсти с оскаленными зубами, поблекшие глаза, кожа, там, где не была покрыта шерстью, воскового оттенка. Легкие не работали, поэтому вместо присущего обезьянам этого вида отчаянного визга она издавала время от времени слабое скуление.

– Сережа... вы нас просветите насчет того, что же мы все-таки наблюдаем, – сказал шеф, предварительно прокашлявшись.

– Бойтесь, что глаза подводят? Нет, с глазами у вас все в порядке, – начал я таким тоном, как будто собирался продать им эту препарированную обезьяну. – Вы имеете возможность видеть абсолютно мертвое существо, которое при этом отказывается таковой факт признавать. При этом существо проявляет ранее несвойственную ему склонность к агрессии.

– Портальное сердце? – спросил Биллитон, почесав в затылке.

– Нет. Сначала я тоже так думал... – вздохнул я и театрально скрестил руки на груди. – Впрочем, мы все так думали и наблюдали это на первой стадии работы, но теперь все не так. После вскрытия оживленного трупа я обнаружил, что клапаны печени продолжают работать. Тогда я физически разрушил их, прекратив работу так называемого «портального сердца». Кроме того, в этой обезьяне сейчас нет почти ни грамма крови. Я ее просто откачал. Вместе с тем, как видите, она не намерена успокоиться. Если ее отпустить, она, как и подобает ожившему мертвецу, попытается нас сожрать. При этом она предпочтет нам обезьяну одного с ней вида. Склонность к каннибализму у нее доминирует.

– Есть теория, зачем ей это? – спросил шеф.

– Есть, – кивнул я. – Думаю, что она нуждается в генетическом материале для изменения организма.

– Она же мертвая, – деликатно напомнил мне шеф.

– Да, – кивнул я. – Но организм все равно живет, просто другим способом.

Шеф замолчал, подумал, затем кивнул:

– Согласен. Жизнедеятельность налицо. Что ты еще накопал?

Накопал я уже немало. Все же два выходных просидел на работе, не вставая. И некоторый материал уже появился.

– Я пытаюсь просто систематизировать то, что мы имеем в результате несчастного случая с обезьяной, и никак не могу закончить. Все переворачивается с ног на голову.

– Ну давай кратко пробежимся по выводам.

– Давайте, – согласился я. – Первое: мы получили вирус с очень высокой вирулентностью, чего не искали. Заражение может произойти любым путем, вплоть до воздушно-капель-

ного. Достаточно просто находиться рядом, и ты инфицирован. Обезьяна в клетке, которую я подносил к обезьяне-зомби, уже инфицирована, я взял анализы крови. При этом нет никаких признаков болезни, вирус ведет себя крайне неактивно. Тогда я снова взялся за крыс и, чтобы не возиться и не мудрить, просто впрыснул четырем крысам подкожно кровь обезьяны-зомби.

– Откуда такая вирулентность? И что получилось?

– О вирулентности... Вот изображение вируса... – Я покликнул мышкой на экране монитора, выведя изображение чего-то, напоминающего цифру 6. Поэтому и вирус мы прозвали «Шестеркой». Решили, что называть «Девяткой» – много чести. – Видите эти волоски? Раньше их не было, а теперь вирус «полетел», чего раньше за ним не наблюдалось. А по поводу впрыскивания крови мертвой обезьяны живым крысам... Получилась неожиданность. Все крысы умерли в течение часа и через пять минут восстали из мертвых. Они не проявили никакого интереса друг к другу, но, когда рядом с их клетками я поставил клетки с живыми крысами, зомби впали в агрессию.

– Живые крысы инфицированы? – уточнил шеф.

– Именно! – подтвердил я. – Инфицированы все до одной, но помирать не собираются и чувствуют себя прекрасно! Никаких признаков какой-либо болезни. Более того, две крысы были из числа «гепатитных», и теперь вирус гепатита у них явно находится в подавленном состоянии. «Шестерка» уничтожает заразу. Тогда я сделал следующее: запустил в клетку к крысе-зомби живую крысу. Зомби намного медленней живой крысы и явно слабее, но у живой крысы началась настоящая паника, она даже не могла обороняться. Как будто все ее оборонительные инстинкты дали сбой, в них не заложена схема обороны от ожившего трупа.

Я дал шефу с Джеймсом полюбоваться на видеозапись мечущейся по клетке белой крысы. Вторая крыса неуклюже преследовала ее, переваливаясь с боку на бок.

– Возможно, – поджав губы, произнес Биллитон. – И что было дальше?

– Крыса-зомби сумела все же отхватить изрядный кусок мяса с живой крысы, – продолжил я. – Рана не была смертельна, я рассадил крыс снова в разные клетки, а раненой крысе даже сделал перевязку. И она умерла примерно через час. И через пять минут воскресла. Повторный опыт с этой мертвой крысой и крысой живой дал другой результат – живая крыса отбивалась и даже напала на мертвую, сильно ту покусав.

– И тоже умерла? – спросил Дегтярев.

– Именно, – подтвердил я.

Шеф помолчал, переваривая информацию, затем сказал:

– То есть получается, что заражение, произведенное воздушно-капельным путем, делает особь просто носителем. Даже ведет к улучшению состояния. А заражение, когда вирус попадает непосредственно в кровь, ведет к смерти и последующему оживлению?

– Именно так. Похоже, что ударная доза чужого вируса, уже измененного под конкретного носителя, попавшая прямо в кровь, вырабатывает токсин. И он убивает, а дальше включается механизм оживления. Кофе будете?

Я подошел к кофеварке и включил ее.

– Нет, спасибо, потом ночью не усну, – покачал головой Дегтярев. – Я лучше покурю здесь у тебя, не возражаешь?

Как всегда. Я не курю и дым на дух не переношу, но шефу отказать не могу. Не потому, что он шеф, а потому, что он мне по-человечески очень нравится. Уважаю я его. А если бы кто другой в моей лаборатории курить вздумал – вылетел бы отсюда в два счета. Я даже Оверчука дважды выставлял с сигаретой.

– Что с вами сделаете, курите.

Я достал из шкафа желтую пластмассовую пепельницу с логотипом сигарет «Кэмел», которая хранилась у меня специально для таких случаев, и выставил на стол. Откуда она здесь

взялась – сам не знаю. Исторически сложилось. Дегтярев щелкнул зажигалкой, прикурил и выдохнул дым в сторону от меня. И за то спасибо.

– Давай, Сережа, продолжай.

– Продолжаю, – кивнул я, разогнав дым рукой. – Именно так и получается. Тогда я, к стыду своему, взял грех на душу и впрыснул одной из инфицированных, но живых крыс раствор мышьяка. Угадайте, что получилось?

– Крыса умерла и воскресла?

– Именно так, – подтвердил я, после чего заявил: – То есть мы имеем ситуацию, что если вирус вырвется за пределы этой не слишком хорошо охраняемой лаборатории, то он вызовет гибель всей человеческой цивилизации.

– Гхм... ты уверен? – чуть не подавился дымом шеф. – Очень уж радикальный вывод.

Вывод куда как радикальный, надо объяснять. Попробую.

– Я не уверен, разумеется, опыты на людях я не ставил, но полагаю, что, если воскресшие обезьяны нападают на живых обезьян с целью их съесть, если воскресшие крысы нападают на живых крыс с той же целью, то и что-то подобное может произойти с человеком.

– С этим согласен, – кивнул Дегтярев. – И что?

– А возможность инфицироваться, просто находясь рядом с зомби, составляет почти сто процентов, вы понимаете? – Я сделал некий жест, долженствующий изображать полет. – Вирус летает в воздухе, он буквально испаряется. Как будто таким образом поддерживает свою популяцию в организме не выше некоторого предела, который полагает для организма безопасным.

– И?..

– И тогда любой мертвый восстанет, необязательно даже быть жертвой нападения. Жертва аварии, жертва несчастного случая прямо в «скорой помощи» и так далее. Любой инфицированный. И нападет на живого, а живой заразится непосредственно от нападения, вскоре умрет, восстанет и так далее. Фильмы ужасов отдыхают.

Дегтярев вздохнул, помолчал, глядя на свое отражение в темном стекле окна. Во дворе уже ночь была. Затем сказал:

– Знаешь, это возможно. Опасность в том, что вирус не вызывает болезни у переносчика. Сначала переносчик должен погибнуть, чтобы «темная сторона» вируса себя проявила. А пока он жив, то и жаловаться ему не на что. Он ведь даже гриппом болеть не будет.

Ну вот, долго объяснять не потребовалось. Шеф быстро соображает, понял, в чем настоящая проблема.

– Именно так. В этом и опасность, – продолжил я. – Будь моя воля, я сейчас уничтожил бы все образцы этого модифицированного нами вируса. Пусть останется тот, который мы нашли в экспедиции – нулевая вирулентность, содержится исключительно в организме некоторых глубоководных рыб, и даже если ты рыбу съешь, то все равно не заразишься. Начнем работать заново, от отправной точки.

Если честно, то у меня волосы на голове последние сутки шевелились не останавливаясь. Я просто представил себе, что же это такое. Эта зараза может распространиться по всему миру, и никто даже тревогу не поднимет. Представьте себе одну из великих пандемий прошлого, хоть ту же «испанку», благо ее природа тоже вирусная. Люди болели и именно поэтому с ней боролись, как могли в то время. А теперь представьте, что люди не болели, а наоборот, лучше себя чувствовали. Кто-нибудь стал бы бить тревогу? Сомневаюсь. Весь мир бы спокойно заразился. А затем начали бы подниматься мертвые, чтобы «питаться от живых». И тогда бороться с вирусом было бы поздно. Почему? А он уже у всех у нас внутри.

– Это не так просто, – подумав, сказал шеф. – Он есть у американцев, например. Программа международная, и даже если мы уничтожим образцы здесь, то это мало что изменит. А вот поднимать тревогу надо, в этом ты полностью прав. Этот НИИ совершенно непригоден для работы с опасными инфекциями, нет ни требуемых мер безопасности, ни охраны. Я завтра

же выйду на наше руководство и потребую перевести дальнейшую работу в место, где меры безопасности выше. А сейчас мы ничего дополнительно сделать не можем. Что мы еще знаем?

– Примерно то же, что знали раньше, – ответил я. – Но есть нечто интересное. Когда из поля зрения крыс-зомби исчезла потенциальная добыча, две из них как будто продолжали искать ее, а затем впали в некую кому. Две других вели себя пассивней и впали в летаргию сразу. Однако стоило поблизости появиться живым крысам из числа инфицированных, и они снова начали оживать. Я пересадил крыс-зомби в одну клетку и запустил туда крысу из числа инфицированных. И они ее съели, не оставив почти ничего, но даже то, что осталась, ожило. От нее осталась голова и треть туловища, ни одной лапы, вся кровь вытекла, но она все равно ожила.

Дегтярев кивнул, как бы подтверждая, что усвоил информацию, затем спросил:

– Самый, возможно, важный вопрос: как убить зомби?

Верно, до этого должно было дойти. Как убить то, что уже давно мертво? Звучит странно.

– Я пытался сделать это несколькими способами, – ответил я. – Ни яд, ни травматические повреждения на них не действуют. Удалось достигнуть результата двумя способами – разрушение мозга и удар электричеством. В первом случае я просто пробил череп крысы шилом, во втором – поднес к животному электроды и дал сильный разряд.

– Не воскресли заново?

– Нет. – Я даже сделал жест некоего свертотрицания. – Я не стал забрасывать их в печь пока, продолжаю наблюдать, но они стали самыми обычными трупами.

– То есть поражение центральной нервной системы, и все? – уточнил Дегтярев.

– Да, только центральной нервной системы, – кивнул я. – Повреждения позвоночника вызывают частичный паралич, как и у живых, разве что зомби, судя по всему, дискомфорта от этого не испытывают. Просто часть тела отключается. В общем, оживший труп все же можно убить, но с большим трудом.

– Ладно, заканчивай свой отчет, и пошли по домам, – вздохнул тяжело шеф. – А лучше – просто пошли по домам, поздно уже.

– Может, вы и правы, – согласился я. – Я скопирую отчет на диск и закончу его дома.

Я уже на стенки от усталости наткался, надо бы поспать. А потом можно и отчет закончить.

– Правильно, давай.

Дегтярев Владимир Сергеевич

19 марта, понедельник

Дегтярев затушил сигарету и вышел из лаборатории. Выводы, изложенные Крамцовым, действительно поражали. Вот так, совершенно неожиданно, они получили биологическое оружие, небывалое по своим характеристикам, апокалипсис, судный день в чистом виде, в самых ужасных его формах. Владимир Сергеевич религиозную литературу не читал, но нечто насчет «... и мертвые восстанут из могил» все же откуда-то помнил. Как раз тот самый случай. И это в исследованиях, имевших самую мирную направленность. Владимир Сергеевич вовсе не был ученым-маньяком из кино, готовым на все для продолжения исследований. Он даже не против был прямо сейчас уничтожить полученный вирус, прозванный «Шестеркой», но теперь это ни к чему бы не привело. Остались отчеты, осталась документация по его модификации, остались образцы нового штамма в других лабораториях, работающих по этой программе. Скрыть результаты, полученные здесь, теперь даже опасней, чем опубликовать их в открытой печати. Слишком много людей уже посвящено в то, что происходит здесь.

Дегтярев выкурил еще сигарету, глядя в окно своего кабинета. Он принял решение. Завтра с утра он официально затребует от своего руководства перевода дальнейших работ по «Шестерке» в место с повышенными мерами безопасности. Если же его начальство не сочтет необходимым принять такие меры, он, Дегтярев, открыто передаст свои выводы по экспериментам военным. Контакты у него имелись, и кое-какие предварительные шаги втайне от своего нового руководства он предпринял заранее.

Военные, разумеется, не самые лучшие партнеры для работы и, скорее всего, заберут всю работу по программе себе, наглухо перекрыв к ней доступ другим, но они гарантированно переведут исследование в такое место, где безопасность проекта будет обеспечена на сто процентов. Лаборатория в закрытом городе Горький-16, в просторечии именуемом «Шешнашкой», – именно такое место.

Владимир Сергеевич взял свой портфель со стола, вышел из кабинета, запер за собой дверь и спустился вниз. У стойки, за которой сидели двое охранников, он столкнулся с Крамцовым, сдававшим ключи от лаборатории.

– Закончил, Сережа?

– Да, отчет дома допечатаю.

– Хорошо. С утра ты мне его сразу на стол. Ты прав, меры надо принимать немедленно. Пойду с твоим отчетом к начальству.

– А начальство отреагирует?

– Если пообещаю передать материалы в «Шешнашку», то отреагирует, никуда не денется.

– Да, это подействует.

Ученые вышли из трехэтажного здания института во двор. Уже стемнело, но вечер был необычно теплым для середины марта. Дегтярев, продолжая наслаждаться неожиданно возросшим благосостоянием, год назад прикупил себе уже вторую «вольво», на которой и ездил теперь, а у Крамцова рядом с машиной начальства прямо во дворе института был припаркован пожилой, но ухоженный «Форанер» скромного серого цвета, с багажником на крыше и на высоких колесах, выдававших любителя внедорожной езды.

– Ладно, до завтра, Сережа.

– До завтра, Владимир Сергеевич.

«Террористы»

19 марта, понедельник

– Не дотягиваюсь я до верха, блин! – прошипел Дима, пытаясь надеть сооруженный Семеном «трамплинчик» на вершину институтской стены. – Раньше подумать не мог об этом?

– Я подумал. Завязывай с истерикой, лучше подними меня, я надену, – так же прошептал Семен.

В темноте возле забора раздалась тихая возня, затем Дима поднял к верху забора сидевшего у него на плечах шуплого Семена. Что-то металлически заскребло по бетону, и от верха забора во двор института протянулись две изогнутые металлические планки, как крючки огромной вешалки.

– Опускай. Теперь бомба.

Вновь послышалась возня, вжикнула застежка «молния», затем Семена вновь подняли. В руках у него была «колбаса» взрывного устройства. Из нее сбоку свисал длинный фитиль, изготовленный из веревки, пропитанной селитрой. Горел такой фитиль намного медленней стандартного огнепроводного шнура, и имеющийся отрезок его, длиной почти в метр, давал возможность далеко убежать, до того как бомба взорвется. Семен щелкнул зажигалкой, фитиль загорелся с тихим шипением, огонек медленно пополз к бомбе.

– Роняю.

– Давай. Опускать тебя?

Бомба прокатилась по направляющим и с увесистым шлепком упала на асфальт с той стороны забора.

– Опускай, – прошептал Семен сверху. – Смываемся. Сумку не забудь.

– Давай держись. Опускаю.

Семен спрыгнул с плеч Димы, подхватил с земли сумку, в которой принесли бомбу. Затолкал в нее снятые со стены самодельные направляющие. Теперь все, следы замечены.

– Все, уходим, – сказал Семен.

– К машинам? – глупо уточнил Дима.

– А куда еще? – прошипел Семен. – Валим отсюда!

НИИ. Охрана

19 марта, понедельник

Николай Минаев работал в службе безопасности «Фармкора» уже больше четырех лет. Начинал как охранник, а затем стал телохранителем у одного из членов Совета директоров концерна. Служба телохранителем была беспокойной, и вовсе не потому, что его клиенту кто-то угрожал, а потому, что была ненормированной, беспорядочной и утомительной. Поэтому недавно он попросился на другую должность и возглавил дежурную смену в НИИ.

Он и еще двое охранников заступили на дежурство в восемь вечера. Один из них, Ринат Гайбидуллин, дежурил на проходной, выходящей на территорию автозавода, а сам Николай и второй его подчиненный, Олег Володько, сидели в застекленном аквариуме в вестибюле института и следили за изображениями с доброго десятка камер слежения, которыми оснастили здание НИИ после того, как оно перешло в новые руки. Туда же, на пульт, были выведены каналы сигнализации, оттуда же осуществлялась связь с ближайшим отделением милиции.

– Коль, а что это такое? – Олег Володько постучал пальцем по экрану, который показывал проход между задней стеной здания НИИ и забором. На земле лежал какой-то предмет, которого там раньше не было.

– Не пойму что-то... Ни на что не похоже. Может, бумагу ветром принесло?

– Нет же ветра. Тряпка... нет, не пойму. Пойти посмотреть?

– Да не мешало бы. Ладно, лежит, жрать не просит, все равно в обход через сорок минут, тогда и глянешь.

– Ладно.

Возможно, это была и ошибка, но, скорее всего, Володько не успел бы что-нибудь предпринять с валяющимся возле здания свертком. Фитилю оставалось гореть совсем чуть-чуть. Сам фитиль через камеру наблюдения виден не был, и тонкую струйку прозрачного дыма от него тоже не разглядишь, потому что разрешение черно-белой камеры слежения на такие мелочи не рассчитано.

Взрыв раздался через минуту и тринадцать секунд после того, как Володько заметил бомбу на экране. Три с половиной килограмма самодельной взрывчатки на основе селитры выбили все окна вместе с рамами в цокольном этаже здания, но окна второго этажа уцелели, лишь некоторые треснули, потому что в них вместо обычного стекла стоял, в целях безопасности, триплекс.

Бетонная плита забора, выходящего на Автопроездную улицу, рухнула и раскололась, открыв доступ во двор института и выход из него куда угодно. Взрывная волна снесла со своих мест всю аппаратуру в двух лабораториях, уничтожила все компьютеры, перевернула столы. Как и рассчитывали «террористы», виварий с животными остался неповрежденным, разве что выбило стекла в окнах и в одном месте сорвало решетку с окна. Но произошло то, о чем Семен с друзьями не думали совсем: взрывная волна сорвала с места и опрокинула шкаф с распределительными электрическими щитками, и два оборванных кабеля сомкнулись между собой. Именно эти кабели вели к блоку дистанционного управления замками во всех отсеках вивария: с инфицированными животными, с зомби и с просто живыми. И все двери до единой открылись. В обоих контурах безопасности. Случилось то, чего случиться не могло. Шанс, что так выйдет, был один на миллион, и именно он выпал сегодня.

Затем в здании погас свет, а резервное освещение не включилось, потому что запасной генератор стоял в той же комнате цокольного этажа, где и шкаф-распределитель, и он был непоправимо поврежден взрывом.

Во всем здании с потолка сыпалась штукатурка, по всем коридорам пронеслась волна пыли.

– Мать твою! – Николай Минаев нырнул за стойку пульта.

Сработали инстинкты, приобретенные в Чечне. Олег оказался рядом с ним.

– Что это?

– Взрыв у нас, – заявил Николай. – Проверь Рината, как он, хотя взорвалось с другой стороны. Вызывай всех подряд, я проверю, что делается. Затем идите с Ринатом в обход по территории, посмотрите, что там и как, встречайте ментов и пожарных.

– Понял.

Николай вытащил из ящика стола длинный тяжелый фонарь, которым при желании можно было пользоваться и как дубиной, зажег его. Луч с трудом прорывался через завесу пыли. Скорее по привычке, чем по необходимости, он расстегнул кобуру с пистолетом и положил на него руку.

– Я пошел. Связь по рации.

Володько уже вызывал Рината. Николай вышел из-за стойки, пересек вестибюль. Под подошвами тяжелых ботинок хрустела штукатурка, осыпавшаяся с потолка. Минаев посветил фонарем вверх и увидел, что местами вместо белого потолка виднелась деревянная дранка. Здание было старым, и перекрытия между этажами были деревянными. Хорошо, что пока пожара не было.

Начать осмотр он решил с цокольного этажа, где были лаборатории. Он справедливо полагал, что то, что охраняется лучше всего, должно быть проверено в первую очередь. Лестница в цокольный этаж вела прямо из вестибюля, всего один пролет. Дверь туда была заперта, но у Минаева были ключи. Он отпер ее, открыл, зашел в коридор полуподвала. Там пыли было намного больше, видимость в свете луча фонаря была метров пять. Зато слышимость была хороша, и то, что Николай услышал, больше всего напоминало ему фильм про джунгли. Орали обезьяны.

Обезьян Николай не то чтобы не любил, но и доверял им не очень. Странный зверь, привезенный непонятно откуда, крикливый и бестолковый. Что-то мелькнуло у Николая почти под ногами, и он уронил туда луч фонаря. Крыса бежала вдоль коридора, причем ее спинка в свете луча отливала ярко-красным, а за ней оставался кровавый след. Крыс Николай терпеть не мог, и его брезгливо передернуло. Но все же он пошел вперед, дальше.

Больше всего его беспокоило, не начинается ли где-нибудь пожар. Мебель в лабораториях была деревянной, да и кто знает, какой химией товарищи ученые пользовались? И у генератора есть запас солярки. И сам генератор запустить неплохо было бы, хоть он должен был включиться сам. А животными пусть занимаются те, кому положено ими заниматься.

Ущерб на этом этаже был немал. Пара дверей были выбиты взрывной волной и лежали в коридоре, под ногами хрустело стекло с потолочных плафонов. Однако металлические двери справа были целы, и даже печати на них уцелели. Там хранились в герметичных специальных шкафах «культуры», и именно это помещение следовало охранять с особым тщанием. Николай вздохнул с облегчением: комнаты с «культурами» уцелели. Снова в свете фонаря пробежала крыса, затем за ней еще одна, в пятнах побуревшей крови, и двигалась она медленно и как-то странно, неуклюже, раненая, наверное. Обе не обратили на Николая ни малейшего внимания.

В комнате слева от коридора визг обезьян неожиданно усилился и превратился в настоящую истерику.

– Чего разорались? – рявкнул Николай, скорее для того, чтобы подбодрить самого себя, чем заставить обезьян замолчать.

Они и не замолчали. На поясе у охранника висела телескопическая дубинка, и он вытащил ее из чехла. Минаеву не нравилось, как орали обезьяны, и он решил, что если что, то разгонит их дубинкой. Он толчком раскрыл до конца приотворенную дверь и вошел в темный зал лаборатории. Повел фонарем слева направо и обратно. Обезьян в комнате было много. Почему-то были открыты все автоматические двери в виварий, хотя, насколько Минаев пом-

нил, они должны были блокироваться в случае каких-то проблем. Уже нехорошо, что-то пошло не так, как следовало. Обезьяны сидели на столах, шкафах, смотрели куда-то вниз и орали как резанные. Внизу, на полу, были еще обезьяны, некоторые из них явно выглядели тяжелоранеными, хотя при этом на первый взгляд их это не слишком заботило.

– И чего? – спросил Николай сам себя и вдруг почувствовал, как в правую его руку, в которой была зажата дубинка, вцепилось что-то острое. Он посмотрел вниз и увидел буквально повисшую у него на руке обезьяну, вцепившуюся зубами в его плоть. Кровь текла по ладони, стекая прямо на ее оскаленные зубы.

– Ах ты, сука!

Удар тяжелого фонаря проломил обезьяне череп, и ее труп свалился на пол. Крик в лаборатории усилился, так что у Николая уши заложило. Он глянул на руку – не слабый укус, кровь изрядно течет, хотя могло быть и хуже. Все же это не горилла, маленькая мартышка, и клыки у нее мелкие. А в зале лаборатории вдруг началась суета. Две из сидевших на полу обезьян бросились на своих товарок. Те заорали, заметались по столам и шкафам. Одна из нападавших обезьян сумела вцепиться убегающей в шерсть и начала яростно кусать свою визжащую и вырывающуюся жертву.

– Да провалитесь вы! – заорал Николай, выскочил за дверь, захлопнув ее за собой.

Не хватало еще, чтобы еще какая-нибудь из этих рехнувшихся от взрыва обезьян в него вцепилась. И вообще, ему была нужна аптечка из караульного помещения. Следовало продезинфицировать рану и перевязать. А вообще, по-хорошему, попозже надо бы и врачу показаться. Если только тот не пропишет курс уколов от бешенства – этого для полного счастья не хватало.

Дегтярев Владимир Сергеевич

19 марта, понедельник

Владимир Сергеевич пил чай у себя на кухне, читая материалы по последним наблюдениям, когда зазвонил телефон. Звонил Оверчук. Владимир Сергеевич выслушал безопасника, мрачней лицом с каждым его следующим словом.

– Черт, черт, черт!

С этими словами Дегтярев бросился одеваться. Он толком не понял со слов Оверчука, что случилось, но точно знал, что ничего хорошего случиться не могло. Эта жуткая зараза внутри превращала здание института в угрозу всему живому, и любое происшествие могло лишь ухудшить положение. Надо было уже сегодня бить тревогу, когда стало ясно, что новый штамм «Шестерки» – это воплотившийся в реальность кошмар.

– Володя, куда ты? – остановила его, судорожно впрыгивающего в штанину, жена.

– Алина, кое-что случилось, меня вызвали. Мне надо на работу.

– Когда вернешься?

– Не знаю. Я позвоню.

Владимир Сергеевич несколько раз набрал телефон поста охраны со своего мобильного телефона, но там никто не отвечал.

– Володя, что случилось?

– Алечка, не знаю. Что-то взорвалось в здании института.

– Это может быть опасным?

– Не думаю.

В кухню зашла Ксения и как-то странно посмотрела на отца. Владимир Сергеевич перехватил ее взгляд, спросил:

– Что случилось, милая?

– Ничего, все нормально.

Ксения подошла к окну, встала у него, глядя на здание МГУ. Дегтярев же выбежал из квартиры, вызвал лифт и через минуту уже бежал по темной улице к подъехавшему черному «Гелендвагену» Оверчука. «Безопасник» сам заехал за директором института. А еще через двадцать минут они подъехали к воротам НИИ. Обычно Оверчук въезжал во двор, равно как и остальные сотрудники, но ворота были с электрическим приводом, а электричества у института не было. Пришлось оставить машину у ворот. Возле них стояли уже несколько милицейских машин с включенными проблесковыми маячками, былолюдно. Но на территорию института милиция пока не заходила.

Слева от ворот, в круге света от уличного фонаря, питающегося не от институтской сети, мелькнула какая-то быстрая тень. Дегтярев остановился и почувствовал, как сердце оборвалось и провалилось куда-то в желудок. Спутать пробежавшее животное с чем-то другим было невозможно. Это была обезьяна из институтского вивария. Дегтярев бросился в ту сторону, но животного уже и след простыл. А на асфальте остались капельки крови.

– Черт... черт... черт... Только не это!

Дальше Владимир Сергеевич бежал со всей возможной скоростью. Оверчук остался с милицией. Дверь в проходную была открыта, и в ней стоял Ринат Гайбидуллин. Дегтярев подбежал к нему, спросив еще на бегу:

– Что случилось?

– Нам бомбу подкинули, кажется. Минаев сказал, что взорвалось между забором и задней стеной, много повреждений.

Ринат выглядел растерянным, пальцы нервно теребили ремень висящего на плече самозарядного дробовика.

– Где сам Минаев?

– Во дворе, – махнул рукой охранник. – Осторожней, там темно, электричество вырубилось. Внутренние телефоны тоже, а городские работают.

– Я понял.

Дегтярев пробежал через проходную во двор и почти сразу же столкнулся с Николаем Минаевым. Тот уже успел продезинфицировать след от укуса и перевязать ладонь бинтом из аптечки.

– Коля, что случилось? – окликнул его Дегтярев.

Минаев вкратце, но толково рассказал Дегтяреву все, что знал, опустив лишь эпизод с нападением обезьяны. Дегтяреву сейчас было не до того, чтобы еще принимать жалобы начальника смены охраны, а сама рана болела едва-едва.

– А Володько где? – спросил Дегтярев, вспомнив, что не видел еще одного охранника.

– Охраняет пролом в заборе.

– Какой пролом? – не понял ученый.

– Забор рухнул, две плиты, к нам теперь вход и выход свободный.

Дегтярев даже покачнулся, поняв, что периметр вокруг института нарушен окончательно.

– Коля, скажи мне вот что... животные разбежались? – с затаенной надеждой спросил он, надеясь на отрицательный ответ.

– Да, – опустил его на землю Николай. – Мы смотрели со двора, там одно окно выбито вместе с решеткой. Когда мы туда подошли, последняя обезьяна ускакала в пролом. А вы разве не слышите?

Владимир Сергеевич прислушался и вдруг понял, что за звук так беспокоил его все время, с тех пор как он вышел из машины, но мозг отказывался его воспринимать. Кричали обезьяны. И все были слышны откуда-то издалека.

– Коля, ты был внизу, в лаборатории?

– Сразу же после взрыва.

– Что было в виварии?

– В виварии открылись все двери. Наверное, когда отрубилось электричество, блокировки сработали неправильно или еще что. Крысы и обезьяны разбежались по всему подвалу. Обезьяны дрались как бешеные, затем начали выскакивать в окно. Там весь оконный проем и земля перед ним кровью заляпаны. Совсем рехнулись после взрыва.

– Спасибо, Коля.

Минаев пошел к проходной, а Владимир Сергеевич извлек из кармана телефон и набрал номер Крамцова.

Председатель Совета директоров компании «Фармкор» Александр Бурко

19 марта, понедельник, ночь

Председатель Совета директоров компании «Фармкор» Александр Бурко, несмотря на репутацию бескомпромиссного дельца, идущего по головам, в жизни выглядел совсем по-другому. Среднего роста худощавый человек в очках без оправы, с тонким и вполне интеллигентным лицом, очень и очень нетипичным для российских олигархов. Примерный семьянин, муж очаровательной тридцатилетней женщины, искусствоведа по специальности, и отец двух девочек, трех и пяти лет, он обладал недюжинной фантазией и нестандартностью мышления, что и привело его на вершину фармацевтического Олимпа.

Его личное состояние исчислялось теми цифрами, которые заставляют редакторов журнала «Форбс» включать обладателей таких состояний в список пятисот богатейших людей мира, и в этом списке Александр Бурко числился уже два года. Несколько фармацевтических фабрик, разбросанных по России, СНГ и зарубежью, приносили ему более чем достаточный доход, позволявший иметь частный самолет «Гольфстрим», настоящее поместье по Рублево-Успенскому шоссе, такое же поместье на Британских Карибах и еще одно, поменьше, но и подороже, на мысу Антиб, что на Лазурном Берегу. В прошлом году он начал строительство усадьбы в Сочи, а во Франции стал обладателем тридцатиметровой моторной яхты «Азимут», что, впрочем, совсем не рекорд для людей с его состоянием.

Сейчас Бурко выслушивал своего начальника службы безопасности, бывшего генерал-майора МВД Пасечника.

– Александр Владимирович, – обращался к начальству Пасечник – невысокий седой круглолицый незаметный человек с тихим голосом. – Мне кажется, что утечка информации несет в себе большую опасность, чем утечка «материала». С «материалом» страна так или иначе справится, а вот если удастся связать нашу компанию с этой самой утечкой, то замять скандал не получится. Сядем все. И на волю не выйдет никто.

Бурко стоял у огромного французского окна своего домашнего кабинета и смотрел сверху на двор, где возле подъезда стояли три черных «Лэндкрузера», которыми пользовалась служба безопасности его концерна, и скромный «Ниссан Примера», на котором ездил Пасечник, если был не на службе. Одной из черт бывшего генерала, которая импонировала Бурко, была страсть оставаться в тени, не лезть на глаза публике.

– Александр Васильевич, боюсь, что все намного хуже, чем вам кажется, – заговорил Бурко, отвернувшись от окна. – Если «материал» вырвался за пределы лаборатории, то остановить его не сможет сам Всевышний. Коля Домбровский со своими аналитиками просчитали эту ситуацию уже давно, по моему заданию. Для наших такие результаты внове, но кое-кто в Америке их уже получал. Получил, испугался и прекратил опыты.

– Так вы Дегтярева втемную использовали? – уточнил Пасечник.

– Не совсем. Его направили по следам предшественника, но всего остального он добился сам, – Бурко замолчал, потер лицо ладонью. – Так о чем это я? Да, вот о чем: между понятиями «выход материала за пределы лаборатории» и «конец существующей человеческой цивилизации» можно ставить знак равенства. И сейчас это случилось. Поэтому я не вижу смысла заниматься чем-нибудь еще, кроме «Ковчега». Распорядитесь, чтобы через сутки максимум все было готово. Думаю, что эти сутки у нас еще остались. Проинструктируйте людей, объясните, что нас ожидает, пусть готовятся к эвакуации.

– Хорошо. Немедленно приступаю, – ответил Пасечник и вышел из кабинета.

Бурко остался в одиночестве и снова подошел к окну. Он увидел, как вышедший из дома Пасечник уселся в один из служебных внедорожников вместе с двумя охранниками, и машина поехала к воротам. Остальные машины остались у подъезда дома – Пасечник усилил охрану резиденции хозяина, поэтому во дворе попарно прохаживались два патруля в черной форме, с дробовиками на плечах. В распоряжении СБ концерна «Фармкор» имелось оружие и посерьезней, но Пасечник решил, что пока не следует нарушать установленные для частной охраны правила. Мало ли чем это обернется в преддверии грядущего хаоса.

Бурко задумался. Никто посторонний не смог бы догадаться, что сейчас ощущает этот человек. Скорбь? Беспокойство? Страх? Разочарование? Предположил бы и попал пальцем в небо. Или в задницу – это уж у кого как. А Александр Бурко ощущал радость. Самую настоящую. Она охватывала его какой-то легкой, пронизанной мелкими электрическими искрами волной, он словно готов был взлететь.

Всю свою жизнь нынешний олигарх занимался не тем, чем ему хотелось заниматься, а тем, к чему его вынуждали обстоятельства. Саша Бурко с детства мечтал о приключениях, зачитывался книгами великих путешественников и авантюристов, а сам при этом получал пятерки в школе, учился в институте, защищал кандидатскую диссертацию, работал с утра и до позднего вечера, исполнял «светские обязанности», которые тяжело и злобно ненавидел. Когда в его руки попал «материал», как он его именовал, которого он добивался, после того как узнал о результатах некоего американца, он обратился к Домбровскому. И друг детства Александра, Коля Домбровский, гений системного программирования и системной же аналитики, смоделировал ситуацию, что будет, если «материал» покинет пределы лаборатории. С вероятностью «единица» получался конец света.

Бурко пообещал Домбровскому усилить меры безопасности и... ничего не стал делать, а доступ к выводам аналитиков закрыл. Зато отдал Пасечнику распоряжение об активизации деятельности по плану «Ковчег».

О «Ковчеге» следует рассказать отдельно. Еще года три назад, когда «Фармкор» окончательно превратился в транснациональную компанию, а его отделения разбросало по всей стране да и по всему миру, Бурко решил создать на базе своей достаточно компактной и эффективной для того времени службы безопасности небольшую армию. Дело в стране шло к тому, что рано или поздно частные военные компании должны были стать легальными, как произошло уже во многих местах на Западе. Пример того же «Блэкуотер» или «Эринис» впечатлял. Но пока еще властное «добро» на это не поступило, даже для «Газпрома». И как это сделать и при этом не попасть в тюрьму? Такого бы и олигарху не простили. Но если ты сделаешь это первым и будешь готов к моменту легализации первым же оказаться на рынке этих услуг – рынок твой.

Кроме того, Бурко, по своему характеру, всегда ждал и был готов к неприятностям. Любим. Немилости властей, революции, эпидемии, пришествию инопланетян и четырех всадников Апокалипсиса. Никакая аналитика и прогнозы в стиле «все будет хорошо» его ни в чем не убеждали. Поэтому, наряду с армией, он хотел создать для нее серьезную базу.

Выход предложил сам Бурко, а доработал и претворил в жизнь Пасечник. Пасечник обратился к своему другу и бывшему сослуживцу, тоже генерал-майору, Александру Богданову, который сейчас служил в системе Федеральной службы исполнения наказаний.

В последние годы это ведомство, принадлежащее Минюсту, обзавелось собственным спецназом, который даже действовал в первую и вторую чеченские войны на территории мятежной республики. Появились опытные и обстрелянные кадры. И тогда, в рамках помощи «бизнес – правоохранительным органам», совершенно официально и при поддержке высокого федерального руководства, на территории Тверской области, к северу от областного центра и совсем рядом с новой фармацевтической фабрикой, принадлежащей концерну «Фармкор»,

появился так называемый «Центр подготовки сил специального назначения Главного управления ФСИН».

Компания Бурко, не скупясь, оплатила обустройство полигонов, весьма комфортабельных казарм, на самом деле – семейных общежитий, построила боксы для техники и склады для вооружения. Службу в Центре несли исключительно «контрактники», которых лично отбирал Пасечник и которые, на самом деле, никакого настоящего отношения к ФСИНу не имели, за исключением формы и документов. Все они прекрасно понимали, что служат в «Фармкоре», который и платит им настоящую, полноценную зарплату помимо той, что они получали через финчасть.

Затем настала пора закупки оружия и техники. Бурко не скупился и на это. Центр получал все самое лучшее и самое современное из того, что выпускалось в России. ФСИН был бы счастлив, если бы из этого ему что-то и вправду попадало, а не оставалось на складах Центра. Бурко поначалу хотел закупать что-то и на Западе, но Пасечник его быстро отговорил. Российские образцы в большинстве случаев были лучше западных, просто у военных ведомств не хватало средств для того, чтобы снабжать ими войска. А у Бурко средств хватало. К тому же закупка западных образцов для российского ФСИН выглядела бы подозрительно.

Затем Центр начал проводить семинары по спецподготовке для сотрудников частных охранных структур, которые стоили неимоверно дорого. Стоит ли добавлять, что обучались в Центре исключительно люди из СБ «Фармкора» и еще одного дочернего охранного агентства, а оплата услуг Центра позволила легализовать финансовый поток между двумя никак не связанными официально между собой структурами. Центр приносил прибыль ФСИНу, поэтому никто не рвался его проверять или закрывать. Да и не дали бы так поступить союзники главы «Фармкора» в этом ведомстве.

Что же до самого ФСИН, то те люди, которые могли задать вопросы, получали щедрое ежемесячное вознаграждение и вопросов не задавали. Центр же продолжал усиливаться, совершенствоваться, укрепляться и к настоящему времени превратился в настоящую крепость, на складах которой в полной готовности хранились оружие и техника, которых хватило бы на целую бригаду легкой пехоты. Продовольственные склады могли кормить не одну тысячу человек, и не один год, а достаточно было обрушить пару секций бетонного забора, как Центр получал прямой проход на территорию фабрики, сливаясь с ней в единую огромную территорию, которую при необходимости можно было укрепить за один день.

Зачем это все? Пасечник лишних вопросов не задавал, удовлетворившись прямым указанием Бурко и объяснением о предстоящей легализации частных военных компаний, а сам же глава компании «Фармкор» ждал «чего-то». Ждал и всегда хотел этого. Что хорошего в том, чтобы быть одним из многих богатых людей в этом мире? Богатство не развеивает скуку, и скорее оно управляет тобой, чем ты им. Богатство заставляет тебя делать то, что тебе делать не хочется, льстить людям, которых тебе хочется просто послать, посещать места, навевающие на тебя тоску.

А Александр Бурко хотел совсем другого – жизни яркой и полной опасностей, как в раннем Средневековье, когда люди ощущали себя в безопасности лишь в крепостях и замках, когда каждый правитель имел право жизни и смерти над каждым. И когда Бурко узнал, во что превратит мир имеющийся у него «материал», он лишь удвоил выделяемые на создание своей армии средства. Планировал ли он что-то совершить с «материалом»? Он и сам не знал. Скорее всего, нет, но вдруг... А может, и планировал, чего уж теперь скрывать. Все равно все произошло без его участия, надо лишь правильно воспользоваться плодами.

Теперь территория Центра, расположенного на берегу Волги, могла вместить в себя несколько тысяч человек, защитить их и прокормить. Бурко создавал эту базу, исходя из того, что там соберутся не только бойцы его армии, но и их семьи, жены и дети, и только за то,

что все эти люди получают безопасное убежище среди всеобщего хаоса и падения мира, Бурко рассчитывал получить от них взамен абсолютную лояльность. Свое княжество, свой народ.

И было кое-что еще... «Материал». Тот самый, который мог вызвать вселенский катаклизм. Он же мог дать и вакцину против самого себя. Тот же, кто будет владеть вакциной, будет владеть и грядущим миром. Именно поэтому Пасечник и поехал в институт на Автопроездной. За «материалом». Если бы Бурко устроил все это сам, «материал» уже хранился бы у него в сейфе.

Крамцов Сергей, аспирант

20 марта, вторник, вскоре после полуночи

Ненавижу, ненавижу, когда меня будят вот так, лишь дав уснуть. В последний раз такое со мной проделывали без риска для жизни лишь мои командиры. И наряд дурным криком: «Рота, подъем!»

Спросонья я схватил телефон с прикроватной тумбочки, тупо посмотрел на мерцающий экранчик. «Шеф». Ох, не нравится мне такой звонок, да в такое время, да еще на фоне недавних событий. Я ткнул пальцем в кнопку «Прием». Спать уже не придется, я это чувствую.

– Доброй ночи, Владимир Сергеевич, – пробурчал я в трубку.

– Недоброй, Сережа. Недоброй. Приезжай в институт.

– Что случилось?

– Кто-то взорвал бомбу. Виварий разбежался. Хранилище уцелело, правда.

Как будто ведро ледяной воды вылили на спину, и она побежала вниз от затылка, окатывая все тело. Дыхание перехватило так, что следующую фразу я смог из себя выдавить только через минуту, да и та большой глубиной мысли не отличалась:

– Куда... куда разбежались?

– В город, Сережа. Забор разрушен, вот они и разбежались.

– Все животные?

Вопрос – лучше некуда. А если не все, а только часть – мы что, спасены?

– Все, Сережа. И они успели перекусать друг друга, перед тем как разбежаться окончательно.

– Кто-то укушен из людей? На кого-нибудь напали? – спросил я осторожно.

– Нет вроде бы... – Дегтярев явно задумался. – У Коли Минаева рука перевязана, я забыл спросить, что случилось.

Он забыл. Профессор Дегтярев в своем амплуа. Что он еще забыл? Забыл, чем это может закончиться?

– Я сейчас приеду, а вы обязательно спросите. Милиция уже там?

– Только приехали.

Я задумался. Затем сказал то, что уже помочь не могло. Сказал, чтобы что-то сказать.

– Пусть убивают обезьян. Плевать на нас, скажите, что вырвались чумные животные или еще что-нибудь. Пусть объявляют карантин, чрезвычайное положение, что угодно. Можно даже наврать, лишь бы остановить бедствие.

– Я понимаю, Сережа, именно это намерен сделать.

Дегтярев отключился, а я пару минут неподвижно смотрел в пространство перед собой. Конечно, можно было сказать самому себе, что все образуется, что животных изловят, что ничего страшного, но это не так, и я это понимал. Я вообще не дурак. И я понимаю лучше всех в этом мире, что случилось, потому что я знаю, что вырвалось на свободу.

В город вырвались зараженные животные, причем с явно выраженной склонностью к агрессии. Если крысы-зомби на людей реагировали слабо, предпочитая бросаться на своих товарок, то обезьяны пытались атаковать всегда, когда была возможность. Но зараженные крысы станут источником заразы в городе. Другие крысы, вороны, голуби, кто угодно, разнесут заразу дальше. Что это значит, если говорить честно? Это значит, что начинается апокалипсис и следует быть готовым к худшему.

Я сел на кровати, помотал головой, сгоняя остатки сна. Так, спешка хороша при поносе и ловле блох, но сейчас она нам только будет мешать. Попробуем разложить ситуацию на составные части. Например, сейчас я поеду в институт. Чем я там буду полезным, кроме того, что буду с шефом хором жалеть о случившемся? Ну возьмут сначала у меня показания назначен-

ные к тому должностные лица из соответствующих органов. А затем возьмут меня под стражу. Почему? Потому, что фигура ученого, занимающегося опытами со смертельно опасными вирусами в центре гигантского мегаполиса, слишком соблазнительная добыча. А зараза уже вырвалась наружу, мой арест вовсе не сможет ее остановить. Зато снимет ответственность с ведущих следствие. Они «отреагировали». Какая от меня будет польза, если я проведу ближайшие дни в камере с бродягами, а потом, когда бедствие охватит весь город, на мне сорвут злость? А никакой. И для себя самого – в особенности.

Другой вариант – меня не берут под стражу, а связи господина Оверчука простираются так высоко, что милиция не среагирует на происшествие. Тогда я попадаю в списки лиц, знающих о том, что частная компания вела опасные эксперименты в городе. Долго я так проживу? Сложно сказать, но не думаю, что тот же Оверчук сильно задумается, если получит команду на ликвидацию свидетелей. Идеализмом компания «Фармкор» и лично господин Бурко никогда не страдали. Им по должности не положено.

Третий вариант – Оверчук проявляет высокую гражданскую сознательность, шеф проявляет сообразительность, органы не прикрывают задницы бумажками, а включаются в работу, и благодаря этому государство предпринимает все, чтобы остановить опасность. Тогда они справятся и без меня. Не велика шишка, какой-то аспирант-биолог.

Несмотря на то что по сюжету любой книги аспиранту Крамцову следовало быть наивным деятелем науки, идеалистом и книжным червем, на деле я совсем не такой. Разве что определение «книжный червь» ко мне еще как-то подходит. А так мой жизненный опыт давным-давно излечил меня от наивности, а освободившееся место заполнил здоровым цинизмом. «Не верь, не бойся, не проси» – истина не только тюремная, но и простая житейская. Из этого и будем исходить. Не верим никому, не боимся ничего, а просить нам и так некого. На хрен мы кому нужны?

Я натянул растянутую футболку и спортивные брюки, в которых обычно ходил на тренировки, и босиком прошлепал на кухню, варить кофе. С кофе лучше просыпается и лучше думается. Пожужжал кофемолкой, набил металлический фильтр, нажал на кнопку с нарисованной кофейной чашкой. Темная струйка крепкого «эспresso» полилась в чашку.

Итак, чего следует ожидать? Главный вариант один – конец света. Я два дня и так крутил ситуацию на случай утечки заразы, и эдак, и все равно выходил конец света, других вариантов нет. А тут и утечка случилась. Винить в этом себя или того же Дегтярева не хочу – никто такого результата не ждал и не планировал, «Шестерка» в своем исходном виде безопасен стопроцентно. А что случилось в институте, что взорвалось – не знаю. Лично я ничего там не взрывал. Зато я знаю, что через пару – тройку дней Москва станет одним из самых смертельно опасных мест в мире. Почему? Да потому что здесь больше десяти миллионов потенциально инфицированных. Ад развернется именно здесь. Что из этого далее следует? Что могут перекрыть въезды и выезды из города. И перекроют наверняка. Из этого и будем исходить.

От скончавшейся четыре года назад бабушки мне осталась дачка на шести сотках по Ленинградскому шоссе, в пятидесяти километрах от столицы, в самом простом «институтском» садовом товариществе, без нормальной дороги, далеко от станции. Сейчас март, все раскисло, грязи там по колено. Но это как раз не проблема, мой «Форанер» пролезет там, где и танк завязнет. Зато как загородная база для дальнейших действий дача подходит лучше некуда. Печка у меня там есть, даже баня есть, и с последних заработков я там все очень даже неплохо отремонтировал.

Если честно, я только после устройства на работу в «Фармкор» зажил по-человечески. Спасибо Дегтяреву, который меня с первого курса тащил и на работу еще студентом взял, диплома не дожидаясь. Платят они очень хорошо, грех отрицать. Просто невероятно много для обычного аспиранта, хотя какого-нибудь «специалиста по ценным бумагам» такая сумма даже зад оторвать от стула не подвигла бы. Но мне, с моими запросами, хватало за глаза. Квартиру,

эту самую, на «Бабушкинской», на улице Изумрудной, что еще от родителей осталась, до ума довел. Не «евроремонт» так называемый, но все чисто и симпатично, все своими руками. Ну что сумел, разумеется. Сам стенки между комнатами ломал, сам белил, сам красил, сам обои клеил, и получилась удобная студия.

Хватило и подкопить, и с друзьями скинуться, чтобы «бизнес» завести – магазинчик снаряжения, пусть и маленький, но все же что-то приносящий. Правда, все, что приносит, на оплату кредита уходит, без него все же не обошлось. Думали, что потом отобьется, но...

Ладно, собираться будем и начнем с самого важного. Подставив табурет, я залез на антресоль и извлек оттуда ружье в чехле. Очень хороший ижевский помповик МР-133, «мура», если по-простому. Его мне все тот же Леха, друг мой, насоветовал. До того как он взялся с недавних пор заправлять своим собственным магазином, он оружейником в гарантийке работал. Сам выбрал, сам провел требуемый «напилинг» после того, как я отходил всю требуемую процедуру от участкового до магазина.

Короткий ствол, чуть длиннее пятидесяти сантиметров, с кронштейном под фонарь, сам фонарь, удлинённый магазин, вмещающий шесть патронов 76 мм, то есть «магнум». Хорошее оружие. Пять коробок патронов, с восьмимиллиметровой картечью, у меня имеются, по десять патронов в каждой. И еще пять с дробью «четыре ноля», то есть по пять миллиметров, что не хуже картечи. Так что сто полноценно-боевых патронов у меня есть. Уже сало.

Еще чехол не слишком тяжелый, в котором лежит ижевская мелкашка «Соболь» с прицелом «Барска». Не супер, но после доводки и «напилинга» вполне нормальная игрушка для стрельбы по банкам. Мы с Лехой на природе частенько соревнования устраивали, поскольку у него тоже мелкашка имеется. К ней у меня патронов еще сотни четыре, расход двадцать второго калибра всегда был у нас высоким, так что закупался при любом удобном случае.

Затем новый чехол появился на свет. Не удержался, раскрыл – последняя гордость, свидетельство того, что я достойно пять лет владел гладкостволем. Нарезное, одновременно с «Соболем» купил. С виду ни на что не похоже: полимерная ложка цвета хаки, телескопический приклад, как на американском карабине М4, а на самом деле – «глубокий тюнинг» ижевского СКС¹ выпуска 1954 года, выбранного вручную и проверенного всеми возможными способами.

Полимерная американская ложка от «ТАРСО» установлена неизменным Лехой. На цевье сверху и с боков планки под всякое. На верхнюю ставлю коллиматорный прицел «BSA». Лично мне так даже больше нравится, чем близкая установка, – быстрее целишься. А оптический «Bushnell» с переменной кратностью ставится нормально – на этой ложке еще и крепление под него предусмотрено, вместе с отражателем стреляной гильзы, чтобы по оптике не колотила – у СКС она вверх вылетает.

Снизу и сбоку цевья еще по планке, на которые есть фонарь и сошки. На стволе компенсатор, как у АК-74. И магазин в два раза больше стал, теперь на двадцать патронов, торчит эдаким изогнутым пластиковым огрызком. Да еще и отъемный, у меня таких шесть штук. С прицелом и отражателем обойму в карабине теперь не заполнишь сверху. Плохо, что сменить его невозможно, пока затвор на задержку не встанет. Это, правда, не так чтобы законно, скорее и вовсе незаконно, но есть и десятизарядные, «парадные», парочка всего.

И поди узнай теперь старичка Симонова. Серьезное и вполне современное оружие получилось. Ладно, не о том речь сейчас. Пересчитал только патроны по-быстрому – больше трех сотен имеется. Нормально.

Заряжать ничего не стал. Не положено нам перевозить заряженное оружие. Если останавливают, то будут проблемы. Оружие – отдельно, патроны – отдельно. Что еще? Коробка с батарейками разных размеров – в сумку. Tактический фонарь для дробовика с кронштейном. Два ножа, один армейский, с вороненым лезвием и рубчатой резиновой рукояткой, второй – тяже-

¹ Самозарядный карабин Симонова.

ленный золингенский тесак, которым башку срубить можно. Тесак дорогуший, но мне его подарили, сам бы ни в жизнь не купил. Поверх всего – отличный восьмикратный бинокль «Штайнер» с многослойным просветлением, компактный и крепкий, в сумерках чуть ли не как ночник работает, а стоит меньше пяти тысяч рублей. И гвозди им заколачивать можно – такой прочный.

Откуда у меня это все? Зачем столько? Во-первых, для охоты и поездок в глухомань, а во-вторых... А вот на случай, если такой, как сейчас, Великий Пушной Зверь придет. И, в отличие от всех остальных, я к его приходу если и не готов на сто процентов, то встречать мне его легче, с оружием, запасом патронов и с отличной экипировкой. Невелик был труд разрешения и справки собрать. А все это купить – даже не труд, а удовольствие. И на стрельбище в Алабине я немало времени провел, и тоже, судя по всему, не зря. И в машине у меня еще два топора разных размеров, лопата и пила.

В кучу на кровати в спальне полетели вещи и обувь. Нашлась охотничья разгрузка подвесная под патроны двенадцатого калибра. А вот под СКС не удосужился пока запастись, но это исправимо. Дай только до нашего магазина добраться, а там...

И сам я оделся заодно, по принципу «и в пир, и в мир, и в добрые люди». Теперь только куртку накинуть, и можно выскакать из квартиры. Упаковал рюкзак и две большие спортивные сумки. Сумки пока брошу в прихожей. Подгоню машину к дому и затем их вынесу. Еще что? В холодильнике пусто. Только два пакета кофе в зернах, я их в рюкзак закинул. Надо будет едой запастись.

Теперь «дачный медианабор». Портативный телевизор и радиоприемник. Без этого никак теперь нельзя, и вообще все куплено специально для дачи. А оставлять у нас там что-то ценное не стоит. И бомжи там шарятся, и шпана из окрестных деревень, так что «все свое вожу с собой». Ну и последнее – ноутбук. Я на него скачал все, что есть у меня в лабораторном компьютере, так что может пригодиться. Все, можно идти.

Я натянул охотничью двухслойную куртку, привычную еще с армии круглую вязаную шапочку системы ШПС («шапка-пидорка спецназовская»), повесил на спину рюкзак, на плечо – чехол с ружьем, патронами и запасными стволами-прикладами и вышел в подъезд. Спустился на лифте, вышел на улицу из нашей допотопной панельной «свечки» и пошел в сторону стоянки.

На улице было необычно тепло для конца марта, я даже куртку расстегнул. Это плохо. При понижении температуры зомби теряют активность, они же, как ни крути, а «холоднокровные», а тут, как назло, потепление. На часах уже второй час ночи, в нашем районе – никого, пустота на улицах. Ну и хорошо, зато если кто ненужный подъедет к моему дому, то будет как на ладони.

Прошел через сквер, где выгуливают ранним утром собак, срезал по дорожке через газон и через пять минут зашел в ворота стоянки. Сторожем был Федотыч – болтливый, но бдительный мужичок, всегда вкусно пахнущий водкой. Мы с ним были в хороших отношениях, и ему я «слил» версию о том, что уезжаю на охоту далеко-далеко, поэтому и выезжаю в ночь. Он пожелал мне «ни пуха ни пера», я ответил ему традиционным «к черту» и пошел к машине.

Вот он, моя главная надежда на спасение, – старый добрый «Форанер» с трехлитровым дизелем. Купил я его сам, аж в Испании, куда в первый и последний раз съездил в отпуск со своей девушкой. Купил по объявлению в маленьком городке возле Мурсии, выложив за него семь тысяч евро, которые честно скопил за три года. Машина оказалась и вправду в хорошем состоянии, хоть и было ей восемь лет, довезла меня до Москвы без проблем и в процессе растаможки не сильно убила мой бюджет. А уже потом, в течение двух лет, я окончательно довел ее до ума, проведя умеренно-разумный внедорожный тюнинг, такой, чтобы и по городу ездить не мешал.

Служила она мне верой и правдой, возя и на работу, и на рыбалку. Да и отпуска мы проводим в Архангельской области, без дорог и удобств, зато с кострами и палатками, с рыбалкой и охотой. В общем, много полезного мне оплатила компания «Фармкор», грех отрицать.

Машина была холодной, трехлитровый дизель затарахтел, как тракторный, и прогрелся уже тогда, когда я заехал к себе во двор. Следов присутствия посторонних вроде не было, поэтому я спокойно смог по одному перетаскать с балкона запасные колеса, закинув их на верхний багажник и закрепив, после чего выехал из двора, увозя в багажнике все приготовленные к эвакуации сумки и чехол с карабином.

Прерывисто завибрировал мобильный телефон, показывая, что пришло текстовое сообщение. Я достал его из кармана, ткнул в кнопку под значком «Читать». На светящемся экране появился текст сообщения от шефа: «Сережа, не приезжайте. Все идет плохо. Если ситуация исправится – я вам позвоню».

Вот как. Вот так. Я на ощупь натыкал «Понял» и отослал в ответ. Все понятно. Все идет плохо, если даже шеф это понял. Наверняка приехал Оверчук, и все пошло не так, как должно было идти. Или приехали менты, и все пошло наперекосяк. Или еще что-нибудь. А насчет личности замдиректора по безопасности я не заблуждался ни на секунду. Такие люди, как он, созданы специально для того, чтобы скрывать происшествия, а не исправлять последствия. Оверчуку плевать, чем все закончится, главное – чтобы «Фармкор» к ответственности не пригнули.

И что мне теперь делать? Звонить самому? Шеф вообще эсэмэсками не балуется, если уж соизволил послать, то наверняка говорить сейчас не может. Звонить в другие места? В МЧС? В милицию? И что сказать? Что трупы скоро восстанут? И что мне там скажут? Куда-куда я пошел? Вот гадство... Не знаю я, что делать. Точнее, знаю, но не «глобально». Знаю, что мне нужно снять все наличные, какие есть у меня на счету. Я в этом мало что понимаю, но в кино видел, как людей по кредиткам вычисляют и как беглецам эти самые кредитки блокируют. Хорошо, что у меня карта без лимита снятия наличных.

На проспекте Мира остановился у банкомата в стеклянной кабинке, где весь пол был завален чеками, и в шесть заходов опорожнил свой счет. Снял и рублями, и долларами, получилось больше трех тысяч «убитых енотов». Хорошо, что в последнее время я не «оголтевал» с расходами, вот и поднакопилось за несколько месяцев.

Распишал наличные в карманы, вернулся к машине. Ну что, на дачу? Или подъехать к институту, посмотреть издалека, с пустыря? Там есть где с машиной спрятаться и откуда подсмотреть. Любопытство убило кошку, но я не кошка все же, и я аккуратненько. Может, пойму, что хоть там взорвалось? Да и хочется все же шефа подстраховать, как он там справляется без меня? Он меня только не усыновил разве что, а так я у них дома времени провел не меньше, чем у себя.

А завтра мне обязательно надо в «Стрелец», к Лехе с Викой. Да и девушка у меня есть, я уже о ней говорил. Надо и о ней подумать, хотя... девушка у меня детский тренер по дзюдо, сама о себе позаботиться может. Нет, не в этом случае, тут уже никакое дзюдо не поможет.

Не скажу, люблю ли я ее, но мы друг к другу привыкли и уже два года вместе. Хотя о свадьбе речь никто из нас не заводил – каждый доволен своим свободным состоянием. Она периодически живет у меня, когда ей удобно, и так же периодически живет у себя, в снятой квартире в Матвеевском. Как бог на душу положит. Тренирует детские группы на Ленинградке в большом спорткомплексе, а основное место работы у нее в Крылатском, в магазине, торгующем японскими мотоциклами, квадроциклами, лодочными моторами и аквабайками.

Ночью движение было слабым, и уже через пятнадцать минут я припарковал машину за кустами, в сотне метров от задней стены НИИ, где теперь красовался пролом в два пролета. Плиты упали плашмя на тротуар, расколовшись и засыпав все вокруг бетонной крошкой, а образовавшаяся в заборе прореха была огорожена полосатой лентой. На проезжей части сто-

яли два маленьких заборчика с желтыми маяками и знаками, показывающими, как объехать препятствие. Значит, милиция с этой стороны уже отметилась. Я достал из сумки бинокль и навел его на пролом – там, с дробовиком на плече, маячил Олег Володько. Вот и понаблюдаю.

НИИ. Охрана

20 марта, вторник, вскоре после полуночи

Рука у Николая Минаева уже почти не болела, что удивляло, но его подташнивало, во рту было сухо, а свет причинял неудобства. Он даже был рад, что электроснабжение института не восстановится до утра, потому что свет от фонарей резал глаза, они сильно слезились, и хотелось спрятаться в самый темный угол. Он смиренно отвечал на вопросы прибывшего милицейского следователя, но при этом хотел лишь одного – тишины и темноты. Следователь расположился со своей папкой прямо во дворе, на капоте милицейского «уазика», который все же сумели запустить внутрь, где и допрашивал всех, бывших на территории института. Когда он закончил с Николаем, тот вздохнул с облегчением и пошел в здание. Делать в здании ему было нечего, но там было совсем темно.

Николай поднялся на второй этаж и столкнулся с Дегтяревым, который спускался по лестнице вниз, подсвечивая себе фонариком. Дегтярев остановил Николая, придерживая его за рукав:

- Коля, я вот о чем хотел вас спросить... а что у вас с рукой?
- Порезался стеклом, – отмахнулся Минаев.
- Никто не укусил? – чуть нахмурясь, уточнил Дегтярев.
- Нет, что вы, – вполне правдоподобно изобразил удивление Николай.

Дегтярев кивнул и пошел дальше. Николай чувствовал, что он допускает страшную ошибку, может быть, даже самую большую в своей жизни. Он был достаточно сообразителен, чтобы связать свое плохое самочувствие с укусом бешеной обезьяны, но желание тишины, покоя и темноты было настолько сильным и всеобъемлющим, что ему проще было соврать. Только бы спрятаться куда-нибудь, неважно, что случится потом. Хоть смерть, но сейчас он должен был отдохнуть.

Открыв дверь одного из кабинетов, в котором обычно квартировал Джеймс Биллитон, когда находился в Москве, Минаев прошел внутрь, закрыв за собой дверь, сел за стол, во вращающееся широкое кресло. Но туда падал свет из окна, и Минаеву он мешал. Тогда он перебрался в угол кабинета, куда не попадал ни один луч света, и улегся прямо на пол, на ковровое покрытие, свернувшись калачиком. Как ни странно, в такой позе зародыша он почувствовал себя лучше. Голова закружилась даже сильнее, но головокружение не было неприятным, скорее, наоборот, каким-то плавным и убаюкивающим.

Николай прикрыл глаза и почувствовал, как приятное онемение охватывает все его тело, и он даже не чувствует под собой жесткого пола, а как будто плывет куда-то в полной невесомости. Тошнота тоже начала уходить, и ее место занимала блаженная дрема. Очень хотелось спать, и появилось ощущение безопасности. Николай нашел то место, где наконец ему станет спокойно и удобно и никакой свет ему уже не мешает. В какой-то момент он вдруг понял, что умирает, но затем эта мысль показалась ему нелепой – умирать должно быть неприятно, а сейчас ему стало по-настоящему хорошо.

И так он лежал, тихо-тихо, и вскоре сознание оставило его навсегда, а за ним ушла и сама жизнь. Остывающее тело неподвижно лежало на полу, до тех пор пока дверь не открылась и кто-то не вошел в темный кабинет.

Дегтярев Владимир Сергеевич

20 марта, вторник, вскоре после полуночи

Оверчук как раз «решал вопросы» с милицией, поэтому Владимир Сергеевич был один, когда столкнулся с подъехавшим на такси Джеймсом Биллитом. Тот был бледен, взволнован, путал русские слова с английскими и вообще выглядел так, как будто его привезли на расстрел.

– Владимир, это правда, что животные разбежались?

– Это правда, Джеймс, – кивнул Дегтярев.

– Что мы должны делать?

В голосе американца проскальзывали панические нотки, казалось, что он вот-вот сорвется на крик.

– Оверчук берет все на себя, но я ему не верю, – вздохнул Дегтярев. – Он скорее нас перестреляет, чтобы мы не проболтались, чем этих обезьян. Я сейчас буду звонить всем, кто с этим хоть как-нибудь связан. Пусть объявляют комендантский час, чрезвычайное положение, карантин, что угодно, но это следует остановить. Вам тоже следует предупредить своих, в Америке. Вы не давали еще туда наши новые результаты?

– Нет, я жду отчета от Сергея, – покачал головой Биллитон. – Меня же попросят обратиться к психиатру, если я позвоню им и скажу, что у нас мертвые обезьяны питаются живыми. Надо будет отправить видеоматериалы, отчет и все, что у нас есть.

– Это верно. Я тоже не буду говорить, что некоторые из разбежавшихся животных мертвы. Скажу, что они просто носители опасного заболевания.

– Кому вы собираетесь звонить? – спросил американец.

– Своему руководству, – задумчиво сказал Дегтярев. – Начну с них, по крайней мере. Если они не смогут расшевелить городские власти, то я тоже не смогу. Если я сейчас расскажу об этом следователю, то он меня арестует, меня продержат в камере как минимум до утра, а затем время будет безнадежно упущено.

– Почему вы так думаете? – удивился Биллитон. – Опасность слишком высока, чтобы просто держать вас в камере.

– Именно поэтому, – усмехнулся Дегтярев. – Следователь должен показать, что он «отреагировал» на сигнал опасности. Он запрет меня в клетку и сядет писать свои рапорты, протоколы, не знаю, что они там в таких случаях пишут. Потом он потребует привести меня к нему и будет старательно подгонять дело к тому, что он лично ни в чем не виноват. Все. Это нормальная бюрократическая реакция. Я лучше бы обратился к военным.

– У вас же есть военные на связи. Из этого, как его... закрытый город...

Американец закрутил пальцами, пытаясь вспомнить недостающее слово.

– Горький-16, – подсказал Дегтярев.

– Верно, – кивнул тот.

– Попробую им позвонить, я сразу не подумал, – согласился Дегтярев. – Там даже не знакомые, а мой лучший друг и однокашник. Может быть, они сообразят быстрее, что следует делать. И надо найти диски с видеозаписями с камер слежения в виварии. Мы делали копии, и они должны быть где-то в лаборатории. Если мы пошлем эти записи, то нам поверят быстрее. И в любом случае я не буду им звонить, пока Оверчук рядом. Если и есть люди, которым я доверяю меньше, то я с ними незнаком.

– Понимаю. В крайнем случае, попробуем действовать через меня. Я поднимусь к себе в кабинет, поищу записную книжку и диск со своим отчетом. Может быть, это поможет заставить кого-то двигаться быстрее.

Биллитон повернулся, чтобы уйти, но Дегтярев остановил его и спросил:

– Дать вам фонарик? Света нет и до утра не будет.

- А как же вы?
- Я возьму у охраны. У них есть несколько.
- Тогда давайте.

Биллитон взял фонарь у Владимира Сергеевича и убежал в здание, а Дегтярева окликнул следователь, так и стоявший со своими бумагами у капота милицейской машины.

- Владимир Сергеевич, когда сможете уделить мне внимание?

– Послушайте... – тяжело вздохнул ученый. – Давайте я завтра приеду к вам, в ваш кабинет, и все расскажу, что знаю. Меня все равно здесь не было во время взрыва, я ничего не видел, а сейчас у меня на руках чрезвычайная ситуация. Нет электричества, отключились холодильники с культурами, вся работа летит в тартарары. Войдите в мое положение. Надо спасти ситуацию.

Следователь задумался. Разумеется, есть определенный порядок, но он был все же нормальным человеком и понимал, что таскать на допросы людей, у которых в этот момент дом горит, не всегда разумно. Налицо сам факт взрыва, известно, что взрывное устройство забросили с улицы, и забросил его не директор. Ему уже отдали кассету с записью с камер слежения, где взрыв запечатлен, а значит, будет видно, как бомба попала во двор. Эксперты уже были, взрывотехники – тоже, чего же еще требовать? Так стоит ли сейчас приставать к людям и мешать им работать? Не стоит.

– Хорошо, – кивнул следователь. – Скажите мне лишь одно: кто это мог сделать, по-вашему?

– Не знаю, – пожал плечами Дегтярев. – Или просто хулиганы, или «зеленые», Гринпис какой-нибудь. Здесь проводились эксперименты на животных. Других теорий у меня нет. Животные разбежались.

- Это опасно? – насторожился следователь.

Дегтяреву хотелось сказать: «Это настолько опасно, что я посоветовал бы тебе, парень, взять свое оружие, эту машину, погрузить в нее свою семью, или только жену, кто там у тебя, если я вижу только обручальное кольцо, и валить из этого города так далеко, как только сможешь». Но Владимир Сергеевич этого не сказал. Почему? Для себя это он обосновал тем же, чем обосновывал это Биллитону. Поднимать панику в городе должны были специально предназначенные для этого люди, а не сам Дегтярев и какой-то следователь, даже фамилию которого он не запомнил.

Но на самом деле причина была другая – страх. Страх того, что следователь скажет: «Чем же вы, сволочи, здесь занимались, в центре моего города?» Страх того, что его сразу поволочут в камеру, а его собственная семья останется без его защиты. Страх того, что следователь достанет из-под пиджака свой пистолет, который висит там, в кобуре на боку, и просто застрелит Владимира Сергеевича, и будет прав.

Ситуацию разрешил неожиданно появившийся Оверчук.

– Здесь не работают с опасными вирусами, не то место, – решительно заявил он следователю. – Но вообще следует избегать контактов с обезьянами и крысами, хотя бы из целей обычной осторожности. Обезьяны переносят массу болезней, опасных для человека. Даже СПИД, судя по всему, появился от них. Эти «зеленые», когда устраивают что-то подобное, меньше всего задумываются об окружающих, им лишь бы себя проявить. Я только что разговаривал с вашим руководством, они сказали, что все остальные действия мы можем перенести на завтра. Официальная версия – взрыв газового баллона. Ваши уже привезли и поставили знак, огородили все лентами, а у меня с той стороны человек дежурит.

– Но завтра я хотел бы видеть вас у себя. – Следователь по-прежнему обращался к Дегтяреву, игнорируя Оверчука.

- Обязательно, – согласился тот. – А сейчас извините, у меня хлопот выше головы.

- Понимаю.

Дегтярев побежал в будку проходной, где дежурил Ринат Гайбидуллин.

– Ринат, у вас есть хороший фонарик?

– Да, конечно.

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной. Нам надо спуститься в подвал, найти кое-что в лаборатории.

– Пойдемте.

Ринат взял из ящика стола фонарь-дубинку. Дегтярев окинул его взглядом, посмотрел на висящее на плече ружье.

– Ринат, вы бы взяли оружие в руки. – Ученый замялся. – А то... животные хоть и разбежались, но, может быть, и не все. А если обезьяны сильно напуганы, то могут напасть, а взрыв их напугал наверняка. Увидите их – стреляйте сразу, цельтесь в голову.

– Вы серьезно? – У охранника глаза на лоб полезли. – Они вам не нужны разве?

– Они были нужны до тех пор, пока не перемешались между собой. Теперь уже эксперименты с ними невозможны. Со слов Николая знаю, что там и так все разнесено взрывами, так что стрелять можно. А милицию я сейчас предупрежу, чтобы не удивлялись выстрелам.

Дегтярев удивился, как легко и просто получалось у него сейчас врать. Никогда раньше он таким умением не блистал и вообще частенько страдал в этой жизни от излишней правдивости и прямолинейности, а сейчас ложь и полужошь выстраивались в стройные ряды мгновенно, объясняя все, что требуется объяснить.

– Хорошо, Владимир Сергеевич, не проблема, – сказал охранник.

Они вдвоем вышли во двор из проходной, подошли к следователю.

– Владимир Сергеевич, – сказал тот, – мы уезжаем, выставять дополнительную охрану не вижу смысла. У вас своих людей хватает здесь. А завтра я вас жду у себя.

– Хорошо. И еще, если вдруг кто-то сообщит о чем-то, похожем на выстрелы, не реагируйте. Мы сейчас пойдем в наш подвал, там могут оказаться животные. Некоторые могут быть ранены, некоторые агрессивны. Обезьяны не слишком хорошо переносят близкие взрывы, так что... сами понимаете. Возможно, придется их отстреливать.

– Я понял, – кивнул тот. – Удачи.

– Спасибо, – вздохнул Дегтярев. – Найдите этих идиотов, которые нам бомбу забросили.

– Постараемся.

«Да уж постарайтесь», – подумал Дегтярев, входя в темный вестибюль института. Теперь было важно найти диски, те самые, которые помогут доказать, что Владимир Сергеевич не сошел с ума и не подсел на галлюциногены, а говорит правду. А правду пока знали только трое: он сам, Джеймс Биллитон и Сергей Крамцов. Дегтярев даже не стал звонить остальным сотрудникам института, которые пребывали в блаженном неведении относительно происходящего. И Оверчук явно не рвался их оповещать.

Ринат со щелчком сбросил флажок предохранителя, лязгнув затвором, загнав патрон в патронник. Проверил, как включается фонарь под стволом, удовлетворенно кивнул самому себе и вышел в вестибюль.

– Пойдемте, Владимир Сергеевич, – сказал он Дегтяреву. – Когда спустимся, держитесь у меня за спиной, не выходите на линию огня. Какая нам лаборатория нужна?

– Большая.

– Хорошо.

Ринат откинул приклад дробовика, который в сложенном состоянии блокировал спуск, взял оружие наперевес и пошел вперед. До прошлого года Ринат служил в Курганском СОБРе, несколько раз бывал в командировках в Чечне, попал еще в первую кампанию в ту самую бойню шестого марта в Грозном, когда погибло двадцать пять собровцев из их отряда и других, но сам выжил, а недавно неожиданно даже для самого себя женился на москвичке, уволился из милиции и через родственников жены нашел работу в службе безопасности «Фарм-

кора». Опыт у него был, и Ринат хорошо знал, как следует двигаться по потенциально опасным помещениям. Директор и охранник зашли в подвальный этаж, охранник включил тактический фонарь, а директор – фонарь-дубинку, держа его выше плеча своего защитника. Ринат замер, внимательно оглядывая весь темный коридор перед собой, прислушиваясь ко всем звукам, но было тихо. Через минуту он сказал:

– Пошли.

Захрустело стекло и штукатурка под подошвами, два луча заметались по стенам и полу. Пыль уже осела, видно было далеко. Ринат за ведущего, Владимир Сергеевич за ведомого, так они дошли до двери в лабораторию.

– Бойся! – прошептал Ринат.

– Чего бояться? – спросил таким же шепотом Дегтярев.

– А, неважно, привычка, – усмехнулся тот. – Просто поосторожней, вперед меня не лезьте, когда я дверь открываю.

– Понял, – кивнул ученый.

Ринат сначала внимательно осмотрел большой зал лаборатории из дверного проема, вошел внутрь, и луч фонаря снова заметался из стороны в сторону. Это не война, противник здесь не человек, поэтому лучше все делать не торопясь, обстоятельно. Владимир Сергеевич вошел следом.

– Ринат, нам направо, к дальним столам.

Он показал рукой. Охранник кивнул, сказал негромко, не опуская оружия от плеча и обводя помещение лучом подствольного фонаря:

– Пошли.

Они снова двинулись все в такой же «связке». Волнение немного отпустило Дегтярева. Обезьян или крыс видно не было, а Ринат действовал толково и очень уверенно. Но вскоре сердце снова запрыгало у него в груди. Весь пол лабораторного зала был заляпан кровью. В лужах крови лежали какие-то ошметки плоти, клочья шерсти. Затем в луч фонаря попал почти полностью обглоданный скелет обезьяны. Ринат выматерился, затем спросил:

– Это что, ее другие обезьяны так?

– Наверное, крысы, они ведь тоже разбежались, – соврал Дегтярев.

– Сколько у вас тут крыс-то было?

– Около сотни.

– Вот черт...

Ствол дробовика приподнялся повыше, резиновый затыльник каркасного приклада сильнее вжался в плечо. Ринат занервничал. Крыс он не любил. Но они все же без потерь преодолели расстояние до стола. Там все было разгромлено, на столе тоже была кровь, коробка с компакт-дисками была вскрыта, и диски разбросаны по всему полу. Очень много крови, очень. Сколько животных было искусано другими? Всего один труп на полу, значит, остальные уже могли разбежаться по всему городу, понял Дегтярев.

Нагибаться за дисками не хотелось. У Владимира Сергеевича было ощущение, что стоит ему нагнуться, и откуда-то из темноты мертвая обезьяна прыгнет ему на спину, вцепится зубами в шею, в затылок. Дегтярев отогнал эти мысли как глупые, но не нагнулся, а присел у стола на корточки.

Ринат прикрывал ему спину, дышал спокойно, и Дегтярев подумал, что не следует быть настолько нервным. Он быстро собрал все диски с пола, лежавшие перед ним, но ни на одном из них не было надписи маркером: «Последние наблюдения. Копия», которую он сделал своей собственной рукой. Он огляделся и увидел еще один диск, выглядывающий из-под тумбы письменного стола. Вот он куда закатился, если это он, конечно. Дегтярев протянул руку к диску, потянул его пальцами к себе, и в этот момент что-то маленькое высунулось из темноты и вцепилось ему в палец. Он заорал от неожиданности и отдернул руку. Маленькая крысиная

тушка пронеслась в воздухе, сорвалась с пальца, раздирая зубами плоть, и, ударившись в стену, быстро побежала вдоль нее в темноту. Но побежала тем странным, дергающимся, переваливающимся аллюром, каким бегали в клетках мертвые крысы.

Ринат обернулся на крик, водя стволом ружья из стороны в сторону в поисках опасности. Дегтярев вытащил из кармана носовой платок, и уже заматывал себе палец.

– Владимир Сергеевич, что случилось?

– Крыса укусила, – неожиданно спокойным даже для самого себя голосом ответил Дегтярев и подобрал диск с пола. Он оказался тем самым, из-за которого они и спускались в лабораторию. – Все, Ринат, пошли наверх, я нашел то, что нужно. Мне надо себе палец там перевязать.

– Крыса не заразная? – беспокоился охранник.

– Думаю, что нет, – соврал Дегтярев.

Они быстро дошли до двери лаборатории, потом также быстро выбрались из подвала. У самого выхода, едва закрыв за собой дверь, они столкнулись с Оверчуком.

– Что там внизу, Владимир Сергеевич? – поинтересовался безопасник.

– Разгром, развал, – мрачно сказал тот.

– Порезались? – Оверчук кивнул на перевязанный платком палец Дегтярева.

– Да, порезался, – кивнул ученый. – Стекло битое кругом. Я буду у себя в кабинете, и мне очень хотелось бы с вами переговорить, Андрей Васильевич.

– Хорошо, разумеется, – кивнул безопасник.

– Я перемотаю руку, и, если вас не затруднит, минут через пять зайдите ко мне. Там достаточно света от фонарей с улицы, мы сможем разговаривать.

– Хорошо. А пока Минаева отыщу, что-то я давно его не видел. – Оверчук повернулся к охраннику, спросил: – Ринат, не видел?

– Нет, Андрей Васильевич, – помогал тот головой.

– Черт, я без рации, – вздохнул Оверчук. – Ну-ка вызови его.

Дегтярев отдал фонарь Ринату. В окна попадало достаточно света с улицы, а глаза уже привыкли к темноте, и он оставил безопасников в вестибюле, поспешив наверх. Он уже знал, что обречен, и, как ни странно, это знание сделало его удивительно спокойным.

И еще Дегтяреву нужно было сделать несколько вещей. Сначала ему нужно было послать сообщение Сергею Крамцову. Это был единственный человек, которому он доверил бы заботу о своей семье. Тем более что у самого Сергея не было ни единой близкой души в этом мире, а сам аспирант стал Владимиру Сергеевичу вполне родным.

Затем он собирался звонить по телефону. Звонить военным, звонить городским властям, звонить куда угодно, лишь бы город спохватился, начал бороться за жизнь. Потому что из стен этого маленького института вырвалась не-жизнь, питающаяся жизнью. А затем надо было найти способ покончить с собой, не дожидаясь, пока ты превратишься в зомби. И это было настоящей проблемой, потому что огнестрельного оружия у Владимира Сергеевича не было, а без него найти способ пробить себе голову проблематично. Зато оружие было у охраны и у Оверчука. Рукоятка пистолета несколько раз за сегодняшнюю ночь высывалась у того из-под пиджака. Обычно Оверчук так оружием не козырял, скорее всего, даже не носил его с собой, но сегодня прихватил.

В темноте было видно, что в дверях кабинета Биллитона кто-то стоял. Когда Владимир Сергеевич подошел к двери своего кабинета, человек сделал движение, как будто собираясь пойти в его сторону, но Дегтярев почти крикнул: «Мне нужно пять минут, потом поговорим, Джим!», затем проскочил в свой кабинет и захлопнул за собой дверь, повернув защелку под ручкой, чтобы никто не мог войти следом. Быстро подошел к окну, раскрыл его, выглянул наружу. Ударостойкие стекла в окне уцелели, разве что наружное треснуло в нескольких местах. Взрыв произошел слишком близко к стене здания, ударная волна прошла вверх.

Между задней стеной института и забором прохаживался Олег Володько, охраняющий пролом в заборе, закрытый лентой и переносными барьерами. На проезжей части с двух сторон стояли знаки, предупреждающие о препятствии, и горели оранжевые фонари. Действительно, милиция постаралась, но выглядело это все чем угодно, но вовсе не зоной бедствия. Затем Дегтярев достал из кармана мобильный телефон, набрал номер Крамцова. После двух гудков тот ответил, как будто специально ждал звонка:

– Слушаю, Владимир Сергеевич.

– Слушай внимательно, Сережа, не перебивай меня и не спорь. Хорошо?

– Я слушаю.

– Сережа, я инфицирован. Поясню: инфицирован укусом, то есть... дальнейшее тебе известно, – говорил он абсолютно спокойным, размеренным тоном, как будто надиктовывал статью. – Не знаю, сколько мне осталось, но я сейчас начну звонить всем, кого знаю и кому смогу дозвониться. Мне уже все равно, но люди должны знать, что грядет.

– Владимир Сергеевич...

– Ты об этом не беспокойся, я все беру на себя, – перебил Сергея Дегтярев. – Ты же должен приехать ко мне домой, взять из верхнего правого ящика моего стола все диски, которые там есть, все папки с полки над столом и мой ноутбук. Все это должно попасть в Горький-16, к Гордееву Кириллу, моему другу и однокашнику. Они смогут разработать вакцину, нет никого лучше, чем они, если у них будет исходный образец «Шестерки». Это единственное, что есть хорошего из новостей. Как мы его модифицировали – это все есть в моих бумагах. Они элементарно это повторяют. Телефоны Гордеева есть в большом блокноте, он лежит на моем столе слева от компьютера. Ты все запомнил?

– Я могу прийти к вам, – послышался голос Крамцова в трубке. – Я совсем рядом, метрах в двухстах, наблюдаю за институтом.

– И прячься дальше, даже не смей приближаться к институту, – ответил Дегтярев. – Оверчук что-то задумал, я это чувствую, он сумел отправить всю милицию, которая здесь была. А обо мне заботиться поздно. Я уже инфицирован.

– На вас вирус может не подействовать.

– Подействует. И я это знаю, и ты это знаешь. Мы оба знаем. Второе. Побудь до завтра с моей семьей, посмотри, как развивается ситуация. Если станет совсем плохо – бери мою машину, всю мою семью и вези их в Садов, к Кириллу. Он сумеет организовать вам пропуск, а места безопасней, чем там, нет на всей земле. Ты понял меня?

– Я понял.

– Там ты будешь на своем месте, работайте над вакциной, спасите мир. Все, прощай, у меня мало времени, и много надо сделать. Не перезванивай мне, я даже не отвечу на звонок.

Не давая Сергею ничего сказать, Дегтярев отключил телефон. За спиной послышался шум, он обернулся. Дергалась ручка двери, как будто кто-то лениво играл с ней с той стороны. У Дегтярева в душе полыхнуло бешенством. Он представил, как Оверчук стоит с той стороны двери и с обычной своей вальяжной улыбочкой развлекается тем, что нажимает на ручку. «Сволочь, даже постучать по-человечески не может, везде надо важность свою продемонстрировать!» Почему-то в этот момент Дегтяреву не показалось, что представившаяся ему картина нелепа и Оверчук в жизни бы так не поступил. В такой форме долго копившаяся злость на Оверчука нашла выход. Владимир Сергеевич быстро подошел к двери, отпер ее и рывком рванул на себя. С той стороны ручку держали и не успели вовремя отпустить, поэтому человек почти ввалился из коридора в кабинет. И это был вовсе не Оверчук.

– Коля? – удивился Дегтярев. – Что случилось? Тебя же Оверчук... Коля?

Николай Минаев стоял перед Владимиром Сергеевичем, не шевелясь. Нижняя часть лица его, руки, грудь, плечи были буквально залиты кровью. Ее металлический запах волной ударил в Дегтярева. Но самым страшным было не это. Самым страшным были глаза Минаева.

В них не было ничего. Никакого выражения вообще. И в них не было даже жизни. Как будто подернутые какой-то мутной пленкой, не мигая и не отрываясь, они смотрели на Владимира Сергеевича.

Он почувствовал, как по спине поползли мурашки и волосы на голове встают дыбом. Никогда в жизни ему не было так страшно, как сейчас, когда он посмотрел в глаза ожившего трупа. А в том, что он смотрит в глаза трупа, Дегтярев не усомнился ни на мгновение. В них было нечто, на что не должен смотреть человек, что ему не положено видеть. Владимиру Сергеевичу показалось, что, если он будет смотреть в них еще одну секунду, он просто обмочит штаны от страха. И он попятился назад.

Его отступление как будто послужило сигналом для зомби. До того стоявший неподвижно, он вдруг вытянул руки и пошел следом, очень неуклюже, но неожиданно быстро. При этом он издал какой-то придушенный, скулящий звук, напугавший Дегтярева еще больше. Он заскочил за свой стол, широкий и массивный, оглядываясь в поисках чего-либо, что может послужить оружием. Оружие настоящее, пистолет, висело у Николая на поясе, в открытой кобуре, но с тем же успехом оно могло лежать на заводе, где его сделали.

Стол задержал мертвяка, он как будто растерялся, не зная, с какой стороны ему пойти. Затем начал обходить его по часовой стрелке, но Дегтярев, словно играя в детские «догонялки», тоже сместился в сторону, оставляя расстояние между собой и противником неизменным. Мертвяк остановился, затем снова пошел. Дегтярев тоже двинулся по кругу. Стол был тяжелым, в одной его тумбе был встроенный сейф, поэтому Владимир Сергеевич не боялся того, что противнику удастся отшвырнуть его в сторону. И пока стол был ему единственной защитой, потому что ничего, что может быть оружием, он по-прежнему в своем кабинете не видел. Надо было добраться до пистолета, торчащего из открытой кобуры на поясе у Минаева. И еще вспомнить, как из пистолета стреляют.

А еще можно было убежать вниз, где есть вооруженная охрана и с ней вооруженный Оверчук. И это, пожалуй, лучший выход, если его противник даст ему шанс выскочить в дверь. И еще можно заорать, призывая помощь. В пустом здании слышимость хорошая, и если Оверчук с Ринатом еще в здании, то они обязательно прибегут. Но орать Владимир Сергеевич почему-то боялся. Он сообразил, что Минаев вышел из кабинета Биллитона, а самого Джеймса тоже давно не видно, поэтому кроме помощи снизу в кабинете может появиться еще один противник. И тогда гонки вокруг стола не получатся.

Мертвяк между тем ходить по кругу прекратил. Вновь уставившись своими жуткими глазами на Дегтярева, он снова издал этот скулящий звук и вдруг довольно ловко вскарабкался на четвереньках на стол и быстро пополз к Дегтяреву. У того сердце в пятки ушло, но тело, как ни странно, среагировало правильно. Вспомнилось еще студенческое увлечение самбо. Откуда что и взялось...

Он схватил Минаева рукой за воротник плотной форменной куртки и с силой потянул к себе. Не толкнул от себя, что было бы естественно и при этом ошибочно, а именно к себе, так что руки мертвяка потеряли под собой опору, и тело его начало валиться со стола вниз. Но и упасть окончательно Владимир Сергеевич ему не дал, придавливая того к столу так, что зомби был вынужден упереться руками в пол, удерживая себя в этой нелепой позе. И тогда Владимир Сергеевич, придавив мертвяка своей тяжестью, обеими руками ухватился за кобуру, оказавшуюся так близко. Со щелчком отстегнулся клапан-ремешок, и тяжелое тело пистолета просто выскользнуло из кобуры в руку Дегтярева.

Рука мертвяка вцепилась ему в ногу, заставив дернуться, и Дегтярев отскочил назад, вырвав ногу из захвата. Мертвяк с грохотом свалился со стола на пол, головой вниз. На пистолете должен быть предохранитель, это Дегтярев помнил еще со времен военной кафедры в институте. Он посмотрел на оружие справа, а затем слева. Такой же ПМ, как и тот, из которого он стрелял, только щечки рукоятки черные и на затворе надпись «ИЖ-71».

Предохранитель он узнал сразу, вспомнились времена военной кафедры и сборы, но озадачила красная точка. Что это значит? Красный в смысле «огонь!» или красный в смысле «фиг выстрелишь»? Забыл.

В кобуре пистолет был наверняка на предохранителе, сообразил Дегтярев. Он сдвинул флажок, направил ствол пистолета в голову уже стоявшего на четвереньках мертвяка и нажал на спуск. Тот оказался неожиданно тугим, но все же курок шелкнул, хоть и вхолостую. Может быть, Минаев носит пистолет без патронов? Нет, такого не может быть. Владимир Сергеевич вспомнил, как они на единственных за время учебы стрельбах из пистолета затвор передергивали. Патрон-то он не дослал!

Он вцепился левой рукой в рифленые боковины затвора, сжал его и резко потянул на себя. Тут упруго сдвинулся, в окошке мелькнул латунный бок патрона. Дегтярев отпустил затвор, который с лязгом встал на место. Минаев уже был на ногах и пошел прямо на него. Ученый снова нажал на спуск. На этот раз спусковой крючок подался очень легко, грохнул выстрел. Пистолет ощутимо подскочил в руке, а мертвяк рухнул навзничь. В середине его лба появилось круглое отверстие.

– Вот так... и биолог что-то может, когда задницу припечет, – прошептал Владимир Сергеевич, глядя на труп.

– Эй, что там у вас? – раздался крик Оверчука в коридоре, а потом до Дегтярева донесся топот двух пар ног.

И в ту же секунду навстречу бегущим мимо двери прошел окровавленный и сильно хромающий Биллитон. Того мгновения, что он был виден в дверном проеме, Дегтяреву хватило для того, чтобы понять, что его коллега Джеймс Биллитон обратился в ходячего мертвеца, в зомби. Потому что живым он не смог бы ходить с выгрызенным и разорванным горлом.

– Господин Биллитон? – послышался окрик Оверчука.

– Оверчук, стреляй ему в голову! – отчаянно закричал Дегтярев. – Стреляй, твою мать!

Из коридора послышалась возня, звуки драки, затем всплеск матерной брани, стук падения тела. Дегтярев выбежал туда, но ничего не смог разглядеть. Кто-то лежал на полу, а кто-то стоял на ногах, матерясь. Сзади к матерившемуся бежал еще один человек. Было слишком темно, чтобы стрелять, Дегтярев беспомощно держал пистолет перед собой. Неожиданно вспыхнул фонарь под стволом дробовика в руках у Рината Гайбидуллина, высветив всю картину драки. Биллитон был, несомненно, мертв, превратился в зомби и сейчас пытался подняться с пола. Оверчук стоял на ногах, вынимая из наплечной кобуры большой угловатый пистолет. Рука, которой он отогнул полу пиджака, была окровавлена.

– В голову ему стреляйте! В голову! – крикнул Дегтярев.

– Кому? – с удивлением посмотрел на него Оверчук. Ринат зашел справа от него, встал, направив ствол «Вепря» на Биллитона, но направив его тому в грудь.

– Ринат, стреляй!

Биллитон поднялся на ноги. Ринат вскинул дробовик, Оверчук тоже навел свой большой угловатый пистолет на американца, и оба заорали дурными голосами:

– Назад! Мордой в пол! Руки за голову!

Все же милицкий инстинкт силен, но не всегда уместен. Дегтярев аж за голову схватился от отчаяния и заорал, что было сил: «Огонь!» И Ринат выстрелил. Грохнуло как из пушки, акустика в коридоре была хорошая, вспышка пламени вылетела из дула на полметра, на мгновение осветив все вокруг. Заряд крупной дроби отшвырнул на несколько метров и опрокинул Биллитона на спину.

– Ты что сделал? – спросил совершенно сбитый с толку Оверчук.

Ответить Ринат ничего не успел, потому что Биллитон как ни в чем не бывало поднялся на ноги.

– Ох, ё... – протянул Оверчук, глядя на это.

Разорванное горло, дыра от заряда крупной дроби, выпущенного чуть не в упор, в груди, и этот человек снова поднялся на ноги.

– В голову его, он уже мертв, вы не поняли, что ли, олухи? – в отчаянии закричал Дегтярев. – Он сожрет вас, идиоты!

Биллитон вновь пошел на своих обидчиков, и на этот раз выстрелил Оверчук. Хлопнул одиночный выстрел, из затылка мертвяка вылетело облако крови, мозгов и осколков кости, тело упало на спину и уже не шевелилось.

– Ринат, тебя не укусили? – спросил Дегтярев.

– Нет, Владимир Сергеевич, – испуганно оглядывая себя, ответил охранник.

– Тогда иди к Олегу Володько, не ходите больше по одному здесь. А мы с Андреем Васильевичем разберемся сами.

Услышав Дегтярева, Оверчук возражать не стал, даже наоборот, подтвердил приказ директора. Ринат ушел, а Оверчук зашел в кабинет. Увидев пистолет в руке у ученого и труп Минаева, он спросил:

– Такой же, как тот? – и показал себе за спину.

Как ни странно, но он не выглядел напуганным или обалдевшим. Скорее собранным и о чем-то всерьез задумавшимся. Дегтярев кивнул.

– Да, точно такой же.

– Кто они? – спросил Оверчук.

– Вы не поняли еще? – усмехнулся ученый. – Живые мертвецы, скоро таких будет много в городе. Очень много. Вас укусили?

Оверчук посмотрел на свою окровавленную левую ладонь, медленно кивнул.

– Да, этот придурок зубами вцепился, когда я его хотел оттолкнуть. Схватил мою руку своими и прямо в рот себе затолкал. Это плохо?

– Это очень плохо, – не стал обманывать Дегтярев.

– Я что... стану таким же?

– Да. Я тоже. – Дегтярев показал свою перевязанную руку. – У меня тоже укус.

– И что мы будем делать? – с каменным выражением лица спросил безопасник.

– Жрать живых людей, – криво усмехнулся ученый. – Но думаю, что мы этого даже не заметим и не узнаем. Мы к тому времени умрем, а наши трупы пойдут питаться от живых.

– И что нам делать? – не изменившись в лице, так же спокойно спросил безопасник.

– Ничего, – развел руками Дегтярев. – Лучше всего пустить себе пулю в лоб самому, пока не началось. Зомби можно убить лишь выстрелом в голову или другим способом повредить мозг. Все остальное на него не действует.

– Что вы будете делать?

– Буду поднимать панику. Вас это еще заботит?

Оверчук подумал минутку, затем отрицательно мотнул головой.

– Теперь уже ни капли. Делайте что хотите, – затем спросил, вздохнув: – Сколько у меня времени?

– Не знаю точно, – пожал плечами ученый. – Час, возможно.

– Час, час... что можно успеть за час?

– Предупредить семью. Попрощаться с людьми.

– Да, пожалуй, – кивнул тот. – Не смею задерживать, у вас тоже часы тикают. Если что, то я во дворе.

– Да, разумеется, – пожал руку Оверчуку ученый. – Но думаю, что мы можем попрощаться. Услышите выстрел – значит, я ушел как положено. Если в течение часа охрана выстрела не услышит, пусть поднимутся меня добить.

– А вы убредете куда-то по зданию, и ищи вас тогда в темноте, – возразил Оверчук, придержав ладонь ученого в своей.

Дегтярев задумался, затем кивнул, соглашаясь:

– Я сейчас себя за ногу привяжу к столу гардинным шнуром. Я заметил, что эти мертвые ребята совсем тупые, им и простой узел развязать не под силу, а я такого напутаю... Поэтому даже если я превращусь, то они найдут меня здесь же.

– Хорошо, я дам распоряжение. Прощайте.

– И вы прощайте.

Руки расцепились, и Оверчук вышел из кабинета, оставив Дегтярева одного. Однако пока пускать себе пулю в лоб он не собирался. У него были совсем другие планы, и тому, что сказал ему Дегтярев, он не слишком поверил, а если поверил, то убедил себя в том, что не верит. Мозг бывшего тюремного «кума» заработал в другом направлении, старясь направить поток мыслей в русло привычное, «деловое», чтобы не давать размышлять о плохом. Да и зачем так вот запросто смиряться с тем, что тебе говорят? Мол, ты умрешь, а остальные нет. А мы вот еще посмотрим, кто умрет.

Андрей Васильевич достал из кобуры пистолет, девятимиллиметровый «Грач». Такие недавно хитрым путем закупили для руководства СБ концерна «Фармкор» и для телохранителей «Первого Лица». На этом уровне вопрос легальности уже не стоит, все решается.

– Мы еще посмотрим, кто кого... – пробормотал Андрей Васильевич.

Если бы его сейчас спросили, что он имел в виду, то, скорее всего, он даже не смог бы ответить. Андрей Васильевич просто не хотел умирать, а как этого избежать, не знал. Поэтому он вышел во двор, держа пистолет стволом вниз в опущенной руке и чуть сзади, обошел здание и увидел стоящих у пролома Рината и Олега.

– Эй, хлопцы! – позвал он их.

– Что, Андрей Васильевич? – обернулись охранники.

– Вы поняли, что это было? – спросил он их. – С Биллитомом?

– Не понял я ничего, – отрицательно помотал головой Ринат.

– Ну и не надо!

С этими словами Оверчук вскинул пистолет и дважды выстрелил тому в грудь, а затем перевел ствол на совершенно растерянного Олега и тоже выпустил ему две пули в сердце. Выстрелы эхом метнулись между стен, и звук затих. Промзона, никому дела нет. Оба охранника повалились на асфальт, просто обмякнув, как будто из них выдернули какой-то стержень, который до того держал их в вертикальном положении.

«Контроль» Оверчуку не требовался, он точно знал, что двумя пулями и с такого расстояния он всегда попадает в сердце безошибочно. Для него в этом был некий старомодный шик – стрелять только в сердце. Он усмехнулся, глядя на лежащие на земле тела своих бывших подчиненных, и снова сказал:

– Мы еще посмотрим, кто кого.

Быстрым шагом он направился обратно, не оглядываясь, погруженный в свои мысли, путанные и горячечные. «Мы еще посмотрим!» – пульсировала в его сознании одна и та же фраза. Свернул за угол, распахнул дверь проходной, как вдруг его окликнули сзади, причем голос был знакомый:

– Андрей Васильевич!

Он резко обернулся, вскидывая пистолет, и встретился со вспышкой сверхновой звезды, заполнившей весь мир и затем погрузившей его навечно во тьму.

Крамцов Сергей, еще аспирант

20 марта, вторник, очень раннее утро

Звонок Дегтярева застал меня в машине как раз в тот момент, когда я размышлял над тем, позвонить шефу или не стоит. У меня даже палец лежал на клавише быстрого набора номера Дегтярева, когда экран вдруг засветился, замигала надпись «Шеф», а аппарат завибрировал в ладони. После того как он отключился, я понял, что звонить не стоит. Шеф уже себя похоронил, хоть и с излишней поспешностью, на мой взгляд. Его укусила крыса, а вирус «Шестерка» мутирует с огромной скоростью. Возможно, что в организме крысы он уже изменился так, что человеку не опасен. Маловероятно, но возможно.

Кроме того, я не мог себя заставить бросить Дегтярева просто так, даже не увидев его. Что греха таить, он для меня был если и не как отец, то как любимый родственник, друг, не знаю кто. И его семья если и не заменила мне мою, которой у меня не было, то была очень к этому близка. А его младшая дочь, как мне кажется, даже излишние знаки внимания мне оказывала. Нет, просто так Дегтярева я бросить не могу, что бы он мне в телефон ни говорил.

Пока я так размышлял, за окном его кабинета сверкнула вспышка и раздался хлопок, очень похожий на выстрел из пистолета. У меня сердце замерло на полустуке... Что за дела? Он сам себя, что ли? Но ведь он собирался звонить... Короче, надо идти на разведку, нет других вариантов, много здесь на заднице не высидишь. И идти «тяжелым», раз уж там до стрельбы дошло. Я вытащил помповик из чехла, затолкал в него через окошко шесть патронов с картечью. Передернул цевье, загнав один в патронник, и добавил еще один патрон в магазин. Семь. Еще три патрона из этой коробки и два из другой я воткнул в пластиковый подвесной патронташ, что держался сбоку ствольной коробки, а оставшиеся восемь высыпал в карман куртки.

Со стороны института снова донесся выстрел, гулкий, увесистый, явно из дробовика. Животных отстреливают, что ли? Я вышел из машины и перебежал на противоположную сторону улицы, чтобы не быть заметным из пролома, где стоял Володько. Тяжесть ружья в руках придавала уверенности. Еще с войны знакомое чувство – когда в руках у тебя оружие, тебя уже «так просто не возьмешь», ты не беззащитен.

Снова два выстрела, из ружья и пистолета. Точно, отстреливают кого-то. Не все зверье разбежалось? Естественно, кто-то ведь укусил шефа. Я перешел на тихий шаг, прижался к забору, подняв оружие в положение «на изготовку». Тихо... тихо... Ночью слух дает больше информации, чем зрение, надо просто уметь ею пользоваться. Голоса. Я замер, прислушался. Олег с Ринатом. Ринат что-то рассказывает, очень экспансивно. Олег недоверчиво переспрашивает. Что-то про Джеймса говорят. Лучше к ним открыто подойти, а то не поймут прикола, чего это я крадусь, да и грохнут на месте. Ринат вполне сумеет.

Только собрался расшифроваться, как услышал голос Оверчука. Вот этого-то гада и даром не надо, подумалось мне, лучше пока тихо посижу. Он только пару слов сказал, а затем дважды треснули двойные пистолетные выстрелы, и затем два тела рухнули на асфальт, разогрев оружием. Затем Оверчук пробормотал что-то, и шаги медленно удаляться начали.

«Ты что же делаешь, тварь, «дух» поганый? – подумал я. Меня окатило злобой, как волной кипятка, аж в ушах зазвенело. – Что он сделал? Что они ему сделали, сволочи такой? Это он у Дегтярева в кабинете стрелял? «Хвосты» подчищает? Я тебе постреляю, гнида...»

Я быстро и тихо дошел до пролома, держа ружье на уровне глаз, заглянул внутрь. Оверчук уже свернул за угол. Он шел быстро, почти бежал. Стараясь не шуметь, я рванул следом, чувствуя, как бешенство охватывает меня, такое, что волосы зашевелились, а челюсти сжались до судороги.

«Убью, сволочь!» – четко оформилась мысль.

Выглянул за угол и понял, что отстаю – безопасник наддал и уже подходил к флигелю проходной. Я перешел на бег, вскинув ружье, понимая, что могу обнаружить себя, но он не обратил никакого внимания. Распахнул дверь, шагнул внутрь. Сейчас дверь захлопнется, и все усложнится.

И тогда я его окликнул. До Оверчука было метров шесть, не больше, он был ко мне спиной. Прицелился ему в затылок, выбрал свободный ход спускового крючка и окликнул:

– Андрей Васильевич!

Мой голос отразился эхом в пустом дворе. Оверчук обернулся, одновременно поднимая пистолет. Все равно не успеешь. Я сдвинул указательный палец, дробовик дернулся в руках, а осыпь картечи разнесла голову Оверчука на кровавое облако. Осталась на месте только шея и нижняя челюсть. Тело рухнуло на спину, в коридор проходной, пистолет со стуком упал на асфальт. Грохот выстрела из двенадцатого калибра эхом проскакал по окрестностям и замолк.

– Вот тебе, сука... – прошептал я.

Передернул цевье, достал из кармана еще один патрон с картечью, затолкал снизу в магазин. Огляделся вокруг – никого. От обезглавленного тела растекалась лужа крови. Куда теперь?

– Сережа! – окликнули меня сверху.

Точнее, шеф окликнул. Я его голос никогда не спутаю ни с чьим другим. Я поднял глаза. Дегтярев стоял в окне кабинета Биллитона, вполне живой.

– Владимир Сергеевич, как вы? – спросил я.

– Сережа, нормально. А ты все правильно сделал, я все видел. Он был мерзавцем. – Он потер ладонью лицо, я увидел бинт на руке. – А мы опоздали объявить тревогу. Трусость – страшный порок, Сережа. Я сейчас успел позвонить военным, Кириллу Гордееву и объявить о биологической угрозе. Может, мне и поверили. А может быть, и нет. Кирилл не самый главный в системе, его полномочий объявить тревогу на всю страну не хватит. Сейчас я позвоню в милицию, затем в мэрию, а затем позвоню в МЧС. Но я не буду этого делать, пока ты не уедешь отсюда и не направишься ко мне домой. Это важнее, а у меня осталось мало времени. Это приближается. Возьми все оружие, которое видишь, не трогай только пистолет Оверчука. Это орудие убийства. Еще одно орудие убийства у меня, и пусть оно здесь и останется. Возьми вот это...

Дегтярев исчез в окне, затем сказал: «Лови!» – и бросил что-то вниз. Белый полиэтиленовый пакет, в котором что-то звякнуло, упал прямо мне под ноги. Я заглянул в него. Там лежала связка ключей. Я вопросительно посмотрел на шефа.

– Раз уж ты приехал, хоть я тебя и не ждал... Спустишься в лабораторию, откроешь хранилище номер два, – сказал шеф. – Вытащишь оттуда два оранжевых пенопластовых блока, заберешь с собой. В блоках, внутри, титановые капсулы с исходным вирусом. Разбить, сломать или что-то еще сделать с этим хранилищем невозможно. Вирус в сухом состоянии, так что о каких-либо температурных условиях тоже заботиться не надо. Отдай их Кириллу. Понял?

– Да, понял, – кивнул я. – А как насчет разрушенной биозащиты в здании?

– Ты серьезно? – Он нашел в себе силы усмехнуться. – Вирус уже вырвался. Ты сам знаешь степень его заразности. К тому же пока ты живой, он ничем тебе не грозит. Неужели ты сам этого еще не понял? Здоровее будешь!

Я хмыкнул, пожал плечами. А ведь верно, чего теперь-то бояться? Зато у меня будет гарантированный иммунитет против гриппа и любого вирусного заболевания. Даже СПИДа могу не бояться. Плохо, что ли?

– Все животные разбежались, эпидемия начнется уже сегодня ночью, – продолжил Дегтярев. – Это неизбежно. Апокалипсис начинается, мертвые пойдут по земле. Коля Минаев обратился и напал на меня. Я убил его выстрелом в голову. Джим Биллитон тоже обратился, и его тоже убили выстрелом в голову. До этого Ринат выстрелил в него из ружья, в грудь, но Джим даже не поморщился. Стреляй в голову. И увози мою семью в Садов. Я успел сказать

Кириллу о вас, он ждет. Все, езжай, не забирай мои последние минуты, я хочу успеть позвонить семье. Ты понял меня? Что ты молчишь, как пень?

В голосе шефа послышались нотки отчаяния. Я закивал, крикнул:

– Я понял!

– Я скажу им, что уехал с военными в секретный центр, в Кош-Агач, в Горный Алтай, иначе Алина никуда не поедет. И ты это подтверди, понял? Скажи им, что позже мы встретимся в Горьком-16. Скажи им правду позже, лишь когда приедете в «Шешнашку». Обещай мне это.

– Я обещаю, – кивнул я.

Я почувствовал, что начинаю плакать. Я никогда в жизни не плакал, даже в детстве, кажется. Только когда погибли родители и после похорон бабушки, в одиночестве. Слезы залили глаза, защипали, я заморгал.

– Тогда собирай все оружие, что видишь, возьми контейнеры и иди, – махнул он рукой. – Я уже не выгляну из окна, а если ты попробуешь подняться ко мне, я застрелюсь раньше, чем собирался. Иди.

– Прощайте.

– И ты прощай, Сережа.

Дегтярев исчез из оконного проема, и вскоре оттуда послышался разговор. Он еще кому-то дозвонился. Ну и пусть, может, и выйдет из этого что-то.

Я подошел к трупам Рината и Володи, подобрал похожие на «калаши» дробовики «Вепрь», взял запасные магазины, фонарики, радиостанции «Кенвуд». Сейчас заберу контейнеры из хранилища, а заодно и зарядники из караулки прихвачу. И тихо уеду. Но пистолет Оверчука подберу все равно, не побрезгую. Зашел в проходную, подобрал с пола «Грач», протер его от крови полый плаща убитого. Затем нашел на нем подвесную кобуру и два запасных магазина на поясе. Почему-то вспомнилось, как я снимал с убитого возле Алханкалы «духа» добротную китайскую разгрузку, а потом отстирывал ее от крови – пуля пробила тому сонную артерию.

Подвесил пистолет под мышкой, прицепил кожаные подсумки с увесистыми магазинами на ремень. Мой дробовик теперь тоже оружие убийства, и что же, мне и его выбрасывать? Не дождетесь.

До хранилища добрался без приключений. Людей в здании не было, животных тоже. Но шел осторожно, светя фонарем и проверяя каждый шаг. Сейф открылся легко, два оранжевых пенопластовых блока, размером в два кирпича каждый, нашел сразу. Обратно шел уже опасливей – висящие на плече «Вепри» вместе с контейнерами мешали держать оружие. Надо было с рюкзаком сюда идти.

Дегтярев Владимир Сергеевич

20 марта, вторник, очень раннее утро

Владимир Сергеевич успел дозвониться многим. Его воспринимали по-разному. Последний, кому он позвонил, был следователь, приезжавший сегодня в институт. Именно он, кажется, воспринял Владимира Сергеевича всерьез, выслушал его рассказ о том, что Оверчук убивал здесь людей, пытаясь замести следы, и пообещал срочно принять меры. Но больше всего Дегтярев рассчитывал на Гордеева, своего давнего друга, который был слишком большим авторитетом в такой области, как биологическая угроза, и не прислушаться к нему просто не могли.

Он позвонил домой, разбудив жену. Они поговорили минуты три, после чего он ей сказал, что уезжает с военными специалистами в лабораторию в Кош-Агаче, что в Горном Алтае, и когда вернется обратно – неизвестно. Отвертеться, дескать, не может, дело идет к катастрофе. Она пришла в ужас, начала требовать сказать, куда она может приехать, или хотя бы пусть скажет, когда он вернется, но он ответил, что хода к нему нет, что вылетает военным бортом. И сколько он проведет там времени – неизвестно, потому что никто толком о новом вирусе не знает, а потом он наверняка окажется в «Шешнашке», у Кирилла. Она заплакала, но он все же вырвал у нее обещание во всем слушаться Сергея Крамцова, который вскоре приедет и который все знает. Он знает, что следует делать, потому что завтра в Москве начнется эпидемия, это он говорит ей так точно, как только может знать профессиональный вирусолог. Затем он попрощался с ней, пожаловавшись на то, что садится батарейка в телефоне, которая и вправду садилась, напоминая о себе настойчивым писком, после чего отключился.

Вот так все и произошло, как уже не раз происходило в истории человечества. Любопытные и беспечные, как дети, ученые довели его до очередной катастрофы, и возможно – уже последней. Разумеется, они не предполагали такого конца своего эксперимента и не стремились к нему, но как они вообще додумались начать эти работы? Ехать на край света в поисках вируса, который встречается в организме одной-единственной глубоководной рыбы, при помощи которого вудуистские колдуны, согласно легендам, создавали зомби. Затем этот вирус модифицировали, и новый штамм оказался легко и быстро мутирующим, и первая же мутация оказалась сверхвирулентной, потому что вирус таким способом осуществил то, что заложено природой во все сущее. Он оказался даже близок к понятию «идеальный вирус», потому что вирусы, убивающие своего носителя, скорее «испорченные», «некачественные», они тем самым совершают самоубийство, а этот вирус, «Шестерка», встраивается в организм, объединяется с ним, даже защищает его от других вирусов и прочей заразы. А если носитель все же погибает, то вирус перестраивает организм так, что возвращает его к жизни, пусть и в чудовищно извращенной ее форме.

Дегтярев чувствовал, что смерть приближается. Совсем недавно его тошнило, а теперь тошнота ушла, и по всему телу разливалась свинцовая слабость. Если он протянет еще немного, то уже не сможет заставить себя взять в руку пистолет и превратится в безмозглого вурдалака, привязанного к собственному столу. Он посмотрел на толстую синтетическую веревку, которая тянулась от его колена до ножки стола, так туго намотанную, что нога ниже колена онемела, посмотрел на труп Николая Минаева, измаранный кровью, уставившийся неподвижными глазами в потолок. Теперь у него были просто глаза покойника. Покойные. Не было уже в них той жути, которая была, когда он восстал и пошел по земле.

– Прости, Коля. Простите все. Мы не хотели, чтобы так получилось.

Владимир Сергеевич взял со стола пистолет, приставил его к своему виску и нажал на спуск. И в последнее мгновение перед тем, как пуля разрушила его мозг, он вспомнил, что

Оверчук застрелил охранников выстрелами в сердце, не в голову. Но остановить летевшую из пистолетного ствола пулю он уже не мог.

«Террористы»

20 марта, вторник, очень раннее утро

За полтора часа до этого Семен вышел из машины в кусты, чтобы помочиться. Они не уехали далеко. Затем Игорь с Димой поехали домой на машине Игоря, а Семен остался. Не смог он уехать и не посмотреть на дело рук своих. Он сидел в синем «Чероки», спрятанном в кустах на пустыре, всего лишь в трехстах метрах дальше по улице, наблюдая за суетой возле института. Судя по всему, бомба сработала как надо. Были выбиты стекла, приехали пожарные и множество милицейских машин. У Семена пела душа, он ощущал себя сейчас как «Аль-Каида», «Красные бригады» и «Ирландская Республиканская Армия» вместе взятые. Про то, что целью было прекратить мучения зверюшек, он успел забыть и выдумывал сейчас всевозможные политические требования, которые неплохо звучали, если бы их кто-то выдвинул. Он даже подумал, что, может, есть смысл послать анонимную электронную почту во все главные издания страны, но тут почувствовал, что мочевого пузыря дает ему понять, что пора его опорожнить.

Семен тихо выбрался из машины, старясь не хлопнуть дверью. Передернул плечами, пробормотал: «брр». Ночь была холодной, а мотор машины он не заводил, чтобы не выдавать свою позицию. Он не стал отходить в сторону от джипа, лишь повернулся к нему спиной и расстегнул ширинку. Послышался звук льющейся на землю струи, и в этот момент что-то невероятно больно вцепилось ему в голень. Боль была такая, что Семен даже не смог закричать, лишь инстинктивно рванул ногу вперед вместе с тем, что на ней повисло. Он успел понять, что это обезьяна, как она вдруг отпустила его и заскочила обратно под машину, откуда выскочила. Семен же прыжком запрыгнул на водительское сиденье и захлопнул за собой дверь.

– Тварь проклятая... – пробормотал он дрожащим голосом. Он посмотрел вниз – на джинсах расплывалось кровавое пятнышко, но совсем небольшое. Плотная ткань не дала обезьяне нанести серьезное ранение. Так, небольшая ранка. Семен был умным молодым человеком и понял, откуда обезьяна.

– Ладно, сволочь такая, живи. Мы вас хотя бы освободили. А ты не заразная часом? – вдруг осенило его.

Папаша Ксении вирусолог все же, а не директор цирка. Семена бросило в холодный пот. В больницу, срочно! С укусом обезьяны после взрыва в институте? Ни за что. Домой. Дома есть папа, папа позовет нужного врача. Домой, домой.

Семен повернул ключ в замке зажигания и выехал на дорогу.

Пасечник Александр Васильевич, генерал-майор МВД в отставке, начальник СБ компании «Фармкор»

20 марта, вторник, очень раннее утро

– Александр Васильевич, – обратился водитель к сидящему на заднем сиденье «Лэнд-крузера», – что-то там не так. В проломе никого, а должен быть пост.

Большая черная «тойота», в которой сидели Пасечник с двумя охранниками, тихо подъехала к пролому в институтском заборе.

– Дима, проверь, – тихо сказал Пасечник сидевшему на правом переднем сиденье охраннику, высокому, плечистому, коротко стриженному мужчине лет за тридцать.

Тот быстро выскользнул из салона, извлек из кобуры под мышкой «Грач» и бесшумно пошел к обрушившимся на асфальт бетонным блокам. До недавнего прошлого Дима Мальцев служил в отряде спецназа МВД «Рысь», немало повоевал, а теперь, вместе со своим бывшим сослуживцем Васей Серовым составил неразлучную пару, всегда находившуюся рядом с Пасечником. Его помощники, телохранители, адъютанты – да кто угодно.

На следы крови Дима наткнулся сразу же, как заглянул в пролом. Ошибиться было невозможно, что это за красные, отблескивающие в свете фонаря лужи, но трупов или раненых не было. Оверчука, лишившегося головы, нашли позже, при осмотре территории, и опознали лишь по одежде. Машину подогнали к самому проему, водитель вышел и остался возле нее. Пасечник же осмотрел труп Оверчука, ничего не сказал, лишь хмыкнул, мысленно отметив, что исчезло все оружие и радиостанции. Затем он махнул рукой Диме, приказывая осматривать территорию и здание дальше.

Через пятнадцать минут Пасечник звонил хозяину с нерадостной вестью – из сейфа в хранилище исчезли пенопластовые блоки с закупоренными внутри контейнерами с «исходным» материалом, а все научное руководство проекта мертво и успело остыть, включая самого Дегтярева. Выслушав своего главного безопасника, Бурко секунд тридцать молчал, затем сказал:

– Начинайте работу по «Последнему Плану». Эвакуацию завершить в течение двух суток. Оставьте в городе лишь группу быстрого реагирования. Ее задача – найти «материал». Не думаю, что сложно будет вычислить, кто его взял.

– Александр Владимирович, не торопимся с «Последним Планом»? – спросил Пасечник.

– Нет, – ответил Бурко. – Еще пара дней, и будет уже поздно. Приступайте.

– Есть, – по-военному ответил бывший генерал, отключился, после чего набрал следующий номер.

Ответили после первого же гудка, как будто абонент так и держал аппарат в руке.

– Сережа? Пасечник, – командным голосом заговорил начальник СБ. – Бегом в офис, собирай своих, и дуйте сюда, в институт. Прими во внимание то, что здесь придется подчищать. Да, именно. И сделай так, чтобы люди были готовы действовать по второму плану. Понял меня? Да, снабди их. Все, жду.

Пасечник задумался. Ему было известно, что кроме Бурко и самого Пасечника о существовании и содержании пенопластовых контейнеров были осведомлены всего два человека, Дегтярев и Биллитон. О том, чем занимался институт, знало больше людей, но именно о контейнерах – двое. Оба мертвы. У обоих следы укусов, и Пасечник догадывался, каких именно. Дегтярев, судя по всему, успел застрелиться. Пасечник проверил его мобильный телефон, куда он звонил, но Дегтярев оказался достаточно сообразительным, чтобы стереть всю память аппарата.

Разумеется, проверить его звонки можно и другим способом, но на это нужно время. До начала рабочего дня нечего и надеяться, нужные люди еще не появились на рабочих местах. Еще есть семьи. У Биллитона семья в Америке, у Дегтярева – здесь, в Москве. Его близкий друг и однокашник, насколько Пасечник помнил из досье, – военный биолог, работает в сверхсекретном центре в Горьком-16. Вот и первая зацепка. Только толку с такой зацепки не так уж и много. Подобраться к Гордееву по месту его службы нереально, безопасность там как на ядерном центре.

– Дима, Вася, – подзвал помощников Пасечник, – езжайте по домашнему адресу Дегтярева, узнайте, не передавал ли наш покойный профессор им два оранжевых пенопластовых контейнера. А я тут пока покараулю, дождусь остальных.

Бывшие спецназеры закинулись в машину, не задавая лишних вопросов, и большой черный внедорожник сорвался с места. Пасечник остался один ожидать, когда приедет группа быстрого реагирования. Было темно, мрачно, и хотя Пасечника можно было называть смелым человеком, и доказывал это в своей жизни он не раз, но сейчас ему было страшно. Поэтому он вытащил из наплечной кобуры свой «Грач» и так и стоял у институтского подъезда, держа пистолет в руке.

Сергей Крамцов, уже не аспирант

20 марта, вторник, раннее утро

То, что Ринат и Олег были убиты не выстрелами в голову, мне так и не пришло на ум, слишком много на меня сегодня свалилось. Но когда я не обнаружил их в проломе забора, то уже не удивился. Если они инфицированы, то должны были встать. И идти искать пищу. Они могли пойти к убитому мной Оверчуку, но он был далеко и вообще в домике проходной. Они об этом не знали, поэтому свалили куда-то еще. Искать я их уже не стал – побоялся крутиться в месте, где и без того изрядно постреляли. Странно, что до сих пор ни одной милицейской машины там не было.

Да и просто сама идея, что если кто-то умер, но голову ему не прострелили, то он встанет и пойдет, пока не укладывалась в сознании. Это придет позже. Поэтому, пока я ехал к дому Дегтярева, думал о чем угодно, кроме того, что охранники уже обратились.

Я думал о том, что близкий и очень любимый мной человек погиб. Новая утрата в этой жизни, и даже не на войне. О чем он думал перед смертью? О том же, о чем и я сейчас? О том, что снова доигрались жрецы науки. Глупо снимать с нас вину, пусть и не вольны мы в своем преступлении. В первый же момент, когда стало ясно, что вирус опасен, надо было кричать, бить в колокола, плевать на лояльность к компании, плевать на научное любопытство, а требовать немедленно перевести исследования туда, где и должны они проводиться с опасными культурами. Мы из того же любопытства все оттягивали этот момент, пытаюсь разобраться самостоятельно, что же такое мы получили в результате наших экспериментов?

Остановит ли теперь хоть что-нибудь эпидемию, которая уже наверняка начинается в городе? Как останавливать эпидемии, знает любое мало-мальски развитое государство. Но оно ничего не знает о том, как останавливать такие эпидемии. Когда зараза разносится разными видами живых существ и когда каждый носитель заразы агрессивно пытается ее распространить, сам при этом превращаясь разве что не в бессмертное существо.

Размышляя таким образом, я доехал до дома, где жили Дегтяревы, припарковался перед ним на улице. Ружье вновь заняло свое место в чехле, патроны были вытащены и уложены в коробку. Два самозарядных «Вепря» лежали под задним сиденьем вместе с запасными магазинами. Я примерился к пистолету – удобно, ухватисто, упругая пластмасса рукоятки как влитая лежит в руке. Серьезный ствол, вызывает уважение. Сунул его в кобуру, снятую с Оверчука. Плевать на милицию, с пистолетом теперь вообще не расстанусь.

Сомнительно, конечно, что кто-то нападет на меня в охраняемом доме, где живет семья Дегтяревых, но дьявол уже вырвался на волю, и следует быть готовым ко всему. В конце концов, я уже видел всего полчаса назад, как Оверчук убил двух человек своей собственной рукой, и вполне возможно, что сделал это он не по своей инициативе. Например, кто-то «над ним» решил, что лучше истребить всех, так или иначе связанных с программой. А больше меня с ней мало кто связан. И я совершенно не желаю стать истребленным.

Я вспомнил, как вдребезги разлетелась голова Оверчука, и не испытал при этом никакого сожаления, только некое мстительное удовлетворение. По крайней мере, Олег и Ринат неотомщенными не остались. А эту сволочь ни капли не жалко, кошмары меня мучить не будут.

Вылез из машины, припаркованной у въезда на территорию дома, и подошел к подъезду. Охранник лишь кивнул мне. Судя по всему, Алина Александровна его предупредила, да и знает он меня в лицо. Я хотел было предупредить его, что теперь надо быть очень осторожным, но так и не придумал, как это сделать. Как все то, что мне известно, объяснить нормальному человеку? Понятия не имею. Сначала должно что-то случиться, чтобы люди начали хотя бы понимать, о чем я говорю. Да и не могли пока досюда добраться носители вируса. Сегодня эпидемия начнется в районе улицы Автопроездной.

Лифт поднял меня на нужный этаж, и, когда двери его раздвинулись, я увидел у открытой двери в квартиру Алину Александровну, одетую и собранную. Высокая, стройная, темно-волосая женщина лет пятидесяти, с все еще хорошей фигурой и тонкими чертами лица. Она жестом пригласила меня пройти в квартиру.

– Сережа, проходите, мы вас ждем.

Я вошел в квартиру, дверь за мной захлопнулась.

– Сережа, что случилось? Где Владимир? – спросила она сразу.

Вид у нее был очень взволнованный. Она нервничала и говорила быстро, как-то скомканно, перескакивая с одного на другое.

– Пойдемте, я вас кофе напою, у вас вид усталый.

Мы прошли на кухню, где уже сидели обе дочери Сергея Владимировича, обе с кофейными чашками. Все уставились на меня, ожидая с затаенным страхом того, что я могу сказать. Я прокашлялся, затем сказал:

– В институте был взрыв. Какие-то кретины взорвали самодельную бомбу. Погибли люди, разрушены зоны строгой изоляции, Владимир Сергеевич на свой страх и риск привлек военных специалистов. Компания склонна была замолчать дело, хотя и надвигается катастрофа. Его увезли военные в свою лабораторию на Алтае, там до него никто не доберется.

Конец фразы я проговорил скороговоркой, чтобы не сбиться. Ксения стояла прямо напротив меня и как-то странно изменилась лицом на мои слова, особенно на «погибли люди». Не собралась заплакать, а... трудно объяснить. Просто странно.

– Сережа, кто погиб?

Алина Александровна была знакома со всеми, кто работал в институте.

– Погибли Коля Минаев, Ринат, Олег, Джеймс Биллитон и Оверчук. И хуже всего другое – начинается эпидемия в городе. Она начнется обязательно, уже сегодня к вечеру в городе будут проблемы. Владимир Сергеевич сказал, чтобы я увез вас в Горький-16, к Гордееву. Вы знаете такого?

– Да, конечно, это старый друг Володи, они вместе учились, и он сейчас военный. Но почему? Что это за эпидемия такая? Чем вы там занимались? – Она посмотрела мне в глаза, прямо и пристально.

– Это вышло случайно. Если бы те, кто взорвал бомбу, сделали это два дня назад или завтра, ничего бы не случилось. Но мы лишь успели обнаружить, что вирус, который изучался, из безопасного превратился в опасный, и тут этот взрыв... Гордеев может разработать вакцину, нам надо туда.

Неожиданно Ксения быстро вышла из кухни, не глядя ни на кого, все с удивлением посмотрели ей вслед. Я повернулся к Алине Александровне:

– Вы соберите свои вещи, пожалуйста. Нам надо будет выехать как можно быстрее. Если в городе начнется паника, дороги могут быть забиты или перекрыты. У меня есть место, куда вас отвезти сейчас. А пока мне нужен рабочий стол Владимира Сергеевича, он просил взять с собой его компьютер и документы по программе. У вас есть крепкая сумка?

Главное, чтобы мне удалось увезти их на дачу до того, как начнутся истерики. Я не умею справляться с женскими истериками и их боюсь. И вообще мне не до этого.

Бомж Сивый

20 марта, вторник, очень раннее утро

Сивый бомжевал уже пятый год. Он был москвичом по происхождению, никогда не сидел в тюрьме, окончил школу и даже три курса института. Он не был в прошлом преступником, как многие бродяги, вырос в приличной семье. Но в нем сидели два беса, которые и вели его от одной беды к другой. Сивый, которого раньше звали совсем по-другому, любил выпить, а выпив, склонен был играть. Бес пьянства и бес игры превратили его в вечного должника, вынужденного занимать у одних, чтобы расплатиться с другими. Однако даже занятые для выплаты долгов деньги чаще всего не доходили до адресата, оседая во всевозможных залах игровых автоматов. В конце концов все пришло к закономерному итогу, терпение кредиторов истощилось, некоторые из них были склонны решать такие проблемы крайне радикальными способами, и Сивый просто исчез, ушел, растворился.

Сейчас ему шел тридцать четвертый год, но с виду он тянул лет на шестьдесят. Одетый в тряпье из помойных контейнеров, с распухшим, небритым лицом, без половины зубов, в разных ботинках, он даже на бомжевском конкурсе красоты занял бы самое последнее место. Жил он неподалеку, в коллекторе отопления, где соорудил себе почти королевское ложе из найденного старого матраса и кучи тряпья. Раньше с ним жила бомжиха по кличке Василек, получившая такую погреху по причине постоянно подбитых глаз, но недавно она от него ушла к другому, у которого чаще и в больших количествах имелось дешевое бухло, и сейчас Сивый жил в одиночестве.

Он шел вдоль ряда мусорных контейнеров на своей территории, тщательно перерывая весь мусор в каждом из них. Район был не самым лучшим, но все же нередко попадалось что-то полезное, а зачастую можно было найти и еду. Ему удалось собрать уже шесть пустых бутылок, банку рыбных консервов и нераспечатанный пакет просроченного томатного сока, и он был в хорошем настроении. В коллекторе у него хранилась бутылка дешевого портвейна, так что он уже предвкушал пир. Копаясь в контейнере, он вдруг почувствовал острую боль в пальцах и от души выматерился. Крысы кусали его не в первый раз, но каждый раз от этого случались проблемы, раны всегда загнаивались.

Эта крыса вообще оказалась упорной, и, когда Сивый выдернул руку из контейнера, она так и продолжала висеть на ней, вцепившись зубами в мякоть ладони.

– Ах ты, маруда... – прохрипел Сивый, глядя на крысу с ненавистью.

Он положил ее боком на острое ребро контейнера и с силой ударил по ней ладонью другой руки. Обычно крысам этого хватало для того, чтобы мгновенно умереть, но эта оказалась на удивление живучей. Она выпустила руку Сивого и свалилась на землю, у нее был сломан позвоночник, но она пыталась ползти к нему на передних ногах, волоча за собой заднюю часть тела, и пасть у нее была угрожающе раскрыта.

– Ага, покусайся мне, – сказал ей Сивый и с силой опустил ей на голову каблук ботинка. Этого оказалось достаточно для того, чтобы крыса затихла.

Сивый осмотрел ладонь. Рана была изрядной, кровь капала на землю. Сивый выругался, слизал кровь и пошел в коллектор, решив, что на сегодня приключений достаточно. Лучше выпить винца в спокойной домашней обстановке и закусить сардинами из найденной банки.

Александр Бурко

20 марта, вторник, очень раннее утро

После разговора со своим начальником службы безопасности Бурко несколько минут думал, откинувшись в массивном кресле и прикрыв глаза. «Материал» исчез. И это всерьез вредит его планам, хоть и не рушит их. Он посмотрел на часы. Пять утра, шестой час, за окном еще ночь глухая. С минуты на минуту подъедут два человека – Коля Домбровский и Марат Салеев. С Домбровским Бурко дружил с института, с первого курса, а с Маратом они даже выросли в одном дворе в городе Твери, в те времена – Калинин, названном в честь родившегося неподалеку «Всесоюзного старосты». После школы их дорожки разошлись – Александр поступил в Московский авиационный институт, а Марат – в Рязанское воздушно-десантное. Прошел Афганистан, Баку, Карабах, первую и вторую чеченские, дослужился до подполковника, но в последнюю войну на Кавказе был ранен и почти что потерял зрение.

Абсолютно случайно об этом узнал Бурко. Именно он организовал старому другу операцию в Германии, оплатил ее, а после того, как Марат был все же вынужден оставить службу (зрение восстановилось, но не полностью, пришлось надеть очки, да и головные боли мучили часто), Александр пригласил его к себе на работу. Кем? Марат взялся за организацию боевой подготовки в том самом тверском Центре, официально принадлежащем ФСИНу, гоняя бойцов до седьмого пота. А ведь с улицы туда людей не брали, только с подготовкой и боевым опытом, так что серьезное получилось воинство.

Он был единственным, кто знал, что его старый друг всего-навсего готовится к концу света. И что самое интересное – вовсе не считал это блажью, а полагал, что если кто может позволить себе содержать собственную профессиональную армию, то пусть содержит, хуже не будет. К тому же его заместитель, бывший капитан-спецназовец Баталов, успел послужить не только в Российской армии, но и в одной британской частной военной компании, которая как раз такую профессиональную частную армию и представляла из себя, так что никто не удивлялся.

Салеев в основном находился в Твери, но вчера приехал в Москву, и получилось – как нельзя кстати. Именно он должен был привести «Ковчег» в действие. Домбровский же обязан неотлучно находиться при Бурко в ближайшие дни. Даже самому себе Александр не доверял так, как Николаю. Тот был прирожденным аналитиком, свободным от эмоций: не голова, а настоящий компьютер.

В уме его все уже выстроилось в стройную и понятную схему. Надо уезжать в Центр и готовиться наследовать Землю. Надо быть готовым к борьбе за существование, надо собирать людей, надо становиться тем, кем он втайне мечтал быть всегда, – вождем воинственного и сильного племени, а вовсе не владельцем фармацевтической компании. Если для всего остального мира это будет концом, то для Александра Бурко – началом. Началом новой, настоящей жизни, интересной и полной нового смысла.

Он обвел взглядом свой кабинет – английская мебель ручной работы в викторианском стиле, картины на стенах, корешки книг. Недаром он когда-то усадил четверых друзей-программистов для того, чтобы они пересканировали все книги из библиотеки в электронный вид. Книги Бурко любил, и грядущая катастрофа вовсе не вынудит его с ними расстаться. С человечеством расстаться гораздо проще.

Человечество он не любил, кстати. Любил семью, любил друзей, ценил работников, но не более. Человечество же, перенаселившее планету и установившее свои дурацкие правила проживания на ней, ему не нравилось. Давно, когда он только делал первые шаги к своему нынешнему положению, ему было интересно. Это была борьба, риск, авантюры. Теперь же... Скука, чванство и глупость окружающих, теснота на «ярмарке тщеславия», и никакой свободы,

а лишь ее иллюзия. Деньги и власть не освободили. Деньги привязали к себе, а власть была лишь иллюзорной – в ней и без него хватало тех, кто умел ворочать рычаги мироздания. А он оказался на положении скорее дойной коровы, хоть и рекордной по удоям.

Ну ладно, этот порядок вещей подошел к своему концу. Вскоре все изменится. Выживут быстрые, смелые и сильные, и они населят ставшую враждебной планету. Причем населят, чего уж скрывать, не слишком густо. Зато с такими интересно будет жить.

Он открыл ящик стола, на самом деле представлявший собой маленький встроенный сейф, достал оттуда пистолет. Дорогуший швейцарский «Сфинкс 3000Т», малосерийный, выполненный из дымчатой дамасской стали, качественный и надежный, как швейцарские же часы. Выудил из этого же ящика поясную кобуру и запасной магазин, затем достал несколько коробочек патронов сорокового калибра «Голден Сейбр» с «пустоголовыми» пулями и начал не спеша набивать магазины. Он решил, что теперь уже не стоит расставаться с оружием. Разумеется, охрана у него хоть куда, но элемент игры... Да и любил он пострелять, прямо в подвале его дома был отличный двадцатипятиметровый тир.

Да, элемент игры в этом во всем какой-то есть. Бурко сам втайне признавался самому себе, что не окончательно вышел из подросткового возраста. Он жаждал приближающейся катастрофы с тем восторгом, с каким смотрят дети на устроенный ими пожар. Да и черт с ним, пусть горит.

Разумеется, его семья встретит приближающийся конец света вовсе не так радостно, как он сам, но даже в том мрачном постапокалиптическом будущем они все равно будут первыми среди прочих. Не зря ведь Юлий Цезарь сказал, что лучше быть первым в галльской деревне, чем последним в Риме. И с этим утверждением он был полностью согласен. С той силой, которую исподволь накопил, он станет сам высшей и окончательной властью на той земле, где утвердилась его крепость, его замок. Вот только этот чертов пропавший «материал»... Если его не будет, то придется спускаться от величия божественного к царскому.

– Александр Владимирович, Домбровский и Салеев приехали, – заговорил голос в интеркоме, стоящем на письменном столе, заваленном бумагами.

– Я в кабинете.

Он отложил пистолет в сторону, но прятать его уже не стал.

Друзья появились через минуту, вид у обоих встревоженный. Все расселись на диванах возле пристроившегося в углу кабинета маленького камина, где плясал небольшой огонь. Вошла заспанная домработница, внесла три чашки с кофе, поставила на низкий столик и удалилась.

– Саша, насколько я понимаю, сбывается мой прогноз? – сразу перешел к сути Домбровский, худой, бородатый, растрепанный, в толстых очках и мятой одежде.

Он уже достал из сумки ноутбук и открыл его, пристроив на коленях. Был слышен звук раскручивающегося винчестера.

– Да, так получилось, – ответил Бурко. – Был теракт, предположительно – «зеленые», наверняка из окружения кого-либо, работавшего или работающего в институте. Взорвали самодельную бомбу, инфицированные животные оказались на свободе. Есть погибшие.

– В таком случае до наступления хаоса осталось дня три-четыре. Не больше, – категорично заявил Домбровский. – Я же делал модель, ты помнишь. И говорил насчет мер безопасности.

Салеев молчал, задумчиво глядя в огонь в камине. Бурко обратился к нему:

– Я тоже так полагаю. Поэтому, Марат... – Салеев поднял голову. – Марат, начинай принимать меры по «Последнему Плану». Семьи тех, кто в списке, должны быть эвакуированы до послезавтрашнего утра максимум. И начинайте укрепляться. Ты езжай сразу в Центр, командуй, а мы составим оперативный штаб плюс Пасечник, разумеется, задержимся здесь. Поэтому

у нас все должно быть готово к тому, чтобы мы не просто смогли уехать, а еще и прорваться через беспорядки.

– Я вертушки поставлю на готовность, дальности им хватит долететь досюда и обратно, – сказал Марат. – И место для посадки во дворе нормальное. Дадите отмашку, и они вылетят. Я останусь здесь, там и Баталов легко управится. Если закроют полеты, то прорвемся на машинах, а нам вышлют бронегруппу навстречу.

– Хорошо, – кивнул Бурко.

В том же Центре находились четыре новеньких вертолета Ми-8МТВ, официально принадлежащих все тому же Минюсту и предназначенных для «тренировочных целей», хотя на самом деле их готовили как раз для таких экстренных случаев. Все были в идеальном состоянии, а на складах лежали запчасти к ним, которых лет на двадцать хватило бы при активной эксплуатации.

– Пусть завезут оружие и экипировку твоей охране, распорядись, – продолжал командовать Салеев. – Моей команды Пасечнику не хватит. И на всякий случай надо всю охрану обеспечить нормальными документами, пусть становятся «контрабасами». Тогда комар носа не подточит под вашу оборону. Заборы у тебя высокие, электроника на уровне, так что будем здесь как в крепости. По плану здесь будет двадцать четыре человека с настоящим оружием, так что безопасность обеспечим. Что с семьями решили?

– Моих оповещу, как проснутся... – кивнул Бурко, повернулся к Домбровскому. – Коля?

– Моим я уже сказал, – откликнулся тот. – Собирают вещи.

– Хорошо. Семьи поедут прямо сегодня, на служебных машинах, с ними – десять человек, тоже с документами Минюста и с полноценным оружием.

– Это нормально, – согласился Салеев. – Сегодня на дорогах будет еще спокойно, да и будний день... За пару часов доедут, если с мигалками.

– С этим решили, – сказал Бурко и поставил опустевшую чашку на столик. – А теперь самое главное: пропал исходный «материал». И мы сейчас будем думать, чем это нам грозит, что случится, если мы его не найдем, а главное – где и у кого его стоит искать?

Дворник

20 марта, вторник, очень раннее утро

Дворник Петр Дьяков, работавший по совместительству еще и художником-оформителем, проснулся от ощущения того, что в комнате есть еще кто-то, кроме него. Он жил на первом этаже панельной девятиэтажки, в служебной квартире, ради которой, собственно говоря, и поступил на эту работу. Как еще приезжий человек творческой профессии может найти в Москве квартиру по карману?

Вообще Дьяков был дворником «новой генерации», как он сам себя называл. Интеллигентный человек лет тридцати, с бородкой и в очках, всегда в чистом и выглаженном оранжевом комбинезоне и красной бейсболке, доброжелательный и вежливый по отношению к жильцам. Двор содержал в чистоте и порядке, и местные бабушки не могли намотиться на него.

Спал он всегда с открытыми окнами, даже зимой, а от вторжения врагов защищали толстые решетки. Ничего больше кошки в эту решетку проскользнуть не могло. Кошки заскакивали, это случалось, но, что совершенно противоестественно для дворника, Дьяков кошек любил, и многие из них даже находили у него временный кров и пищу. Поэтому сейчас, когда он приоткрыл глаза и увидел темный силуэт на подоконнике, он подумал, что к нему заскочила одна из его постоянных посетительниц. Но затем Дьяков понял, что это не так, силуэт был больше кошачьего и совсем другой по форме. Едва он успел об этом подумать, как животное с подоконника перемахнуло к нему на кровать и, не издав ни звука, вцепилось зубами в руки, которым он едва успел прикрыть лицо. Непонятная, мерзко пахнущая тварь навалилась сверху и трепала зубами его предплечья, как будто пытаясь вырвать кусок мяса.

Дьяков отшвырнул тварь от себя, она была нетяжелой. Тушка непонятного животного отлетела в другой конец комнаты и покатилась по полу. Дьяков вскочил на ноги и подбежал к выключателю. Зажегся свет, и дворник увидел на полу перед собой обезьяну. «Вот зараза, из зоопарка сбежала», – мелькнула у него в голове мысль. В углу комнаты стояла ручка от швабры, которую Дьяков как раз вчера собирался починить, но отвлекся на футбол, репортаж передавали вечером по первому каналу. Он схватил длинную палку и выставил ее перед собой в сторону сумасшедшего животного, которое явно собиралось повторить нападение. При этом невольно бросил взгляд на свои руки. Они были исцарапаны, а из крупной рваной раны на левой кисти текла кровь. Обезьяна снова бросилась на него, но вовсе не так быстро и ловко, как следовало бы от нее ожидать. Дьяков видел обезьян в зоопарке, видел, с какой непостижимой легкостью и скоростью они прыгают по веткам, и боялся, что если она нападет снова, то он даже не сможет отбиться. Эту же он остановил легко, безошибочно ткнув ее концом рукоятки швабры, она даже не сумела увернуться. Раздался глухой стук, когда деревяшка угодила обезьяне в морду.

– А вот так вот! – сказал Дьяков и начал наступать на обезьяну, делая выпады словно штыком.

Однако обезьяна, казалось, не обращала никакого внимания на сыпавшиеся на нее удары. Каждый из них отбрасывал ее еще дальше и дальше назад, но отбрасывал просто своей силой, тварь вовсе не отскакивала, а пыталась ломиться вперед. В конце концов Петру Дьякову удалось загнать тварь в угол комнаты и прижать ее там, упершись в нее палкой с такой силой, что затрещали ребра. По всем канонам жанра обезьяне следовало бы визжать от боли, равно как и любому другому существу, у которого концы ребер прорвали кожу и вылезли наружу, но обезьяна молчала, хватала лапами палку и разевала окровавленную пасть с мелкими острыми зубами.

Дьяков был в растерянности. Противник был побежден, но не повержен. Что делать теперь? Если отпустить обезьяну, то снова придется с ней драться, а как убить эту невероятно

живучую тварь, он не знал. Патовая ситуация, но из нее как-то надо выходить. Не стоять же так вечно, удерживая палкой бешеную обезьяну. Дворник отдернул конец палки и снова ударил, целясь прямо в оскаленную морду. Удар пришелся вскользь, он сорвал кожу с обезьяньей морды, но сила его оказалась достаточна для того, чтобы отбросить тварь назад и удержать ее там до следующего удара. Следующий же пришелся прямо в оскаленную пасть, выбил зубы, прошел голову насквозь и сломал позвоночник. Обезьяна обмякла.

Дворник отскочил назад, глядя на лежащую на полу серую тушку. И вдруг понял, что, несмотря на неподвижность, обезьяна жива. Она смотрела на него и раскрывала пасть, зрачки шевелились, и это вовсе не выглядело предсмертными конвульсиями. Лишь тело ее было неподвижно совершенно.

– Да что же ты такое? – спросил тихо Петр Дьяков и пошел звонить в «скорую» и милицию, не выпуская, впрочем, спасительную дубину из рук.

Собаки

20 марта, вторник, очень раннее утро

Эта стая собак давно облюбовала окраину заводской территории как свой ареал обитания и защищала его от конкурирующих стай со всей возможной яростью. Здесь было где и чем поживиться на помойках, и к тому же здесь водилось немало крыс, популяцию которых собаки изрядно сокращали, тем самым оказывая городу настоящее благодеяние.

Сегодня стая наткнулась на нескольких крыс, поймать которых оказалось удивительно легко. И они их поймали, разорвали и сожрали всех, от первой до последней. Правда, сейчас стая чувствовала себя больной, собаки лежали на земле, вывалив языки, некоторых из них тошнило.

На заборе, поодаль от собачьей стаи, сидел полосатый кот. Одноухий и куцехвостый, настоящий боец и бродяга, он тоже попытался охотиться на крыс, что делал уже не раз. Поймав одну, он успел вонзить острые клыки ей в загривок, ломая позвоночник, но сразу же отскочил назад, почувствовав привкус гнилья в добыче. И еще он запомнил странный запах не понравившейся ему крысы. На таких он больше решил не охотиться. Зато он остался голодным и, видя, что собаки не обращают на него никакого внимания, спрыгнул с забора вниз, на мусорный бак. Запах недавно выброшенной сосиски он ни с чем бы не спутал.

«Скорая»

20 марта, вторник, очень раннее утро

«Скорая помощь» уже не спешила, потому что тот, кого они везли в больницу, скончался в машине. Мужчина, работавший ночным сторожем в автосервисе, вышел с работы в круглосуточный магазин напротив, за сигаретами и бутылкой «колы». На обратном пути он подвергся нападению какого-то сумасшедшего в залитой кровью форме, напоминающей форму охранника. Со слов пострадавшего, тот повалил сторожа на землю и несколько раз укусил, вырвав большие куски мышечной ткани и нанеся тяжелые ранения. Сторожу насилу удалось вырваться, а его противник оказался не слишком проворным. Запершись в автосервисе, сторож вызвал «скорую» и милицию.

Когда милиция подъехала, нападавшего на улице перед воротами не было, а пострадавший чувствовал себя очень плохо. Ему оказали возможную первую помощь, израсходовав все бинты из аптечки, имеющейся в сервисе, и той, которая была в патрульной машине. Затем прибыла «скорая», которая забрала теряющего сознание человека, а милицейские машины пока-тили осматривать район в поисках опасного психа.

К удивлению медиков, хотя раны, несмотря на их тяжесть, не должны были угрожать жизни пациента, тот скончался через семь минут после того, как его уложили на носилки. И медики смотрели в другую сторону, когда труп начал шевелиться.

Саму «скорую», с обильными следами крови внутри, врезающуюся в ствол дерева и перевернутую, обнаружили лишь через два часа. Ни пациента, ни водителя, ни доктора с медсестрой в ней не было.

Милиция

20 марта, вторник, очень раннее утро

– Смотри, не он?

Водитель патрульного «уазика», младший сержант Мухин, показал на человека, стоящего у стены дома и тупо глядящего на подъехавшую машину.

– А вот посмотрим... – Сидящий рядом старшина Иванов направил на того луч прожектора. – Точно, он.

Человек, которого обнаружил патруль, был одет в черную форму с шевроном на рукаве, высокие ботинки-берцы. Очень бледный, лицо, измазанное кровью, кровью пропитана вся одежда спереди, даже на черном фоне это было заметно.

– Итить твою мать... вампир прямо... жуть. Что у него с глазами?

– Вроде ничего, просто дурные. Псих все же или обдолбался чем-то. Выходим. Страхуй меня с автоматом, черт его знает, на что он способен. Видишь, какой здоровый...

Милицioneры вышли из машины. Мухин с АКСУ в руках сместился левее, а Иванов положил руку на дубинку.

– Уважаемый! Документы можно ваши посмотреть?

Остановленный никак не прореагировал на окрик старшины, продолжая просто разглядывать того. Иванов сделал пару шагов ему навстречу, чуть забирая правее, чтобы не перекрывать сектор огня Мухину.

– Документы попрошу.

Подходить ближе к остановленному старшине не хотелось, и виной всему был его взгляд. «Как будто сожрать собирается», – подумалось милиционеру. Он вдруг вспомнил, где он видел похожий взгляд, – в передаче про акул по телевизору, которую смотрел с детьми в воскресенье. Точно такой же, черный как сама смерть и немигающий.

– Ну что там непонятно? – повысил голос Иванов, но не для того, чтобы напугать задержанного, а скорее для того, чтобы заглушить свой страх, который ему внушал этот слегка покачивающийся, испачканный в крови бледный человек со страшными глазами. Старшина даже вытащил дубинку из кольца. Хотелось вытащить пистолет, но противник пока не угрожал оружием, и к тому же старшина управлялся дубинкой очень ловко. Мухин слева лягнул затвором автомата, показав задержанному, что шутить здесь никто не намерен.

Движение с дубинкой как будто послужило сигналом психу, и тот рванулся к Иванову, вытягивая руки и раскрыв окровавленный рот. Рефлексы старшины сработали раньше его разума, и дубинка, описав дугу слева направо и снизу вверх, пришла в соприкосновение с правой скулой нападавшего. Этого точного удара всегда хватало для завершения дискуссии. Но измаранный кровью атакующий псих как будто даже не почувствовал этого. Он схватил руку Иванова и вцепился в нее зубами со страшной силой, будто зажав в тиски.

– М-мать! – заорал старшина, стараясь вырвать руку и осыпая напавшего ударами дубинки, которых тот по-прежнему словно и не чувствовал.

Плотная ткань формы все же подалась под зубами психа, показалась кровь. Глаза напавшего при этом смотрели в лицо Иванова, и тот почувствовал, как на него накатывает волна самого настоящего, невероятного ужаса. Краем глаза он увидел, как слева подскочил Мухин и со страшной силой ударил психа по голове каркасным прикладом автомата. Удар был очень силен, Мухин был парнем молодым и здоровым, психа отшвырнуло в сторону и бросило на асфальт. Иванову показалось, что он услышал, как треснул череп нападавшего. Милиционеры же, не сговариваясь, вместо того чтобы вязать наручниками поверженного противника, отбежали к машине. Слишком он был странный и слишком страшный. Иванов бросил дубинку

на асфальт и выхватил из кобуры новый ПММ, которыми их перевооружили совсем недавно. Мухин навел на лежащего на асфальте противника ствол автомата.

– Уб-б-бил? – спросил его Иванов, заикаясь от страха.

– Не знаю, наверное... – дрожащим голосом ответил Мухин. – Так дал, что руки заболели.

Смотри, ни хрена, шевелится!

Действительно, противник зашевелился и начал вставать на ноги.

– Итить твою, он что, Терминатор? – пробормотал Мухин.

– Не знаю... у психов бывает такое, говорят. Эй, ты, лежать! – заорал старшина.

Окровавленный бледный человек не обратил на крик никакого внимания, а встал и решительно направился к милиционерам. Нервы у тех сдали окончательно, и в грудь их противника ударили пули из автомата и пистолета. Человек в черной форме покачнулся и, даже не моргнув, пошел дальше.

– Опаный по голове, да что же это? – крикнул Мухин, попятившись.

– На, зараза! – заорал, заглушая свой страх, Иванов и один за другим выпустил все десять оставшихся в пистолетном магазине патронов в голову противника.

Тот упал и больше не шевелился.

– Во как... Вот так и лежи, – сказал Мухин. – Я наших вызываю.

– Перевязаться помоги мне, прокусил он мне рукав, сволочь такая, – сказал старшина, глядя на кровавое пятно на своей руке. – Хрен его знает, когда он зубы чистил. И кровички там у него... еще СПИДом наградит.

«Террористы»

20 марта, вторник, раннее утро

Маргарита уже пять минут стояла возле двери в комнату Семена и стучала в нее. За ней стояли, столпившись в коридоре, Давид Самуилович, их папа, доктор Лозовский, приятель папы, которого вызвали на дом, там же стояла мама, Белла Семеновна. Дверь была заперта изнутри, за ней были слышны какие-то звуки, но никто не открывал.

– Сеня! Сеня, открой нам, пожалуйста! – крикнула Белла Семеновна.

Никакой видимой реакции на ее слова не произошло. Дверь по-прежнему была закрыта, за ней слышалась возня.

– Нет, ну сколько так может продолжаться! – заявил Давид Самуилович, среднего роста массивный широкозатый мужик поразительно нахрапистым характером, благодаря которому он и сделал свою телевизионную карьеру. – Семен, открой немедленно или я вышибу дверь! Доктор приехал!

– Может, не стоит так сурово? – тихо спросил Лозовский.

– С этим лоботрясом еще не так надо! Мало я его от тюрьмы в свое время отмазывал? А что он сейчас натворил? Он даже не говорит! Семен, открой, я сказал. Открой! – еще повысил голос Давид Самуилович, продолжая колотить жирной волосатой ладонью по дверной филенке.

– Ой, Додя, не надо так, у тебя же сердце! Сенечка, открой папе, пожалуйста! – запричитала Белла Семеновна.

Эти призывы тоже цели не достигли, и тогда Давид Самуилович впал в ярость. Покраснев как рак, он растолкал семейных у двери, встал напротив, качнулся и ударил в дверь плечом. Та затрещала, с косяка посыпались крошки штукатурки, а Белла Семеновна с криком «ой! ой!» отбежала назад.

– Семен, открой, я вышибу дверь! – закричал Давид Самуилович, набычился и снова приложился в дверь плечом.

Затрещало, дверь распахнулась, и он почти ввалился в комнату сына. В комнате было темно, плотные шторы задернуты и свет выключен. Ввалившись внутрь со света, Давид Самуилович растерянно заморгал, пытаясь хоть что-то разглядеть. В затылок ему дышал Лозовский, того подпирала сзади Маргарита, а сзади всех толкала внутрь Белла Семеновна, громко выкрикивая:

– Сенечка, где ты? Что с тобой, Сенечка? Сенечка, где ты?

Что-то неприятно пахнущее вдруг навалилось из-за открытой двери слева на Давида Самуиловича, вцепилось ему руками в шею и лицо, и чьи-то зубы сомкнулись на его толстой шее, там, где под слоем жира по сонной артерии струилась кровь. Страшная боль пронзила все тело Давида Самуиловича, из вскрытой артерии ударила струя крови, плеснув на стену и потолок. Ноги загнулись за что-то, и он повалился вперед вместе с вцепившейся в него тяжелой тварью.

– Сеня, что ты делаешь? – истошно закричала Белла Семеновна, увидев, как ее сын пытается перегрызть шею своему отцу, навалившись на того сверху.

Жуткий фонтан крови брызгал во все стороны, тело Давида Самуиловича уже начало биться в конвульсиях. Лозовский выронил свой чемоданчик, бросился вперед, вцепился руками в плечи Семена, потянул того от лежащего на полу тела. Семен неожиданно легко отпустил отца, поднялся на ноги и навалился на Лозовского, раскрыв рот и пытаясь укусить того. Лозовский увидел в полуметре перед собой невероятно страшные глаза и раззявленный окровавленный рот. Как будто не Семен, а кто-то другой, жуткий и голодный, смотрел на него через эти помутневшие зрачки. Ужас накрыл доктора холодной волной, и он, даже не понимая этого,

закричал по-женски тонким голосам, стараясь вырваться из захвата, убежать: «Нет, не надо, пожалуйста, ну не надо!» Он повалился назад, сбивая с ног Маргариту, а то, что еще недавно было симпатичным умным мальчиком Семеном, карабкалось на него с каким-то утробным скулением и пыталось укусить, вырвать кусок драгоценной его плоти.

Белла Семеновна отскочила назад, протяжно, неостановимо закричав на одной высокой ноте. Маргарита кое-как выбралась из-под навалившегося на нее доктора, встала на ноги, перебралась через дерущихся. Оказавшись за спиной у Семена, она вцепилась ему руками в волосы и потянула на себя. Этот прием она выработала в драках с подружками в школьные годы, и он всегда действовал безотказно. Но Семен даже как будто не почувствовал этого. Он продолжал наваливаться на доктора и в конце концов сумел впиться зубами тому в ладонь, которой он отбивался. Доктор закричал громче, ему в лицо брызнула его же собственная кровь.

Белла Семеновна увидела, как ее сын судорожными глотательными движениями старается сожрать выхваченный из руки доктора кусок, и лишилась чувств, рухнув на пол в коридоре. Маргарита беспомощно оглянулась. Она держала за волосы не обращавшего на нее ни малейшего внимания брата, за спиной у нее лежал массивный труп отца, крови на полу было столько, что в ней начинали скользить ноги, доктор бился в истерике. Семену удалось выхватить у того еще один кусок плоти из руки.

Маргарите стало плохо, накатила тошнота. Она поняла, что уже неспособна никого защищать, она хотела выбежать из квартиры, из дома на улицу и бежать, бежать, бежать. Она отпустила волосы окончательно ополоумевшего брата, и в этот момент кто-то невероятно тяжелый навалился на нее сзади. Толстая волосатая рука обхватила ее за шею, и в плечо вцепились чьи-то зубы. Напавшая тварь обдала ее запахом любимого одеколона Давида Самуиловича, который всегда злоупотреблял мужской парфюмерией.

Самым плохим в случившемся было то, что доктор Лозовский, прежде чем умер, открыл входную дверь на лестницу, так ее и оставив. Сам же он успел убежать до своей машины, припаркованной на улице, завел ее и уехал. Умер он, уже подъехав к своему дому в Крылатском, открыв дверцу и вывалившись на улицу. Через минуту он снова поднялся и побрел спотыкающейся походкой куда-то в темноту дворов.

Но чуть раньше из квартиры на лестницу вышла Маргарита в пропитанной кровью одежде, оставляя за собой след из красных капель на полу. Кровь еще продолжала литься из страшных ран на плече и шее. Она скончалась от гигантской кровопотери, была бледна как мел и в сочетании с ее растрепанной прической, в которой смешались черные и красные пряди, выглядела как воплощение смерти. Ее большие черные глаза навывкате бегали из стороны в сторону, и сквозь них смотрело все то же страшное существо, которое выглядывало из зрачков каждого зомби. На лестнице никого не было, кого можно было бы счесть добычей, и Маргарита просто остановилась, неподвижная как статуя. Больше из квартиры никто не выходил, но оттуда доносилось чавканье. Это Давид Самуилович с Семеном ели Беллу Семеновну. Она еще не успела восстать. Маргарита потопталась и вскоре вернулась к ним.

Сестры

20 марта, вторник, раннее утро

Сергей Крамцов упаковывал все бумаги и диски с рабочего стола Владимира Семеновича, Алина Александровна собирала вещи себе и дочерям. Ксения ушла в свою комнату, и никто, кроме ее младшей сестры, не заметил, как изменилось ее лицо. Аня вышла из кухни и пошла следом. Дверь в комнату Ксении была прикрыта, и было слышно, как та разговаривает по телефону. Слов было не разобрать, как ни прислушивайся. Тогда Аня поступила проще – открыла дверь и вошла. Ксения вздрогнула, сказала: «Я перезвоню!» – и отключила телефон.

– С кем ты разговаривала? – злым голосом спросила сестра.

– А тебя это каким боком касается? – изобразила возмущение Ксения.

– А таким! Я уверена, что все произошло из-за того, что вы что-то натворили, Гринпис недоделанный. Вы что-то замыслили сегодня, я знала, у вас по рожам это было видно. Когда отец убежал из дома, у тебя был вид такой, как будто Новый год наступил и тебе сейчас подарки начнут дарить. А когда Сергей сказал, что погибли люди, тебя так перекосило, что я испугалась. Что вы сделали?

Аня говорила тихо, яростным шепотом, почти шипела. Вид у нее был такой, что Ксения заметно испугалась.

– Ничего. Запомнила? Ничего! А если начинается эпидемия, то это вина отца, который разводил свои вирусы в городе, а вовсе не... – Тут Ксения осеклась.

– Во все не... – зло и вкрадчиво заговорила Аня. – Ты продолжи, пожалуйста. Во все не чья вина? Не твоя?

– Неважно, у меня нет времени и желания с тобой это обсуждать, – прибегла Ксения к стандартному ответу, помогавшему ей избавляться от обычно охочей до споров сестры.

– Важно. А желание ты лучше найди, и время тоже, – продолжала давить Аня. – Знаешь, сестрица... Тебя всегда считали умной в семье, раз ты хорошо училась и тебя любили учителя. И только я всегда знала, что ты идиотка. Тебе можно внушить все, что угодно, ты придумываешь себе что-то и сама в это веришь. А сейчас ты придумала себе борьбу за права зверюшек. Я знаю, что ваша компания дебилов даже говорить больше ни о чем не могла. И вы каким-то образом ко всему причастны. Вы, я знаю точно.

– Что ты несешь, дура? – встала и выпрямилась во весь рост Ксения.

– Дура? – подняла светлые брови младшая. – А если я просто пойду в милицию и скажу о своих подозрениях, как думаешь, они не смогут найти доказательств? Твои модные соплижки Дима и Игорь первыми не настучат друг на друга? А Маргарита, эта корова полосатая? Ты думаешь, это игры? Кто будет душой в таком случае?

Аня резко повернулась и пошла к двери, даже успела ее открыть, но Ксения схватила ее за плечо.

– Даже не вздумай куда-то звонить! – почти крикнула она.

– Дай мне хоть одну причину этого не делать, – резко повернулась к сестре Аня. – Если ты думаешь, что мне достаточно того, что ты моя сестра, чтобы простить тебе то, что отец черт знает где, что погиб Биллитон, который бывал в нашем доме, что погибли другие, и сколько погибнет еще, неизвестно, то ты ошибаешься.

– Это не мы разводили опасный вирус в городе! – даже взвизгнула Ксения.

– Зато вы его выпустили, сволочи! – крикнула в ответ Аня. – Если бы вы не полезли со своим кретинским терроризмом в дело, которое вас не касается, то ничего бы не случилось! Он был в безопасном месте, где не должны взрываться бомбы, сделанные идиотами.

– Ой... – сказала Ксения, глядя через плечо сестры.

Аня обернулась. В дверях стояли мать и Сергей Крамцов.

– Ксения, что ты сделала? – спросила мать.

– Ничего...

– Ответь мне, что ты сделала? – спокойным голосом повторила Алина Александровна.

Ксения зажмурилась, набрала воздуха в легкие и выпалила:

– Это мы выпустили животных из папиного института. Мы не хотели никому причинить вреда, мы специально все придумали так, чтобы не пострадала ни одна живая душа, мы же не убийцы, мы не хотели-и-и-и...

Лицо ее искривилось, и она зарыдала, упав на колени, как будто ее оставили силы...

– Ксения... как ты могла... – схватилась за сердце Алина Александровна.

– Не стоит ее винить, – пожав плечами, как-то задумчиво сказал Сергей. – Вина есть на всех. Мы не должны были вообще заниматься этим, когда узнали, что вирус опасен. Владимир Сергеевич должен был раньше сообщить властям о том, что в институте частной компании работают с вирусом, самым страшным за всю историю. Или я должен был заявить об этом. Мы должны были уничтожить эту заразу немедленно, когда узнали, что она собой представляет, но не сделали этого. Пожалели плоды трудов своих и хотели узнать о нем больше.

– Отец говорил, что он работает с безопасным вирусом... – сказала Аня. – Я же сама его об этом спрашивала.

– Он был безопасным, верно, – согласился Крамцов. – Но изменился, мутировал. Мы должны были тогда прекратить это, но не сделали того, что должны. Теперь поздно говорить. Вина на всех, а за окном начинается конец света. Если мы не покинем город до утра, неизвестно, сможем ли покинуть его вообще и что здесь начнется.

– Разве болезнь так трудно остановить? – спросила Алина Александровна. – Есть же целые государственные структуры, для этого предназначенные, МЧС, карантины и прочее.

– Да, карантины работают, если переносчики инфекции сотрудничают с властями, стремятся спастись сами и не заразить других, – кивнул Крамцов. – Здесь же... вы потом поймете, скорее всего, даже увидите, но это нечто вроде бешенства. Переносчик сходит с ума, бросается на людей и пытается распространить заразу. В таких обстоятельствах карантины и заслоны не действуют. И еще животные, те самые, которые разбежались. Они бешеные, они кусаются, и до утра они перекусывают массу других жертв. С рассветом в городе начнутся проблемы, я уверен. Теперь уже неважно, что сделала ваша дочь. Просто надо спасаться, и я обещал Владимиру Сергеевичу, что буду вас защищать. Я смогу вас защитить, я был на войне, я умею стрелять, у меня мозги еще работают, но мне нужно, чтобы вы мне помогали. Ксень, встань с пола, ты тоже нужна. Сейчас мы решим, как будем действовать дальше.

Как ни странно, но его слова возымели действие. Не то чтобы Аня и Ксения бросились друг другу в объятия, но, по крайней мере, они прислушались к его словам. Сергей даже попросил Алину Александровну сварить всем кофе, чтобы отвлечь ее от размышлений о муже и старшей дочери. Девушки тоже сели на высокие стулья у бара, хоть Ксения и продолжала хлюпать носом.

– Нам ехать около тысячи километров от Москвы, может быть, чуть меньше, – начал объяснять он. – А скорее всего, получится даже больше. Самое сложное, что может встретиться нам, – это карантины и заслоны. Государство – странная штука. Если что-то происходит в стране, оно реагирует самым нелогичным образом. Если на людей начнут нападать, то они попытаются отобрать у всех оружие, например.

– Для чего? – спросила Аня.

– Для чего? – переспросил Крамцов. – Чтобы люди не напали на них, неспособных этих самых людей защитить. Если начнутся эпидемии, то, скорее всего, основные усилия правительства будут направлены на то, чтобы обезопасить самих себя, пусть даже за счет остальных граждан страны. Правительства так уж устроены, что главным их приоритетом является сохранение власти любой ценой.

Сергей взял из рук Алины Дегтяревой чашку с кофе, благодарно ей кивнул, отпил немного, затем продолжил:

– У нас есть две возможности. Первая – сразу поехать в Горький-16. Может быть, мы проскочим раньше, чем начнут перекрывать дороги. Вторая возможность – укрыться на моей даче, в деревне, на какое-то время, пока ситуация не прояснится. Она может улучшиться, и мы сможем вернуться, а может и ухудшиться. Дача у меня за шестьдесят километров от города, никто о ней не знает.

– Сережа, а что вы предлагаете? – спросила Алина Александровна.

Сергей кивнул, как бы подчеркнув серьезность заданного ему вопроса, затем сказал:

– Лучше всего будет поступить так: мы едем туда, на дачу, на моей машине. Сразу скажу – ваша туда не проедет, там просто проселок, причем сейчас – самая распутица. Там я вас оставляю – и еду в город, надо запастись кое-чем, у нас впереди тяжелые времена.

– Сережа, куда повезут Володю? – спросила Алина Александровна.

– Я не знаю, – покачал он головой. – У меня нет допуска, но знаю, что далеко, куда-то на Урал. Знаю, что в Кош-Агач, но даже не знаю толком, что это такое и где это. Но потом его доставят в Горький-16, это я знаю точно.

– А его могут привезти в Москву обратно, когда нас не будет?

– Я так не думаю. Он сказал, что сам вас найдет в «Шешнашке», если все будет хорошо, – ответил Сергей.

– А что может быть плохо?

– Плохо? – удивился вопросу Сергей. – Плохо то, что с минуты на минуту может наступить судный день. Куда уж хуже? Что можно всерьез предсказывать при таких обстоятельствах?

– Понимаю.

– Боюсь, что нет. – Сергей помолчал, затем продолжил: – На свободу вырвалось то, что не должно было вырваться. Никак не должно. Не должно даже существовать такое, а оно существует.

– Сережа, что это за болезнь?

– Я покажу вам съемки, – вздохнул он. – Иначе вы мне не поверите.

– Покажите.

Дегтярева Алина Александровна

20 марта, вторник, раннее утро

– Сережа, могу я вас кое о чем спросить?

– Да, Алина Александровна?

– Какой воспаленный ум догадался отыскать за тридевять земель этот вирус и притащить его в наш город?

– Все было не совсем так, как это выглядит сейчас.

– А как? Вы уж нас просветите.

– Казалось, что найден «идеальный вирус»...

– Лучший убийца? – спросила Ксения.

Сергей слегка поморщился, но объяснил:

– Нет. Лучшие убийцы – это бракованные и ни на что не годные вирусы, отходы эволюции. Вирусы, как все сущее, стремятся к одному – размножению, воспроизводству. Если вирус убивает своего носителя, то он совершает при этом самоубийство. Идеальный вирус должен не убивать, а, наоборот, всячески укреплять носителя, лечить его, защищать, не давать воспроизводиться в нем вирусам другого вида.

– Вы имеете в виду, что искали такой вирус, который будет защищать организм от конкурентов, не вредя ему? – уточнила Алина Александровна.

– Если в общих чертах, то да, – кивнул Крамцов. – И еще будет лечить этот организм. Такой вирус нашли. Он находился в организме потрясающе живучей глубоководной рыбы. Колдуны вуду и шаманы австралийских аборигенов прокалывали своим жертвам сердце костью этой рыбы и получали в финале процесса зомби. Введенный в организм вирус не давал умереть до конца даже труп, начинал бороться за его жизнь, включались альтернативные механизмы поддержания жизни, то же порталное сердце.

– Что это?

– Представьте себе ситуацию, когда печень пытается заменить собой сердце и начинает качать кровь. Медленно, слабо, но качает.

– И что это даст?

– Может быть, введение такого препарата дало бы пациенту лишний десяток-другой минут до того, как его доставят в реанимацию? Без необратимых повреждений мозга? Как думаете? – ответил вопросом на вопрос Крамцов.

– Понимаю...

– Много критических для человеческой жизни ситуаций можно было бы выиграть в пользу жизни, если бы был такой препарат. Но «Шестерка», так называли вирус, имел один недостаток – он был слишком незаразным. Он не только не вредил, он еще упорно не заражал. Колдуны вводили его прямо в сердце своим жертвам, убивая их при этом, лишь потому, что даже внутривенно он, скорее всего, не выжил бы в человеческом организме. Надо было сделать его чуть более стойким и чуть более заразным, чтобы на его базе создать такой препарат, который можно было бы ввести внутримышечно, раненому например. То, что вы видели, был «первый блин», который комом. Надо было дальше работать над первичным штаммом, а этот уничтожить. И тут этот взрыв... остальное вы знаете.

– Но восставшие мертвые... это откуда?

– Модифицированный вирус оказался слишком живучим и слишком приспособливающимся. Он не смиряется со смертью организма и переводит его в другую форму жизни, с ограниченными функциями. Очень экономичную, надо сказать.

– Но нападать на живых...

– Белок особи своего же вида для человека-зомби – горячее для дальнейших модификаций, – объяснил Сергей. – Мертвые крысы, которые получили чуть больше крысиного же мяса, начинали изменяться. Становились быстрее, зубы меняли форму, даже некоторые мышцы начинали развиваться по-другому. Любой другой белок – просто пища, только она усваивается не так, как раньше, а прямо клетками стенок пищевода и прочим. Я думаю, что, даже если к зомби привязать кусок мяса, он его сумеет усвоить поверхностью кожи, рано или поздно. Просто питание при помощи рта и зубов более традиционно. Даже атмосферное тепло воспринимается измененными клетками и поглощается как энергия. Любая энергия усваивается и всегда идет на поддержание существования носителя.

– А если нет еды и холодно?

– Зомби впадает в кому, отключая почти все процессы в теле. Если рядом появляется потенциальная пища, он снова «включается».

– И сколько он может прожить?

– В таком экономичном режиме? – Сергей хмыкнул, пожал плечами. – Не знаю, думаю, что несколько веков. Это как компьютер в «режиме сна». Не выключен до конца, но экран темный, и лишь мигание одного светодиода показывает, что он все же не отключен. Однако стоит задеть любую клавишу, как слышится звук раскручивающегося жесткого диска, и экран вспыхивает.

– Он что, почти бессмертный? – удивилась Аня. – А разложение?

– Разложение начинается после смерти и длится до тех пор, пока выделяется от этого достаточно тепла в теле, которое усваивается самим организмом, и пока это способствует перестройке. А потом останавливается, после того как часть органов и тканей отмирает и перестает потреблять энергию. И на поддержание состояния тканей тоже не нужна энергия. Меняется химический состав тела, оно становится не подвержено разложению свыше того, что необходимо. Начинается передача жидкостей на межклеточном уровне, что заменяет кровеносную систему. Получается нечто совершенно новое в эволюции, отвратительная тварь, полуразжившийся труп, но он по-своему совершенней нас. Мозговая деятельность тоже почти отключается, за ненадобностью и энергоемкостью.

– Сережа, скажите вот что... – начала было Дегтярева, но Сергей ее перебил:

– Алина Александровна, на даче или в дороге я расскажу вам все, что угодно. Но нам надо торопиться.

– Хорошо, – согласилась она. – Мы почти собраны. Что еще нужно?

– Соберите все съестное из холодильника, консервы, макароны, если есть, и прочее, – начал раздавать он указания. – Надо, чтобы еды хватило хотя бы до завтрашнего вечера. Возможно, нам придется долго прятаться на даче, и вообще считайте, что за окном начинается война. Лишняя предосторожность всегда будет кстати. Возьмите все наличные деньги и драгоценности, но спрячьте поглубже. Если есть кредитные карты, то возьмите их тоже, и лучше будет снять сколько-то денег со счета. Лучше всего – все деньги, до копейки. Иначе их наличие будет зависеть от того, есть электричество в городе или нет. И я не думаю, что нам по дороге в Горький-16 попадется много банкоматов. У Владимира Сергеевича не было оружия?

– Откуда? – удивилась она.

– Хорошо. А жаль, – вздохнул Крамцов. – Да, напоминаю – все едем на моей машине, она достаточно большая.

– Мы можем взять одну из наших, – удивилась Алина Александровна. – У Володи большая машина.

– Она не проедет ко мне на дачу, там грязь по колено.

– Может, есть смысл остаться здесь?

– Категорически нет, – решительно ответил он.

– Почему? – нахмурилась она.

– Потому что некогда спорить. И Владимир Сергеевич имел основания послать меня сюда, чтобы я вас увез. Все, уходим!

Сергей Крамцов

20 марта, вторник, раннее утро

Все милицейские посты до самой дачи мы преодолели свободно, никто нас не останавливал, не обыскивал. И за это спасибо, потому что с нашим арсеналом обыск нам никак бы не подошел. К тому же три единицы стрелкового оружия были просто взяты мной с места преступления, никаких документов на них не было, поэтому не думаю, что это сильно понравилось бы милиции.

В пять часов утра на дорогах не было ни души, и наша машина быстро добралась до поворота сначала с трассы, а затем с двухполосной асфальтовой дороги. Дальше пошла раздолбанная грунтовка, местами посыпанная гравием, машину стало раскачивать, Алина Александровна, сидевшая справа, вцепилась в ручки на панели и стойке стекла.

Прямо за спиной у меня сидела Ксения, которая всю дорогу хлюпала носом и не проронила ни звука. Сидевшая рядом с ней Аня была на нее зла, время от времени тихо говорила ей гадости, но я не вмешивался ни во что и помалкивал. Моя задача их спасти, а не рассудить, кто из них и в чем виноват. Я время от времени поглядывал на нее в зеркало заднего вида, опасаясь, что она, мучаясь совершённым, отчудит что-то совсем неразумное, но девушка просто пребывала в состоянии ступора.

Пса загнали в багажник, где он завалился на сумки, и я постоянно слышал его тяжелое дыхание. Кот молча лежал на коленях у Алины Александровны.

Возле закрытых ворот садового товарищества «Институтское» мы остановились. Справа от ворот был домик сторожа, там же была открытая калитка, через которую можно было пройти внутрь и открыть ворота изнутри, что я и сделал. Сторож здесь был, но по ночам он спал. Днем он наверняка зайдет ко мне за бутылкой, которую я предусмотрительно изъяс из бара Дегтяревых «на благотворительные цели».

Мы въехали в ворота, которые я снова запер на засов за нами, и поехали между кажущимися бесконечными рядами узеньких грязных улочек, застроенных летними домиками. Если не показать, где я живу, то найти мой участок на самом отшибе дачного поселка почти нереально. Мы миновали целых шестнадцать отходящих в сторону проулков, после чего я свернул направо, промесил грязь колесами еще минуты три, не торопясь преодолевая очередную улицу до конца, и остановился у последнего забора справа. Приехали.

– Еще минутку, – сказал я своим пассажирам, после чего вышел из машины.

Отпер ворота, загнал машину, заглушил движок. Все, теперь точно приехали.

Задняя дверь «Форанера» поднялась, и оттуда вывалилась мохнатая туша пса Мишки. Кот выбрался сам и немедленно увязался за всеми. Я достал из-под заднего сиденья все оружие, оба «Вепря», свой помповик и чехлы с карабином и мелкашкой. Теперь надо привыкать с оружием не расставаться, будем жить по законам военного времени.

Поднялся на деревянное крыльцо-веранду, отпер входную дверь, сделал приглашающий жест:

– Проходите.

Пощелкал выключателем. Свет был, слава богу, потому как здесь это совсем не правило. Аня привязала кобеля к перилам веранды, а сама с матерью и сестрой зашли внутрь. Вход в мою избушку через маленькую летнюю кухню.

– Класс! – сказала Аня. – Мне нравится!

Ксения поморщилась, оглядевшись, но сестра толкнула ее в бок:

– Ладно, барыня, не выпендривайся. Несколько лет назад у нас даже такой дачи не было. Нашлась аристократка.

– Я не из-за этого, – тихо ответила Ксения, против обыкновения не «наезжая» на младшую сестру. – Просто... видишь, что приходится теперь делать...

Аня ничего ей не ответила, просто мрачно посмотрела искоса. Я решил не давать им развивать эту тему и взял инициативу в свои руки.

– Уважаемые дамы и девицы. Попрошу минутку внимания.

Все действительно повернулись ко мне, даже вошедший с улицы кот.

– Я сейчас вас оставлю здесь одних, – сказал я. – Оставлю надолго, почти до вечера.

– Это необходимо? – спросила Алина Александровна.

– Алина Александровна, необходимо, – ответил я. – Владимир Сергеевич поручил мне спасти его семью, но у меня еще есть девушка и друзья. Они пока понятия не имеют, что происходит в городе. Мне есть о ком еще позаботиться.

При слове «девушка» по лицу Ани промелькнула легкая тень, но я сделал вид, что ничего не заметил.

– Кроме того, у нас мало оружия, мало еды, всего мало, – дополнил я список наших проблем.

– Даже оружия? – спросила Алина Александровна, эдак брезгливо кивнув на разложенные по столу стволы.

Нет, некоторые люди меня просто восхищают. Относиться к оружию так, когда есть риск, что ожившие мертвецы разорвут тебя на куски... Есть другие варианты, что ли? По телевизору к ним обратиться, может быть? Сказать, чтобы не безобразничали? Крестным ходом пройти?

– На один день – достаточно, но... термин «конец света» мы уже обсуждали, верно? – ответил я, затем спросил: – Разрешите, я продолжу?

Терпеть не могу, когда меня перебивают после каждой фразы только для того, чтобы продемонстрировать факт наличия собственного мнения. А мое уважение к присутствующим не простирается настолько далеко, чтобы терпеть это бесконечно, могу и нагубить.

– Извините, Сережа, – сделала неопределенный жест Алина Александровна. – Продолжайте, разумеется.

– Спасибо, – подчеркнуто вежливо поблагодарил я ее. – Я поеду в город, чтобы привезти еще людей, которые хорошо подготовлены. Которые умеют водить машины, владеют оружием и которые в общих чертах знают основы выживания. У вас я пока таких знаний не вижу, если быть до конца откровенным.

– С чего ты это взял? – с некоторой обидой спросила Ксения.

Так мы никогда не закончим. Я понимаю, что это профессорской семьи кричит и протестует от необходимости подчиняться профессорскому аспиранту, но что поделаешь?

– Из ваших вопросов. Основа выживания – это вовсе не необходимость спорить после каждой фразы. Я продолжу, с вашего позволения. – Я откашлялся. – Итак, я привезу еще как минимум трех человек, придет еще одна машина. Будет еще оружие, и вы все научитесь им владеть. Спорить по этому поводу вы сейчас не будете, просто запомните: если ситуация начнет развиваться по худшему сценарию, то каждый, не владеющий оружием, превращается не только в обузу, но и в угрозу тому, кто вынужден его защищать. Я хочу, чтобы все подтвердили, что это поняли.

Как ни странно, но права качать никто не стал, а все согласно кивнули.

– С этим разобрались. – Для внушительности я даже слегка стукнул по столу. – Мне трудно сказать сейчас, что мы будем делать дальше. Сначала посмотрим за развитием обстановки, потом решим все вместе. Пока проживем здесь, возможно, что несколько дней. Здесь две комнаты на первом этаже и маленькая спальня в мансарде. Распределимся как-нибудь, не до жиру. Самое важное: вы никому не должны сообщать, где находитесь. Особенно если вам будут звонить с работы Владимира Сергеевича. Лучше всего вообще не отвечать ни на какие звонки,

кроме моих. Но если не смогу, то отвечайте исключительно на звонки людей действительно близких и ни в коем случае не говорите, где вы. Хорошо?

Все снова подтвердили, что до них дошло, что я сказал. Осталось только надеяться, что они и вправду так сделают. Тогда я продолжил инструктаж:

– Запомните самое главное: компания «Фармкор» оказалась виновной в организации «конца света», поэтому прошу вас быть уверенными, что эти ребята убьют любого, кто сможет их выдать. Поэтому наших работодателей опасайтесь пуще сглазу, а заодно и всех подряд. Они могут и заставить кого-нибудь позвонить.

– Сережа, вы уверены в том, что говорите? – спросила Дегтярева, насторожившись.

– Вы сами в этом уверены, Алина Александровна, просто ваша интеллигентность не дает вам признать это вслух. Когда в нашей стране крупные компании страдали избытком порядочности? – задал я вопрос.

– Понятно, – кивнула Дегтярева. – Мы не будем отвечать на звонки, я обещаю.

– Спасибо. Я на вас надеюсь. Теперь самое главное.

Я взял со стола один из «Вепрей», поставил его перед собой вертикально, опирая на приклад. Хлопнул ладонью по цевью и заговорил инструкторским тоном:

– Это самозарядный гладкоствольный карабин «Вепрь-12-Молот». Мощное и надежное оружие, идеальное для неопытного стрелка, если он выдержит отдачу. Другого нет, поэтому надо выдерживать. Оба этих ружья останутся здесь. Хочу знать, кто готов ими воспользоваться?

– Я готова, – как примерная школьница, подняла руку Аня. Остальные промолчали, но я и не рассчитывал на другой результат. Поэтому обратился к младшей сестре:

– Пользоваться автоматом Калашникова тебя не учили?

– Нет, – покачала головой она.

– Проще пареной репы.

Я показал ей, как взводить затвор, как менять магазин, как ставить на предохранитель и снимать с него. И даже как включать подствольный фонарь, который так и висел на цевье. Аня усваивала все мгновенно, легко повторяла.

– Здесь два таких карабина, поэтому было бы неплохо, чтобы кроме Ани кто-нибудь еще сейчас поучился, – более чем прозрачно намекнул я, но ни Алина Александровна, ни Ксения снова не среагировали.

Тогда я продолжил:

– Запомните, что любой незнакомый человек может оказаться врагом. Здесь сейчас почти никого нет – дачный сезон еще не начался, дорога раскисшая, так что единственный человек, кто может появиться здесь без моего сопровождения, – это сторож. Такой рыжий-рыжий и с бородой. Отдайте ему вот эту самую бутылку... – я тряхнул бутылкой «Русского стандарта», – ... и он больше никогда здесь не появится. Это его законный налог. Любой другой незнакомец с вероятностью в девяносто процентов намерен вас убить. Это понятно?

За всех ответила Алина Александровна:

– Нам понятно.

– Хорошо.

Действительно хорошо, хоть в этом не надо их убеждать. Впрочем, я успел им рассказать еще в Москве, что Оверчук перестрелял охранников. Отчасти я рассказал это для Ксении, чтобы она не принимала все трупы на счет их дурацкого теракта, отчасти для того, чтобы заставить их шевелиться быстрее.

– Никуда из дома не уходите, по поселку не гуляйте, даже до ветру ходите осторожно, храните бдительность. Считайте, что за нами гонятся, что более чем возможно. Оверчук убит, но у них в службе безопасности еще добрая сотня таких Оверчуков имеется. Вечером здесь

будут еще люди с оружием, тогда все станет проще. А за пару дней из них плюс ваши дочери мы настоящий отряд сколотим.

Аня подняла сжатый кулак в жесте «Рот Фронт». Ей эта идея пришлась по душе, как я и думал.

– И последнее... – сказал я. – Я сейчас подключу телевизор и радио. Важно, чтобы вы смотрели и слушали все новости. Возможно, это подскажет нам, как поступать дальше. Я приеду, а вы мне расскажете, что видели и слышали.

Сергей Крамцов

20 марта, вторник, утро

Выехать с дачи мне удалось около семи утра. Не думаю, что сегодня женщинам может угрожать реальная опасность, но все же лучше, если они будут настороже. Как ни странно, я совершенно не беспокоился за шестнадцатилетнюю Аню. Был твердо уверен, что она сумеет воспользоваться оружием и защитить свою семью. Что-то такое в этой девочке чувствуется, настоящая внутренняя сила. Крепкий ребенок.

Да и кобель Мишка уже освоился во дворе и взял его под свою охрану, так что незаметно пробраться во двор уже не получится. А Мишка даром что смесь беспородная, но размером с хорошего сенбернара, и клыки у него такие, что голову запросто откусит. Так что за них я пока не волновался. Если они не напортачат с телефонами, то найти их за сегодня никто не сможет. Факт наличия у меня дачи я на работе особо не афишировал, и никто из института здесь не был, так что есть вариант, что о ней вообще не узнают.

Дорога давала время поразмышлять о планах на будущее. На ближайшие дни дача – лучшая оперативная база, какую можно представить. Укромно, безлюдно, любой посторонний как на ладони. Лучше выждать дальнейшего развития событий. Что будет в городе и в стране? Бардак и анархия или военное положение с перекрытыми дорогами? Когда прояснится, тогда от этого и будем плясать. В любом случае ехать в Садов по центральным дорогам нельзя. Их будут перекрывать в первую очередь, именно они и опасны заторами. А затор на огороженной трассе может быть вечным – те же барьеры на МКАД никакой «Форанер» не преодолеет, а если еще застрять где-то в средних рядах...

Поедем мы по второстепенным и проселочным, по картам. Их и перекрывать будут с меньшей вероятностью, и съехать с них на бездорожье можно в любой момент. К счастью, хороший атлас у меня имеется.

Еще о машинах. Нас сейчас четверо плюс кот и огромная собака, успешно занимающая весь багажник, хоть он в «Форанере» не маленький. Затем я привезу Татьяну, свою девушку, и нас станет пятеро – предел фактически. Дополнительных сидений у меня нет, да и толку от них... А еще груз, а еще много чего. Сверху у меня багажник во всю крышу, но у него по весу ограничения есть, и там запаски ездят. Да и вообще не годится на одну машину рассчитывать.

Если друг мой Леха, владелец еще одного старого вездехода, отправится с нами, на что я всерьез рассчитывал, то будет проще. У него старенький «крузак-восьмидесятка» с атмосферным дизелем, и машина тоже умеренно заточена под внедорожные поездки. Их двое, так что хватает места и под груз. Сразу все упрощается. Но не следует забывать и о третьем моем друге – Мишке Шмелеве, с которого вся эта эпопея с джиперством и началась – он всех заразил этим, и он работает в сервисе, где тюнингом этих самых джипов занимаются. И водила он первокласный, и механик...

Мотор сыто рычал, серая лента шоссе плыла подо мной, увесистый «Грач» приятно оттягивал левое плечо, на соседнем сиденье лежал помповик без патронов в магазине. Вдруг проверят? Как говорил мой ротный в свое время: «Здоровая бдительность и тяжелая паранойя – суть синонимы». По этому правилу и живу. Но сейчас как-то даже успокоился. Решение принято, знаю, что мне теперь делать.

В восемь утра я уже подкатывал к улице Автопроездной. Движения еще толком на улицах не было, вот и доехал быстро. На первый взгляд на улицах было спокойно, но показалось, что раньше мне ни разу не доводилось видеть столько милицейских машин, спешащих куда-то с включенными проблесковыми маячками. Похоже, что в городе начинаются проблемы.

Леха открывает свой магазин снаряжения в десять утра, поэтому у меня осталось еще два часа на разведку. Я думал снова занять место в машине, откуда можно было бы обозревать

здание нашего института в бинокль, но, подъехав ближе, понял, что этого уже не требуется. Проезд по улице Автопроездной был перекрыт, на перекрестке стояла машина с надписью ДПС на борту, и усталый гаишник с лейтенантскими погонами отправлял всех в объезд на параллельную улицу, вокруг лесопарковой зоны. Похоже, что наша ночная стрельба даром не прошла. Я подъехал к нему, высунулся в окно и спросил:

– Слушайте, а как мне попасть в четырнадцатый дом? Я там в автосервис с утра записан.

Следующим после нашего института зданием был автосервис, хоть и располагался почти в пятистах метрах дальше по улице. Как повод заехать на Автопроездную он вполне годился.

– А никак, уважаемый. Закрыт сегодня сервис и вся округа, – решительно заявил гаишник.

– А что случилось?

– Никто толком не знает, то ли убийство, то ли чуть ли не массовое убийство, – к моему удивлению, ответил милиционер. Обычно они не настолько откровенны. – Короче, по всем окрестностям ОМОН шарится, так что плюнь на свой сервис, езжай домой.

Действительно, в оцепленной зоне были видны омовские автобусы, и возле них топтались несколько фигур в городском камуфляже и с автоматами. Очень похоже даже не на оцепление, а на начинающуюся облаву.

– Понял, спасибо.

Я вернулся к машине, сел за руль. Тронул «тойоту» с места, вывернул руль до упора и поехал на перпендикулярную улицу. И так понятно, что в институте больше делать нечего. Вообще. Едва повернул, как увидел, что стоявшие возле автобуса фигуры в камуфляже вдруг дружно бросились куда-то в лесопарковую зону, на пустыри, попутно срывая с плеча автоматы. И оттуда донеслись звуки автоматной стрельбы. Уж это я никогда в жизни не спутаю! И стреляли где-то совсем рядом, за ближайшими кустами.

Я прижался к тротуару, остановился, не глуша мотор. Снова вспышка стрельбы, донеслись чьи-то крики. А затем я увидел, как через заросли голых кустов, переваливаясь, бредет какая-то странная, похожая на бомжа фигура, в которой было что-то очень, очень неправильное. Неправильное в походке, неправильное... во всем неправильное, не могу объяснить. И понял, что воочию вижу ожившего мертвяка. Я не сомневался в этом хотя бы потому, что направлялся он в сторону раздававшейся стрельбы, в то время как любой нормальный человек двигался бы в противоположную сторону, и двигался бы очень быстро.

Что-то ударило машину в правый борт, так неожиданно, что я аж подскочил на месте, выматерившись вслух. Прямо возле окна пассажирской двери стоял человек. Бомж. В отрепье, пропитанном... кровью? Бледное до синевы лицо, блеклые бельма мертвых глаз... Очень страшные глаза. Как сама смерть на тебя уставилась. У меня мороз пошел от затылка волной до самой задницы, сменяясь жаром. Аж руки задрожали. Блин, у него же горло разорвано... Оттуда столько крови на рваном ватнике. И что делать? Я в машине, я в безопасности, но, если я уеду, он пойдет к людям. К тем людям, которые еще и попытаются оказать ему помощь. Не надо ему никуда ходить.

Я сунул руку под куртку, нащупал рукоятку пистолета. Стоп! А если кто-то прибежит на выстрелы? Тем более что мне придется выйти из машины, электроподъемников стекол у меня отродясь не водилось. И что тогда? И засадят меня за убийство бомжа. Как доказывать, что он и без того мертвый был? Нет, стрелять я не буду...

Врубив первую передачу, я вывернул руль вправо до отказа и нажал на газ. «Форанер» рывком тронулся с места, бортом сбив мертвяка с ног, что и требовалось. Теперь вперед, вперед чуть-чуть. Я через бревна на нем переезжаю, не то что через бомжей... Взгляд в правое зеркало – зомби ворочается на земле, пытаюсь подняться. Теперь задний ход и снова газ. Вездеход снова дернулся, и я почувствовал, как большие колеса правого борта проскакали по ногам мертвяка. Дальше, дальше назад, пока я его не увижу. Есть! Встать он уже точно не сможет – я проехал

прямо по коленям, ноги аж выгнулись в обратную сторону, только непонятно, заметил ли он это вообще? А теперь снова вперед.

Вновь машина четырежды подпрыгнула, мне даже показалось, что я слышу треск ломаемых костей. Отъехал дальше, остановился. Вроде бы никто за нами не наблюдал. Все, он уже не ходок, но пытается ползти, опираясь на одну руку. Вторую ему тоже сломало. Зато теперь есть надежда на то, что те, кто его обнаружит, поймут, что с ним что-то не так. Все же есть предел человеческой наивности, пожалуй, разберутся, что к чему.

– Вот, хорошо, так и лежи там, дай людям тебя рассмотреть, – сказал я, переведя дух.

Ну и все, больше мне здесь делать нечего. Я съехал с тротуара, покатил дальше. Дорога была совершенно пустой, машин не было. Стрельба сзади тоже затихла, и не думаю, что зомби-бомжи сожрали ОМОН. Навстречу мне попала лишь одна милицейская машина, и тоже с включенным маячком.

Дорога пару раз вильнула среди серых бетонных заборов и пустырей с чахлыми кустами без листьев, а затем впереди показались девятиэтажные панельные «хрущобы». Возле крайнего дома стояла толпа людей, снова виднелись милицейские машины. Продолжение проблем с мертвяками?

Я остановился, заглушил машину и направился к кучке бабок, среди которых выделялась одна, невысокая и шустрая, в пуховом берете, которая явно рассказывала своим товаркам о том, что происходит. Не думаю, что она откажется все повторить заново, – не тот народ эти бабки.

– Бабань, а чего за шум-то? – спросил я ее негромко.

– Да там в девяносто восьмой жилыцы то ли перепились, то ли наркоманы они теперь, хотя раньше пили, не просыхая, – охотно начала она рассказывать, обрадованная появлением нового слушателя. – Сосед мой к ним с утра зашел, Петрович, на опохмелку попросить, а они его искушали, веришь? Прямо как собаки кинулись! И ну его кусать! Тот едва дверь за собой захлопнул, счас его «скорая» увезла, в крови весь был. А туда милиция ломица, грит, штоб им дверь открыли, а те ни в какую.

Я глубоко вздохнул. И что толку, что Дегтярев перед смертью звонил везде, куда мог? До сих пор милицию даже никто не предупредил, с кем они имеют дело. Искусанного увезла «скорая», а он обратится вскоре, если уже не обратился. Милиция пытается вломиться в квартиру и арестовать оживших мертвецов. Новые укусы гарантированы. Почему их никто не предупредил? Не «довел до личного состава»? Я огляделся, увидел двух милиционеров в форме у подъезда, подошел к ним. Один был совсем молодой, высокий, с погонами младшего сержанта и с «ксюхой»,² висящей на плече стволом вниз. Второй был чуть постарше, и погоны у него были с тремя лычками, сержантские. Я обратился к ним:

– Ребята, вы еще в квартиру не вошли?

– А вам какое дело? – мрачно спросил младший сержант.

Лицо у него было усталое, как после бессонной ночи, наверное, прошлую смену никто не поменял, всех оставили на службе.

– Не входите туда, – сказал я ему. – Я знаю, о чем говорю, просто слушайте. Если они на вас бросятся, не давайте себя укусить. Это бешенство, это сегодня ночью, во время взрыва, зараженные крысы и обезьяны по всему городу разбежались. Перекусили людей, теперь те на других бросаются.

– А откуда ты... – начал второй, с погонами старшего сержанта, но младший его остановил, причем в глазах у него засветился интерес.

– Продолжайте, пожалуйста.

Врать так врать. Не объяснять же, что я на самом деле знаю?

² АКС-74У.

– Это эпидемия. Я врач, я знаю, я уже не раз столкнулся с такими за ночь. Они бросаются на людей, кусаются, не чувствуют боли. – Я врал уже вполне вдохновенно. – У нас в приемном покое за сегодняшнюю ночь трое таких взбесились. Их только пулей в голову можно убить, в тело они не чувствуют. И они смертельно опасны – укус, и ты заражен.

– Точно. Так и было! А вы меня за дурака держите! – вдруг торжествующе закричал младший сержант. – Иваныч этой твари весь магазин в башку засадил, пока тот свалился. Я четыре пули из «ксюхи» в грудь ему вlepил, а тому хоть бы хны! Слышишь, что доктор говорит? Ох, елки... он же укусил Иванова-то!

– И где Иванов? – спросил осторожно я у младшего сержанта.

– Домой с дежурства пошел, – немного растерянно ответил тот.

– Давно?

– Давно, – кивнул молодой. – Он почувствовал себя плохо, отпросился. А так у нас вот... час назад смена должна была случиться, да не случилась.

– У Иванова вашего семья есть? – все так же тихо спросил я у них.

– Есть, жена, две девочки... а что? – вступил в разговор старший сержант, заметно напрягаясь.

– Пошлите туда кого-нибудь. Хотя... убил ваш Иванов уже семью свою и съел, – махнул я рукой.

– Как? – не понял сержант.

– Вот так: ням-ням... – Меня начала пробивать беспричинная злость непонятно на кого, возможно и на самого себя. – Если поедет туда от вас кто-то, пусть стреляет их всех, кто шевелится. Иначе они вас уже всей семьей сожрут. Да предупредите ваших наверху, чтобы дуром в квартиру не лезли. Один укус – и смерть. Точнее, таким же станешь, кусаться начнешь, а потом уже помрешь, не сразу. Это как собачье бешенство, думайте. Думайте башкой!

Последние слова я сказал, уже уходя, но все же услышал, как младший сержант взялся за рацию, вызвал кого-то и как говорил в нее: «Доктор здесь из «скорой» был. У них таких бешеных пруд пруди за ночь было. Не лезть туда, говорит, они заразные хуже чумных! Да!.. Просто не суйтесь без защиты!» Я мысленно похвалил сообразительного младшего сержанта. Не стал тот объяснять все как есть, чтобы просто не послали подальше, а зацепил коллег тем, что больше всего напугает, – небывалой заразой. А потом уже можно и подробности рассказать.

Я уже подходил к своему вездеходу, как мимо, рыча мотором, пронесся милицейский «уазик» с обоими сержантами внутри. Наверное, поехали проверять семью того самого Иванова, который ночью высадил весь магазин пистолета в голову зомби, но был укушен.

Я достал из кармана мобильный телефон, набрал номер Алины Александровны. Та узнала его по определителю номера, потому что сразу встретила словами:

– Да, Сережа?

– Беспорядок уже начинается, – известил я. – В городе атаки зомби, я сам был свидетелем. Один бросился на мою машину. Местами случается стрельба. Много разговоров об укушенных, которых увозит «скорая». «Скорая помощь» распространит заразу окончательно, похоже, что их никто и ни о чем не предупреждал. Я куплю все, что нужно, встречу своих друзей, и мы поедем в Садов. К вечеру в Москве начнется кошмар, это уже сейчас видно.

На той стороне линии послышался тяжелый вздох, затем меня спросили:

– Володя не звонил?

– Нет, и не позвонит, – успокаивающим тоном ответил я. – Я только слышал об этом месте, куда его увезли. Это еще хуже, чем Садов по режиму, где-то в Горном Алтае. Никто ему там никакой телефон не даст.

– Сережа, вы мне правду говорите?

В голосе у нее проскочило подозрение. Не вся лапша на ушах держится.

– Конечно, – уверенно ответил я.

– Приезжайте скорее, – попрощалась она со вздохом.

Телефон отключился. Вот так и придется теперь врать, до самого Горького-16, если мы туда доберемся. Я поехал дальше, объезжая толпу. После жилого района дорога шла через небольшой лесопарк, и там я увидел врезавшуюся в дерево и лежащую на боку карету «скорой помощи». Возле нее стояла одинокая милицмейская машина с буквами ДПС на боку. Один из милиционеров заглядывал внутрь машины, а второй пристально смотрел куда-то в лес. Попробуем угадать, что же здесь произошло? Мертвый пациент обратился? Думаю, что угадал, могу купить себе пирожок.

Снова набрал номер. Откликнулся молодой женский голос:

– Привет, любимый.

– Привет, – сказал я, затем спросил: – Ты сегодня в магазине?

– Нет, я сегодня тренирую, – ответил голос. – А что?

– Я тебя заберу. В городе беспорядки начинаются, думаю, что даже дети к тебе не придут.

Может, я за тобой домой заеду?

– Куда заберешь? – удивленная интонация.

– В безопасное место. Потом объясню.

Пауза, затем вопрос:

– Мне что, вещи собирать?

– Лучше всего. Собирай для природы, может быть, на даче отсидимся.

– Вдвоем?

– Нет. Леха, Вика. Еще там люди будут. Правда, большие проблемы накатывают.

– Хорошо. Заезжай, потом обсудим. Но заезжай на работу, я все же поеду туда, в любом случае надо забрать кое-что, да и детей по домам распустить, если приведут.

Я отключился и решил, что теперь я поеду за новыми СИМ-картами для мобильного телефона. Моя нынешняя болтливость – уже излишество. Если меня точно не запеленгуют, то смогут запеленговать дачу, с которой мне звонили. А этого делать не надо.

Пасечник

20 марта, вторник, утро

– Дегтяревы исчезли. Уехали в сопровождении человека, очень напоминающего помощника Дегтярева.

– Крамцов? – переспросил Пасечник в трубку.

– Охранник в доме, где живут Дегтяревы, фамилии не знает. Зовут Сергей, – доложил голос на линии.

– Крамцов, – кивнул главный безопасник. – В квартиру входили?

– Нет, рискованно, – ответили ему. – И дверь такая, что без шума не вскрыешь. Но уверены, что там ничего интересного. Важно то, что все уходили с огромными сумками и даже с собакой и котом. Похоже на переезд.

– Возвращайтесь, – скомандовал Пасечник.

Он сидел в кабинете Дегтярева, откуда тело директора института уже унесли. Все трупы пока складировали в холодильнике в подвале, который запитали от генератора. От генератора же питались и лампочки в здании. Сейчас здесь находились около пятнадцати человек из СБ, а заодно и несколько оперов из Центрального следственного управления по городу Москве, которых прислали по просьбе самого Пасечника для того, чтобы они заворачивали всех других любопытных ментов.

Группа из четырех человек закладывала заряды тротила во всех ключевых точках института. После отъезда всех в Центр здание планировалось взорвать под корень. Еще четыре человека были «силовиками», причем такими, применение которых обычно не афишируется. Подготовка у них была не спецназовская, скорее просто приемлемая, зато с моральной стороны своей работы они думали меньше всех, и в этом была их сила. Сейчас их отправили в квартиру Крамцова, чтобы устроить там засаду. Ерунда, конечно, тот не такой дурак, чтобы туда возвращаться.

А еще одна группа, вся целиком составленная из бывших работников уголовного розыска, занималась главным делом – искала следы пропавших контейнеров с «материалом». Им уже удалось узнать, что Дегтярев несколько раз связывался с Крамцовым. Посланные «силовики» проникли к тому в квартиру и обнаружили, что жилец, судя по всему, съехал окончательно и в неизвестном направлении. Они выяснили номера машины Крамцова и даже хотели объявить ее в областной розыск, но в городском УВД им сказали, что искать машину теперь просто некогда и некому, в городе творится черт знает что. В общем, вежливо послали. И с этим Пасечник согласился, и такую соблазнительную возможность найти потерявшегося Крамцова пришлось оставить.

Путем опроса сотрудников, сидевших по домам, удалось выяснить, что у Крамцова где-то есть дача, но ничего точнее о ее местонахождении никто не мог сказать. Даже указать направление от города. Но все же хорошие связи есть хорошие связи, и буквально пять минут назад Пасечник послал во все областные организации, занимающиеся учетом и регистрацией недвижимости, целую команду следователей из того самого ЦСУ УВД Москвы, потому что своих людей не хватало, да и удостоверения у настоящих ментов были поавторитетней, чем у его эсбэшников.

Сам Пасечник для себя уже смирился с тем, что существующий уклад жизни летит в тарарары. Его семья примерно через час, собрав вещи, отправится в Центр в Тверской области. Объяснил он им необходимость такого отъезда грядущими гражданскими беспорядками. Их будут сопровождать такие же, как Дима и Вася, самые надежные и проверенные, его личные «преторианцы», с удостоверениями сотрудников ГУ ФСИН и, как следствие, вооруженные до

зубов. Прорвутся, потому что «пока еще не началось». Сам же он со своей командой должен был отсюда перебраться в усадьбу Бурко, откуда их и должны были эвакуировать.

Вопросами эвакуации занимался не он, а друг детства хозяина бывший десантник Салеев, но Пасечник вовсе и не претендовал на первенство в этом вопросе. Он и сам считал, что лучше всего обязанности делить. В структуре «Фармкаора» и в будущем княжестве Бурко ему логично переходила должность «председателя КГБ». Салеев же брал на себя функции «министра обороны». У них даже люди у каждого были свои, подобранные лично. У Салеева все больше вояки, из армейских или флотских, у Пасечника – МВД или иные «органы».

Оспаривать же власть самого Бурко он не хотел. Ему и в своей шкуре было комфортно. К тому же он признавал, что Бурко умнее его. Умнее, может быть, не во всем, но прозорливей – наверняка. Никто вокруг Бурко не умел настолько хорошо видеть всю картину происходящего, как он сам. Да и относился к своим людям он так, что мало кому хотелось его предавать. Тот же Крамцов вообще-то совесть должен был иметь, а не сбегать с контейнерами, он со студентов работал за такую зарплату, о какой не всякий и мечтает. Бурко полагал, что, если человек толковый и работает с секретными материалами, от которых будущее компании зависит, то и платить ему надо так, чтобы не хотелось перебежать к конкурентам. Именно поэтому Бурко люди служили за совесть, а не за страх, хотя, при желании, страху он тоже мог нагнуть.

Сейчас Пасечнику было делать нечего, он ждал результатов. Дергать своих людей постоянными указаниями только для того, чтобы показать, что «начальство бдит», он тоже не любил. Поэтому стоял у окна, куря и наслаждаясь задуваемым с улицы холодным весенним ветром. Неожиданно он услышал звуки, которые не спутаешь ни с чем, – вспышку автоматной стрельбы. Очереди то становились интенсивней, то реже, но стрельба не замолкала. Двое охранников, охранявших пролом, выскочили на улицу и стали что-то высматривать, показывая друг другу руками на что-то справа, то, чего Пасечнику не было видно из окна. Он не выдержал, высунулся наружу чуть не по пояс.

Вдалеке, в зарослях кустов на пустыре, что-то происходило. Там виднелись фигурки омонцовцев в городском камуфляже, какие-то тела кучами тряпья лежали на земле. Чуть дальше грязную поверхность пустыря пересекала серая полоска дороги, и по ней, не торопясь, от места боя уезжал серый джип на высоких колесах. «Правильно, мужик, беги отсюда подальше», – мысленно сказал Пасечник водителю серого вездехода, даже не подозревая, что обращается как раз к разыскиваемому Крамцову.

Мария Журавлева, мать двоих детей

20 марта, вторник, утро

Маша Журавлева была матерью двоих детей, восьмилетнего Саши и четырехлетней Лики, рыжей, восхитительно хорошенькой женщиной тридцати лет, с ни капли не испорченной родами фигурой, с красиво удлинёнными к вискам зелеными глазами и очень белой кожей. Она собирала детей, собираясь вести Лику в детский сад, а Сашу в школу. Потом она поедет на работу в банк «МосФинанс», где с прошлого года возглавляет отдел, чем без меры счастлива.

После случайной и трагической гибели мужа почти три года назад растить детей одной было тяжело. Еще не оправилась от родов, и тут на нее сваливается такое горе. Повезло хоть в том, что при жизни Павел, ее муж, неплохо зарабатывал и успел купить трехкомнатную квартиру в новом каркасном доме возле метро «Проспект Вернадского» и оставил машину, совсем новую «Рено Меган».

Не имея возможности догулять «декрет», Маша досрочно вышла на работу в тот самый банк, в котором работала до гибели Павла. Работа помогла ей отвлечься от своего горя, да и дети скучать не давали. Вся ее совсем не высокая зарплата уходила на еду, детскую одежду и оплату няни – самой ей почти ничего не оставалось. В течение года она даже журналы не покупала, настолько экономно жила. К счастью, управляющий филиалом, пожилой дядек маленького роста, но с большим сердцем, Борис Львович Герцман, порекомендовал ее повысить до начальника отдела, искренне пытаясь помочь молодой одинокой матери. И помог. На нынешней должности ей платили чуть не в три раза больше, не считая всевозможных бонусов, и жить стало не в пример легче. Но и работать приходилось много, так что спуску детям она с утра не давала, и все они всегда были одеты для выхода абсолютно своевременно.

Они спустились на лифте, вышли в огороженный двор, где был припаркован их небольшой и симпатичный автомобиль. По крайней мере, он всем им нравился. Машина мигнула фарами, открывая двери по сигналу с брелка, дети полезли на заднее сиденье, а мама села за руль. Мотор тихо заурчал, как просыпающийся кот, и машина выехала на улицу. До детского сада было всего пять минут езды, а оттуда до школы – еще десять. На работу Маша обычно приезжала за четверть часа до начала рабочего дня. Ежедневные поездки были похожи друг на друга как две капли воды, и время она могла прогнозировать с точностью до минуты. Однако сегодня что-то пошло не так. И машин было меньше на улице, и людей, и вообще – словно в воздухе что-то носилось нехорошее. Уже на подъезде к детскому саду она увидела две милицейские машины. Ближе ее не пропустили, подъездная дорожка была ими перекрыта.

Приказав детям сидеть в машине, Маша подошла к одному из милиционеров, немолодому, с погонями капитана, и спросила, что случилось. Тот обернулся с явно заметным выражением лица в стиле: «Проходите, не толпитесь», но, увидев красивую женщину, смягчился и сказал:

– Какие-то психи забрались ночью в детский сад, напали на одну из воспитательниц. Можете ехать домой, сегодня уже они работать не будут. И если по-хорошему, то езжайте вообще домой, не выходите на улицу. Все как с ума сошли, всю ночь вызовы. Пятна на солнце, что ли? У всех психов обострение.

Маша поблагодарила и вернулась к своей машине, чувствуя себя совершенно озадаченной. Можно сейчас отвезти Сашу в школу, но Лику девать некуда, нужно договариваться с няней, вовремя на работу она все равно не успевает. Надо звонить Борису Львовичу. Она извлекла из сумочки мобильный телефон и набрала своего начальника. Герцман наверняка был уже на работе, он приходил невероятно рано, часа за два до открытия. Немолодой убежденный холостяк, он все свое время проводил в обществе финансовых отчетов и лишь наедине с ними чувствовал себя по-настоящему счастливым. Ответил он сразу:

– Герцман.

– Борис Львович, это Мария Журавлева, – затараторила Маша. – У меня возникли некоторые затруднения, и я могу опоздать. Дело в том, что неожиданно закрыли детский сад, причем закрыла милиция, и я не могу...

– Машенька, подождите, – перебил ее начальник. – Что там происходит в городе, скажите мне? Уже половина сотрудников позвонила, и все рассказывают какие-то странные вещи. Лена Вартанян из операционного зала даже сказала, что у нее в подъезде стреляли, и там полно милиции, и кто-то погиб. И милиция их не выпускает из квартир, пока кого-то не поймает.

– Борис Львович, мне милиционер сказал, что какое-то массовое помешательство у всех психов сегодня началось. Он еще сказал, что... – Закончить фразу она не успела, потому что в том месте, где стояли два милицейских «форда», вдруг громко и часто захлопало, раздались отчаянные крики, как будто кто-то от кого-то требовал, чтобы тот ложился.

– Ой! – крикнула Маша прямо в трубку и заскочила в машину, поближе к детям. – Борис Львович, они стреляют в кого-то! Милиция стреляет! У меня же дети в машине, как они могут!

– Машенька, берите детей и немедленно езжайте домой, – закричал в трубку Герцман. – Все, к черту, я не открою сегодня филиал. Закрыто по техническим причинам, руководству скажу, что сбой системы. Будем сидеть здесь с охраной. Что же случилось в этом городе?

Маша плюхнулась за руль, включила заднюю передачу и быстро выехала на дорогу, причем так решительно, что какая-то «девятка» еле увернулась от нее и разразилась отчаянным библиканьем. Стрельба было смолкла, но вдруг разразилась с новой силой. Маша решила не дожидаться развязки и рванул а домой. По пути она догадалась включить радио, городскую новостную станцию. В эфире шел разговор в прямом эфире, ведущий говорил с кем-то позвонившим по телефону, обладателем старческого голоса:

«... – И вы это сами видели?

– Я вижу это прямо сейчас. Они стреляли в этих людей, те падали, а потом снова вставали. Кто-то был ранен.

– Это была милиция?

– Они похожи на ОМОН, такие же пятнистые костюмы у них. А те, в кого стреляли, одеты по-разному, как все.

– Почему милиция в них стреляла?

– Я не знаю, но они не убегали от милиции, наоборот! Те стреляют, а эти идут прямо на них!

– Сколько их было?

– Несколько милиционеров, пять или шесть, и трое тех, убитых. Один милиционер ранен, кажется. Один из нападавших успел его схватить, но я не видел, как он его ранил».

– Мам, о чем они говорят? – спросил Саша.

– Я, Сашка, пока сама не пойму, – растерянно ответила Маша. – Что-то происходит в городе.

– Это про тех, которые сейчас стреляли, говорили?

– Нет, непохоже...

Маша пультом подняла шлагбаум на въезде во двор, припарковала машину на свое место. Вывела детей, схватила их за руки и быстро повела в дом, в безопасность. Как будто в воздухе уже носилось предчувствие большой беды.

Сергей Крамцов

20 марта, вторник, утро

Проезжая через город, я еще в двух местах заметил непонятную суету и присутствие милицейских машин. Кое-где видел людей, собравшихся группками, но для начала рабочего дня их было маловато. И машин на дороге. Все же город что-то чувствует, замечает. В воздухе повисло как будто предчувствие грозы. Серое мартовское утро, низкие тяжелые облака, грязь у тротуаров, оставшаяся после схода снега и еще не убранная, все это как гнет на душе.

По радио тоже начали говорить о непонятных происшествиях, начавшихся этой ночью и все больше и больше распространяющихся по городской карте. По слухам, уже первые сообщения о непонятных происшествиях поступили даже из Санкт-Петербурга. Вот что значит всего сорок минут полета. Инфицированный не успел бы даже почувствовать себя плохо, особенно если это была жертва укуса крысы, или что-то в этом духе, без серьезных повреждений. И уже в городе на Неве он бы обратился и понес разносить эпидемию дальше. Или кто-то успел заразиться в Москве, а в Питере попал под машину. Погиб и воскрес. Надо бежать как можно дальше от Москвы. Чем больше людей, тем в страшнейший кошмар превратится это место вскоре.

Магазин, в который я ехал, находился в переулке возле проспекта Мира, неподалеку от института Склифосовского. Во дворе клиники стояли омовские автобусы, вокруг них толпились люди в камуфляже. Кто-то бегал по двору с оружием, тащили носилки с лежащим на них телом. Или началось поедание одних трупов другими в морге, или обратившиеся пациенты бросаются на остальных. Одним из немногих верных путей предотвратить эпидемию являлся бы запрет на оказание медицинской помощи укушенным, немедленная их изоляция или даже убийство, но кто сможет так поступить? И больницы, вместо того чтобы служить убежищем, превращаются в источник заразы.

«Форанер» бодро бежал по полупустым улицам, я пару раз вильнул по переулкам и остановился у невзрачного, расположенного в полуподвальном этаже магазинчика с зарешеченными окнами, на котором висела вывеска «Стрелец». Лехиной машины видно не было, но он всегда ставил ее во дворе.

Я припарковал машину, сначала огляделся, лишь затем выбрался из нее и зашел в дверь, над которой мелодично блямкнул колокольчик. Огляделся. Два маленьких зала, в том, который слева, еще даже не закончен ремонт, закрыт для покупателей. В правом зале все забито всевозможной воинской и охотничьей справой, одеждой и обувью, разгрузками, с этим всем вперемешку палатки и резиновые лодки, стойка с радиостанциями и приборами GPS, пневматическое оружие, бинокли и прицелы, в общем, черт ногу сломит, а необходимость скорейшего завершения ремонта во втором зале видна невооруженным глазом. Но успеется. Хорошо, что вообще на ремонт сумели денег набрать.

За кассой сидела девушка Вика, с русыми волосами, убранными в конский хвост. Она смотрела в экран подвешенного под потолок маленького телевизора. Когда я с ней познакомился, то даже встречался пару месяцев, хоть дело так и не дошло до постели. Вика – девушка с правилами, и все было вполне невинно. Но потом она ушла от меня к Лехе, а я даже ничуть не обиделся. Все же он не только мой лучший друг, но он еще с ней работал. Он был оружейником в гарантийке, а она в том же магазине работала в зале. По крайней мере, они теперь могли проводить вместе больше времени, чем она могла проводить его со мной, постоянно пропадаящим на работе. И мы все трое оставались друзьями.

Наверное, не так уж я и влюблен был в Вику, чего не скажешь о Лехе. Вот у них сейчас все серьезно. А так мы вместе проводили отпуска, почти все выходные в теплое время они обитали у меня на даче, на шашлыках или на рыбалке. И вот однажды Вика пригласила с собой новую

подругу, одну очень молодую и симпатичную тренершу по дзюдо. Среднего роста, стройную, стриженную под мальчика, со строгими серыми глазами и очень, очень хорошеньким лицом. Тренершу звали Татьяной, она любила поговорить о единоборствах и мотоциклах и после первого долгого разговора спокойно и без излишней застенчивости оказалась в моей кровати, где понравилась даже еще больше. Так Татьяна стала «моей девушкой», а в компании нас стало четверо, и мы достигли окончательной гармонии в отношениях.

– Вик, привет, – поздоровался я, воздев правую руку в римском приветствии «Ave!».

– Ой, Серега! Давно не видели, – обрадовалась она и позвала: – Леха!

Вика поцеловала меня в щеку, и я поцеловал ее в щеку. Из подсобки вышел Леха – высокий, плечистый, белокожий, с короткими светлыми волосами, как с плаката какой-нибудь русской националистической партии. Крепко пожал мне руку и, по своему обыкновению, хлопнул по плечу.

– Какими судьбами с утра пораньше? – спросил он и добавил: – На тебя непохоже.

– Вы там... – Я показал большим пальцем себе за плечо, подразумевая мир за стенами магазина «Стрелец». – Там ничего не заметили? Ничего странного? Необычного?

– В смысле? – нахмурился Леха.

Он вообще загадками говорить не любил, во всем предпочитая немедленную и полную ясность.

– Суета. Стрельба местами, – я изобразил нечто неопределенное руками. – Милиция нервная. Людей маловато на улицах. Машин мало. Уже пора пробкам начаться, а улицы полупустые.

– Это да, – согласился Леха. – Мы вроде как даже отсюда выстрелы слышали, но так и не поняли, откуда они. Новый путч начинается, что ли?

– Нет, не путч, – скромно сказал я. – На самом деле начинается конец света.

– Это ты о чем?

Леха посмотрел на меня так, как будто хотел померить мне температуру взглядом. Но не преуспел. И температура у меня была самая нормальная, я это точно знал.

– О том, что там на самом деле, – сказал я. – Слушать будете? Рассказываю один раз и только чистую правду. Повторять не буду, некогда.

Леха скрестил мощные ручки на груди и оперся задницей на прилавок.

– Будем, говори, – сказал он.

В общем, на рассказ у меня ушло минут тридцать. Прерывался я только тогда, когда в магазин заходил посетитель. Но заходили немного, так что рассказывал почти без помех. Обычно даже в будни с утра народу здесь больше.

Когда я закончил, по выражениям лиц Вики и Лехи я понял, что мне вроде как поверили... но не вполне. Единственное, что их поколебало, так это сообщение о том, что Дегтярев застрелился. Они заочно знали моего научного руководителя, знали о наших отношениях и знали меня. Так тупо даже я не сумел бы пошутить. Однако и я их тоже понимал: рассказанное мною тоже не лезло ни в какие ворота.

– Ладно, сейчас можете сомневаться, но к вечеру все станет ясно. В городе начнется кошмар, – подвел я итог своей речи.

– Что ты предлагаешь? – спросил Леха.

– Надо покидать город. У меня на даче семья Дегтярева. Я обещал их увезти в безопасное место, военное такое место с мерами повышенной безопасности, где нас будут ждать и где вы, Танька и я тоже сможем найти убежище. И Шмеля вызовем. Москва обречена. Здесь слишком много людей, зараза распространяется ураганно. Вскоре этот город будет натуральным отображением преисподней. Здесь миллионы людей, а вскоре будут миллионы ходячих мертвецов. Леха, твоя машина здесь?

– Здесь, за магазином, – кивнул он на заднюю стену.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда начнем грузиться. И закроемся. Повесим табличку «Учет» на дверь и займемся подготовкой к концу света.

– Ну ты и нахал... – протянул Леха. – Так прямо и закроемся?

– А ты не просто закроешься, – ответил я. – Ты уедешь отсюда сам знаешь куда и привезешь оттуда патронов столько, сколько получится. А Вика сразу начнет вызванивать Шмеля, пусть подтягивается.

Леха был в настроении спорить, а спорить он мог долго. Всерьез он меня не воспринял, и шевелиться лишний раз ему было явно лень. А без него никак, он с половиной московских оружейных магазинов связан, он всех там знает, он был лучшим гарантийщиком, и только он сможет пополнить скудный наш боезапас. Оружие-то и у него самого есть в подсобке, что расположилась здесь в задней комнатке. Он там «Сайгу» для вящей безопасности держит. И дома у него ствол имеется. А вот патроны...

У меня заранее начало падать настроение в предчувствии бесконечного спора, как вдруг случилось нечто, изменившее его мнение. Прямо перед магазином раздались выстрелы. Громкие и резкие, как удары доской о доску. Мы разом пригнулись за прилавок – инстинкты срабатывали. Слышишь стрельбу – укройся, а потом уже выясняй, в кого стреляют.

– Итить... чего это? – прошептал Леха.

– То, о чем я тебе говорил, – довольно зло от собственного испуга ответил я. – Пошли посмотрим.

– А ну пошли...

Леха заскочил в подсобку и вышел оттуда с «Сайгой 12К» с резиновым амортизатором на прикладе. Я сунул руку под куртку, к кобуре, но вытаскивать пистолет не стал – не такой уж он законный, чтобы его на улице светить без нужды. Так мы добрались до выхода. Я приоткрыл дверь, а Леха взял уходящие вверх ступени на прицел.

– Пошли! – шепнул он.

Я кивнул. Леха пошел впереди, я чуть сзади, сжимая пистолет под курткой и подстраховывая его. Поднялись на тротуар и увидели труп, лежащий буквально в десяти метрах от подъезда магазина. Во лбу две дыры от пуль, но крови почти не видно. Рядом фырчал патрульный милицейский УАЗ, возле которого стояли три милиционера в форме, все с «ксюхами» в руках.

– Эй, мужики, что случилось? – окликнул их Леха. Старший из милиционеров посмотрел на Леху, держащего ружье, но ничего не сказал. Может, милиционер понял, что ружье наверняка легальное, а может, им было уже все равно.

– Психи в городе, – сказал патрульный. – Вы лучше у себя там запритесь и никого не пускайте к себе.

– Что за психи? – изобразил удивление я.

– Ах... их знает, – пожал тот плечами. – На людей бросаются, говорят, что заразные. Бешенство или что-то в таком духе. Увидите кого-нибудь, кто кусаться лезет, так сразу и стреляйте ему в башку, коли ружье есть.

Вид у милиционеров был безнадежно усталый. Откуда-то из-за поворота подъехала раздолбанная «скорая помощь».

– Ну вот и труповозка, – сказал старший остальным патрульным. – Поехали дальше.

Они погрузились в УАЗ с металлической крышей и мятым левым крылом, который, зарывчав мотором и заскрипев подвеской, тяжело тронулся с места.

– Пошли, Леха, собираться, – тронул я друга за рукав.

– Подожди... – остановил он меня. – А чего это с ним?

Я присмотрелся к лежащему трупу. Несмотря на холод, он был босиком, в джинсах и рваной майке, все левое плечо – в следах укусов, оттуда были вырваны целые куски плоти.

– Лех, я же рассказал тебе. Его жрал другой такой же, а потом этот обратился. Так все и происходит. Теперь ты мне веришь? Все понял? – надавив на «все», спросил я.

– Верю. Понял. Пошли, – последовательно ответил на все вопросы Леха.

Видать, на самом деле сомнения его отпали. И действительно, в магазине Леха развил бурную деятельность. Он повесил на дверь под домофоном объявление с текстом: «В магазине учет. Если **ОЧЕНЬ** нужно – звоните», дважды подчеркнув слово «ОЧЕНЬ». Все же свинством будет закрыть магазин в такой момент. Нам все имущество оттуда все равно не вывезти. Хотя... если постараться...

Дальше я еще раз переговорил с Лехой. Вроде как задачу ставил. На то, чтобы везти патроны для того, что у нас есть в наличии, и как можно больше. На бартеры пока желательно не договариваться, а за все платить деньгами. Даже отдал ему две тысячи долларов из своих запасов, а сам Леха, ничтоже сумняшеся, выгреб кассу.

– Лех... Шмель не отвечает, – сказала от телефона Вика.

– Вне зоны или не берет трубу? – уточнил Леха.

– Вне зоны, – ответила она.

– Если он в своей мастерской, то там сигнала во многих местах нет, – сказал Леха. – Сообщение ему отправь, и будем дозваниваться время от времени.

Леха схватил пару больших сумок, пошел к двери, а я обернулся к Вике:

– Начали, в общем. Пошли все разорять.

Леха, схватив свою «Сайгу», причем уже совершенно открыто, убежал на улицу. Может, и я зря стесняюсь? Я выскочил следом, махнул рукой остановившемуся вдруг Лехе, мол «я не за тобой», и выволок из своей машины чехол с помповиком и патронами. А то и вправду, еще дернет кто машину, так останусь и без нее, и без ружья. С чехлом в руках сбежал по лестнице и ворвался обратно в магазин. Вика уже начала доставать из полиэтиленов большие «тактические» сумки и раскрывать их, чтобы упаковывать добро. Умница, прирожденный мародер.

– Вик, держи...

Я плюхнул перед ней на прилавок свой помповик в чехле. Она, как Лехина подружка, обращаться с ним умела прекрасно.

– Заряди, и пусть под рукой будет, – добавил я. – Мало ли? Уже у дверей стреляют. Кстати, у тебя же есть ружье? Не здесь случайно?

– Нет, откуда? – даже чуть удивилась она. – Дома, в шкафу.

– Ладно, потом об этом. Держи мое под рукой, на всякий случай, – сказал я. – На складе есть что?

– Под потолок. – Вика подняла руку над головой. – Завалит. Для второго зала весь товар уже здесь. Вместе выгребать будем.

– Есть что стоящее? – уточнил я.

– У нас все стоящее, – решительно заявила она, попутно заталкивая патроны в помповик. – Или «Спецоснащение», или «Армоком». Ерунды не держим. А тебе бы полезно побольше интересоваться ассортиментом магазина, в котором ты один из владельцев.

Интересней всего мне был один шкаф в подсобке, где Леха держал всякие оружейные приبلуды. Он подрабатывал тюнингом оружия заодно, так что что-то полезное у него всегда было.

При осмотре шкафа, заваленного всевозможным пластиком для оружия, у меня сердце от радости подпрыгнуло: попалась пистолетная рукоятка на ижевские дробовики МР-133 и МР-153. Причем совмещенная со складным прикладом, который не блокирует УСМ.³ Что еще надо? Куда удобней, чем обычный приклад, какой стоит на моей «муре». Я выбежал в торговый зал, где Вика громоздила горы всякого барахла возле огромных сумок, схватил свой дробовик, утащил в мастерскую. И уже через десять минут проверял, как складывается каркас-

³ Ударно-спусковой механизм.

ный приклад и достаточно ли я затолкал под его резиновый затыльник овальчиков-надставок. Отлично! Затем вернул преобразившееся ружье Вике, продолжавшей трудиться в поте лица.

В общем, в мастерской нашлось много полезного. Даже такая штука, как хорошие ружейные чехлы, в дальних поездках всегда пригодится. А так нашлись цевья и накладки на газовые камеры, все с планками Пикатинни, тактические рукоятки, пистолетные рукоятки эргономичной формы, выносные кнопки для ЛЦУ⁴ и тактических фонарей. И все ижевское, кстати, там такая фирма-производитель недавно открылась. Повезло. И еще немного от американцев всяких нашлось, но уже посерьезней – ложки, приклады, в общем – что надо, чем Леха подрабатывает.

Было у нас и немного оптики, тех же отечественных коллиматорных прицелов несколько штук, кронштейны, переходники, кольца. Этому вообще цены не будет. И коробка батареек россыпью. Все свалил в сумку, которую вытащил в торговый зал. Заметив меня, Вика подняла голову и сказала:

– Помогай барахлю собирать.

Сейчас перед ней была настоящая гора ботинок с берцами на все сезоны. Все, как на подбор, американские «Коркоран», крепкие и непобедимые. Это Леха недавно умудрился здоровую партию их перехватить у разоряющейся фирмочки и завезти сюда. А вообще самым большим дефицитом в тяжкие времена всегда становилась обувь. Даже одежду можно пошить и перешить, а для нормальной обуви нужен материал и нужно умение. Возможно, что за эти ботинки мы через год себе танк выменяем. В общем, наш запас обуви всех размеров с трудом влез в две огромные сумки, как их ни уминали и ни перекладывали. Ну и ладно. Имелись у нас и резиновые сапоги, каким тоже ни сносу, ни цены не будет.

А еще мы торговали военным камуфляжем, и он у нас самый разный – и зимний, и летний, и осенний. К моей радости, нашлось несколько коробок с «горками». Отличная штука. Анорак, он же парка, он же «кенгуруха» с капюшоном, брюки с хитрыми манжетами внизу, одновременно и в берцы, и поверх них расправляются, колени и локти укреплены, в штанинах вшиты резиновые стяжки, чтобы не парусило. Леха «горки» продавал, кстати, как энцефалитки, и шли они на ура. Все ценили.

Я сразу схватил один комплект «горки», берцы с носками, наколенники с налокотниками и штурмовые перчатки, которые у нас пошли в продаже почем зря с тех пор, как народ страйкболом и хардболингом увлекся, и метнулся переодеваться. Через пару минут запихнул в рюкзак всю одежду, что снял. Как ни странно, но в практически военной форме и тяжелых, еще не обмятых берцах почувствовал себя лучше и уверенней, как будто приготовился к драке. Правда, наколенники пока не надевал, чтобы народ на улицах совсем не пугать.

Покопавшись в шкафу, к своему удивлению, нашел кордуровые поясные кобуры под «Грача». Все остальное более или менее стоящее из кобур пересыпал в сумку. Один пистолет уже есть, может быть, в будущем еще разживемся.

Вика тоже убежала на склад переодеваться, поддавшись моему заразительному примеру, а я начал классифицировать разгрузки. В армии разгрузки наряду с водкой и берцами – самая расхожая валюта. И заменить их ничем нельзя, разве что самому шить. Поэтому я для нас откинул несколько комплектов подвесной «Смерш», а все жилеты упаковал в отдельную сумку, с навесными подсумками вместе. Это будет «обменно-торговым» фондом.

⁴ Лазерный целеуказатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.